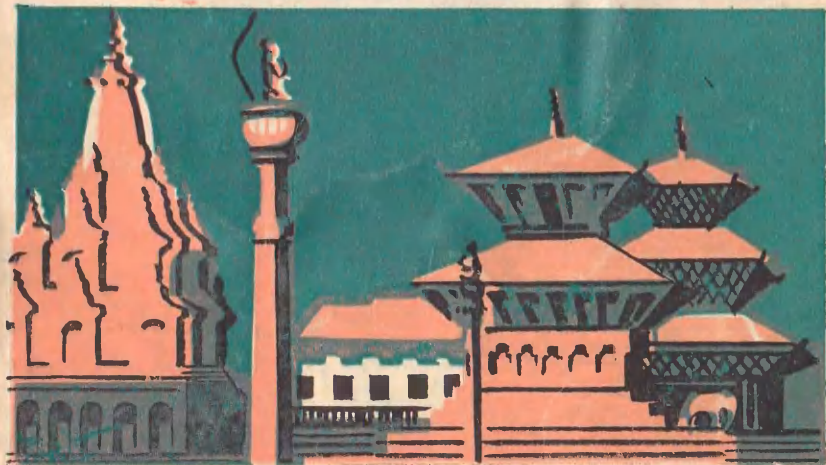




ПУТЕШЕСТВИЕ
ПО СТРАНАМ
ВОСТОКА

Л.В.Якубенюк

ПОД
КРЫЛОМ
ВИШНУ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Л.В.Якубенюк

◆
**ПОД
КРЫЛОМ
ВИШНУ**



(Очерки о Непале)



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1975

Редакционная коллегия

К. В. МАЛАХОВСКИЙ (председатель), А. Б. ДАВИДСОН,
Н. Б. ЗУБКОВ, Г. Г. КОТОВСКИЙ, Н. А. СИМОНИЯ

Ответственный редактор
А. А. ПРАЗАУСКАС

Фотографы В. Н. ЯКУБЕНКА

Якубенок Л. В.

Я49 Под крылом Вишну (Очерки о Непале). М.,
Главная редакция восточной литературы издатель-
ства «Наука», 1975.

279 с. с ил. («Путешествия по странам Востока»).

Автор прожила несколько лет в Непале и рассказывает о своих впечатлениях об этой малоизвестной стране. Описываются крупные города, различные достопримечательности, своеобразная природа, обы- чай и праздники непальцев.

20901-110
013(02)-75 146-75

91(И6)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975.

ДОРОГА



Мне не хотелось бы начинать рассказ о Непале с того, как я туда попала, но, видимо, все же лучше начинать с начала, тем более, что в первых впечатлениях хотя и меньше понимания увиденного, зато больше удивления.

Итак мы (несколько специалистов-дорожников и я с мужем) летим в Непал. 1966 год, конец марта. Позади ночной обледенелый московский аэродром с завыванием холодного ветра. Пронзительный свист турбин самолета ТУ-114 поглотил все и приковал пассажиров к мягким креслам. Пропали в белесой мгле последние огни. Ремни можно расстегнуть. Высота полета 9000 метров, скорость 700 километров в час, расстояние Москва — Дели 5000 километров, длительность полета — шесть с половиной часов.

Несмотря на позднюю ночь, стюардесса, блондинка в форменной одежде, принесла обильную закуску. Потом мы немного вздремнули. Багровая полоса на востоке становилась все шире и светлее. Внизу видна земля — серая, каменистая, пустынная...

Приземлились при ярком солнце, которое выкатилось внезапно.

Дели. Индия! Страна за Гималаями, за этой высочайшей на земле ледяной стеной. Здесь другой мир. Сказочный. Да, если в сказке должно быть что-то необычное, то в Индии в этом недостатка не было с первых же мгновений. Все, что можно было воспринять органами чувств, резко отличалось от привычного. Нас ослепило и обдало жаром, как только мы вышли из самолета. Пахло смесью горелого масла, ладана, бензина, цветов и дыма от тлеющего кизяка. Слышались

звонки велосипедов, сирены машин, цоканье копыт, карканье ворон и гортанные крики бродячих торговцев, ремесленников, лекарей, уборщиков... Мелькали одежды ярчайших красок, с переливающимися узорами, и ужасающие лохмотья; лоснящиеся лица и иссохшие коричневые тела. Тюрбаны, чалмы, длинные бороды, стрелки усов и глаза, глаза... огромные, влажные, обведенные краской, глаза с поволокой, с грустью, с мольбой... Индия производит сильное впечатление. Но я не буду описывать ее, зная, что любознательный читатель может прочитать об Индии немало. Поспешим в Непал.

На другое утро мы снова были в самолете, но теперь в маленьком. И все же в нем были свободные места. Пассажиры расположились по-домашнему. Сидят вразвалку, громко разговаривают, бросают на пол бумажки, жестикулируют под носом у соседа...

Стюардесса в сари, под короткой облегающей кофточкой коричневая полоса голого тела. Резко накрашенное лицо подчеркнуто приветливо. Она делает объявления на английском и на хинди, предлагает карамельки, воду, газеты, позднее, раздала завтрак, упакованный в коробку. Там очищенное яйцо или котлетка цилиндрической формы, кусочек хлеба, кусочек кекса и фрукты.

Под нами Индия. Увы, сейчас в ней нет ничего сказочного. Земля из лоскутов: зеленых, бурых, рыжеватых, серых, главным образом серых. В это лоскутное одеяло вкраплены гнезда коричневых крыш. Кое-где растут большие деревья. Белые, без воды, русла рек. Все это безжизненно замерло под бескрайним мутным маревом.

Вот справа линия горизонта стала зубчатой. Зубцы превратились в скопище конусов, вытянувшееся в гигантскую гряду. Она приближается, конусы становятся крупнее, светлее, белее. Теперь в нагромождении конусов можно различить ярусы. Нижние темнее. Самый верхний сверкает на солнце хрустальными и сахарными вершинами. Сколько их! Не охватить взглядом... Гималаи!

Теперь под нами сплошные кучевые зеленые «облака». Джунгли. Они взбираются на горы. Горы все круче и выше. В ушах звенит и давит. Самолет с усилием поднимается еще выше. А горы уже совсем рядом с нами и выше нас. Мы летим между горами. Хорошо видны

рыжие и белые осыпи, отдельные деревья, не так уж густо они растут, как казалось сверху.

Неожиданно самолет вырвался из гор. Под нами просторная, ярко раскрашенная и ласково освещенная долина. Светло-зеленые ступенчатые поля, весело блестящие речки, высокие темно-зеленые островки и среди всего этого — россыпь желто-красных домиков. Дальше домики собираются в кучу. Да это большой город! Несомненно, мы над долиной Катманду.

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ



Первые впечатления

Выхожу из самолета и на лестнице останавливаюсь. Зеленое летное поле в кольце зелено-голубых гор. Они совсем близко. За резкими контурами ближних гор выглядывают ослепительно белые «сахарные головы». Они притягивают к себе. Но надо спускаться вниз.

Нас окружили русские лица. Здравуются, называют себя, протягивают живые цветы: маки, горошек, розы... А в Москве зима.

Вокруг все как-то очень мирно, очень тихо. Слышно, как поют невидимые птицы и вдали кукарекает петух. Чистое синее небо, яркое солнце, но оно не палит, как в Индии. В воздухе ласкающая теплота и дышится легко.

Машина едет по узкой дороге. По сторонам зигзаги зеленых ступенчатых полей. Справа эти поля-террасы уходят к массивным, тяжелым горам, из-за которых выглядывают сияющие белые макушки других гор. У дороги — деревья, одни с красными ершиками на поникших ветвях, другие с огромными кронами тяжелых глянцевитых листьев, а эти — как огромные снопы.

Въехали в узкую улицу. Трех-четырёхэтажные дома из серого кирпича. Окна — провалы без стекол, наполовину зарешечены. Дальше дома стали теснее прижиматься друг к другу, нижний этаж их почти сливается в сплошную галерею на столбиках, а между столбиками видны овощи, глиняные горшки, еще что-то... не разберешь.

Машина едва не задевает прохожих, но они как будто не замечают этого. Идут неторопливо и безмятежно,



Рис. 1. Рисовые поля в Центральном Непале

словно уверены, что на них ни при каких обстоятельствах не могут наехать. Удивительно спокойные лица. Молодые и немолодые, красивые и некрасивые, простые и непроницаемые (таких, кажется, больше всего), но все спокойные. Бросаются в глаза женские фигуры, задрапированные по-индийски до пят в яркие легкие сари. Они с большим достоинством несут свои стройные тела. Сари слегка развеваются, и женщины кажутся воздушными. Где-то я уже видела подобные фигуры? Ах, да — на иконах. Такие же складчатые одежды, сочные краски, сандалии на босых ногах и неподвижные лица. Не с этих ли женщин писались наши иконы? А я-то думала, что святые на иконах — фантазия художников!

Между тем машина миновала торговую улицу, повернула направо. Мимо, за каменными стенами, поплыли безмолвные, словно необитаемые, белые дворцы и виллы, выглядывающие из буйной зелени. Местами по густой листве деревьев сбегают розово-лиловые цветы,

другие смешиваются с кирпичных стен. Здесь много роз, здесь на стенах ежятся кактусы, а там — осколки стекол.

Свернули в узкий переулок между двумя кирпичными стенами, и в выступе их сами собой распахнулись ворота, машина въехала во двор, полный цветов. К машине огромными прыжками подскочил коричневый пес и приветствовал приехавших радостным лаем. Мы были сразу причислены к своим...

Перед рассветом, когда небо еще было светло-серым, меня разбудил громкий птичий гомон. Трели и свист, шелканье и бульканье, веселая трескотня и унылые, однообразные крики, чириканье и карканье — все, смешавшись, вызывало представление об огромном катящемся шаре, оболочка которого непрерывно шевелилась и, мигая, сверкала... Временами обыкновенное кукареку разрушало этот шар, а затем все начиналось сначала.

Теперь уж не успеешь, хотя по московскому времени была еще глубокая ночь. Здесь, в Пенале, день начинается на три часа раньше.

Окно в комнате становилось все светлее, за ним проступали раскидистые деревья, поодаль — белые дома с балконами, а вблизи, как на ладони, серые, предельно простые двухэтажные дома с нависшей черепичной крышей на косых подпорках (подкосах); окна и двери — пустые черные проемы. Земля вокруг домов обнесена низкой кирпичной стеной, она серая, замусоренная, как будто вытопанная. Скоро эти дома ожили. Из дверей выходили мужчины и женщины, все делали шага два за угол дома, не заботясь о том, что их могут увидеть.

Из окна соседнего дома что-то выплеснули, выбежал голый ребенок и отчаянно заревел, вышел мужчина с маленьким медным кувшинчиком под мышкой, видимо совсем собравшийся идти на работу: на нем были черная шапочка, белые штаны, черный пиджак, из-под которого почти до колен спускалась белая рубаха. Он остановился у большой черной ямы в двух шагах от дома, наклонил кувшинчик, смочил пальцы под струей воды, отряхнул воду, провел рукой по лицу, затем бросил горсточку воды в рот, выплюнул ее, вылил остатки воды из кувшинчика на землю и ушел в дом. Скоро он прошествовал с важным видом через пролом в стене.

Другой мужчина проделал такой же утренний туалет, только высунувшись прямо из окна.

Женщины вынесли подстилки и какие-то тряпки и побросали их на кирпичную ограду. Позднее четыре женщины расположились около черной ямы. Одна, сидя на корточках, стирала в маленьком тазике, двое сидели на земле, вытянув босые ноги, и по очереди курили из курильницы, похожей на лампу; женщина в зелено-сером сари, сидя на корточках, чистила медную посуду, а к ее спине был прикручен полотенцем ребенок. Его головенка болталась при каждом движении женщины, но он не плакал. Тут же еще ползали и бегали в коротких рубашонках и без них другие ребята, уныло ходили взъерошенные собаки и бойко разгребали землю куры. А надо всем этим какая-то птица громко перекликалась с вороной: «Браво, браво!» — «Кар, кар!»

— Ну уж и «браво»! Это еще надо посмотреть!

Мне не терпелось посмотреть все вблизи, вплотную, но только к вечеру я смогла побродить по ближайшим улицам. Со мной пошла переводчица Светлана, она прожила в Непале около двух лет, и ей хотелось показать свои познания старожилу.

Мы вышли на Ройял уэй (Королевскую дорогу) — так называется улица, которая идет от центра города на север и проходит мимо дворца махараджадхираджа *. На участке, куда мы вышли, в ней не было ничего королевского. Дома и домишки из серого необожженного кирпича, в которых зияют в два-три ряда прямоугольнички незастекленных окон. Черепичные крыши над косыми подпорками, с них свисают связки красного перца или чеснока, тряпки, глиняные горшки на веревочках.

Ройял уэй далеко не прямая улица, но у нее есть прямые участки, и она шире других. Ее перестраивали в 1960 г. к приезду в Непал английской королевы Елизаветы. Улица не только замощена, но имеет еще и тротуары. Там, где она проходит по низине (в городе, как и вокруг него, нет ровной земли), улица похожа на мост с глухими каменными перилами. За ними мозаика

* Ма х а р а д ж а д х и р а д ж — букв. царь царей; это основной официальный титул правителя; полный перечень его титулов занял бы половину страницы.

крохотных ступенчатых огородов и рисовых полей, а затем повыше — коттеджи и настоящие дворцы.

Сначала мы пошли налево, в гору; здесь вдоль дороги кое-где растут эвкалипты — деревья с узкими, длинными листьями и голым стволом, с которого отстает тонким слоем кора. Домов немного, они то на одной, то на другой стороне улицы. Мы дошли до места, где слева красовался оранжевый куб Ситал ниваса — дома для почетных гостей. В нем останавливались, например, английская королева Елизавета, премьер-министр Индии Индира Ганди и др. Здесь жили и гости из СССР: в феврале 1960 г. — К. Е. Ворошилов, Ф. Р. Козлов и Е. А. Фурцева, а в ноябре 1963 г. — космонавты В. Терешкова, А. Николаев и В. Быковский.

Справа белела полукруглая высокая стена, украшенная рельефным орнаментом. До 1951 г. дворец за этой оградой принадлежал семейству Рана, теперь там помещается армейский гарнизон. Опять я слышу имя Рана. Хозяин дома, где мы поселились, — Рана; завтра мы поедем с визитом к мистеру Рана; с веранды нашего дома на темном фоне гор и зелени среди коричневатых построек выделяются большие белые дворцы Рана.

Полюбовавшись на расстоянии этими охраняемыми постройками, мы пошли обратно.

Отличная погода. Тишина и покой разлились широко и свободно. Немногочисленные прохожие идут неторопливо. Одежда их совсем не красочна. Ничего похожего на то, что я видела вчера на главных улицах. На мужчинах штаны и рубахи из грубого, домотканого полотна, окрашенного в сероватые тона, одного и того же фасона у всех: штаны с узкими штанинами плотно облегают ноги и очень просторны в области таза, они собираются на поясе в сборки, образующие пузырь. Длинная, почти до колен рубаха со стоячим воротом завязывается тесемками у правой подмышки. Поверх нее на многих темная короткая безрукавка или пиджак. На голове черная или пестрая шапочка, напоминающая пилотку. А обувь? Многие обходятся без нее, идут босиком. А те, кто в обуви, хотя бы и на босу ногу, идут солидно, с чувством собственного достоинства. На лицах не видно озабоченности, все спокойны. Или эти люди умеют глубоко прятать свои эмоции и это как

раз то бесстрашие, та непроницаемость, которые отличают жителей Востока?

Изредка мимо проносится автомобиль или прозвонит велосипедист. На самой середине дороги усердно облизывает теленка корова. Машины сбавляют ход и аккуратно объезжают ее.

— Еще бы! — поясняет Светлана. — Корова в Непале священна, за причиненное ей увечье грозит тюрьма. Это теперь тюрьма, а совсем недавно за убийство коровы полагалась и человеку такая же смерть.

На горизонте, куда ни взглянешь, четкая угловатая линия гор. Прямо перед нами горы лиловатые с розовым оттенком, как на картинах Рериха! А небо такое голубое, такое чистое... Хочется вздохнуть всей грудью... но вместо этого мы задерживаем дыхание. Потянуло чем-то совсем не райским. Дома и домишки, мимо которых мы идем, густо запорошены пылью, некоторые кажутся недостроенными или полуразрушенными. Светлана говорит, что это обыкновенные, нормальные дома. Здесь во многом совсем другие понятия. Вот и «удобства», по-нашему эти дома с одними неудобствами. Пол в нижних этажах земляной, в верхних — глиняный. Лестницы между этажами приставные, как в наших деревенских сараях. Пищу непальцы готовят на примитивных очагах, а чаще на маленьком костерке, который разводится в кухне прямо на полу. Кухни у непальцев находятся на верхнем этаже, обычно на третьем, на втором они спят на полу; сидят тоже на полу, мебели в их обиходе нет. На первом этаже обычно не живут, здесь хранят дрова, складывают хозяйственные запасы, устраивают лавку или держат скот, если он есть конечно (в городе скота не так уж много).

А вот торговый квартал: нижний этаж у домов — это ряд дверных проемов, разделенных столбами. Сразу за порогом на земляном полу разложен товар. Иногда это всего несколько пучков зелени, плетеное блюдо с луком или пирамидка серых неровных шаров из глины, которые служат мылом. Покупателей возле лавок не видно, но продавцы терпеливо их ждут, сидя на поджатых под себя ногах. В других дверных проемах видны засаленные скамейки, а в углу на кирпичках — большой закопченный чайник. Это харчевни, тоже пустые пока.

Иногда то и дело приходится обходить собак, разваливающихся на дороге.

Видно из каждого дома много ребятнишек, на всех не те рубашки, не те платяшки, у всех нестриженные, косматые головы, чумачьи личики и мокрые носы. Завидев нас, дети оставляют свои занятия и кричат: «Бай, бай!»^{*} — приветственно помахивая рукой на западный манер. Затем они подбегают к нам, протягивают руки и весело требуют денег: «Пайса, пайса!»^{**} Это, конечно, не индусы, которых во множестве видишь в Индии. Чувствовалось, что они делают это из озорства.

Медленно тускнеет небо. Солнце завалилось за горы справа. Но спать еще рано, люди отдыхают. В самой атмосфере покой. Тишина уплотняется. На порогах входных дверей многих домов сидят люди, иногда молча, иногда тихо переговариваются, курят, женщины осматривают друг у друга волосы на голове. Кто-нибудь из них говорит нам приветливо: «Намасте, мимса!»^{***}

Светлана легонько подтолкнула меня, чтобы я посторонилась. С нами бесшумно поравнялся караван кули (носильщиков). Человек семь невысоких, коренастых мужчин шли гуськом, наклонясь вперед с выражением тупого безразличия ко всему. На лбу у них были надеты широкие ремни, на которых за их спинами держались конусообразные плетеные корзины (кхарпаны). Верно, они были очень тяжелыми — голые коричневые ноги кули с подошвами в трещинах упруго давили землю. Но, должно быть, этот тяжкий труд недорого ценился, вся одежда кули состояла из выгоревшей рубахи и повязки на веревочном поясе, заменяющей трусы.

Некоторое время мы шли молча. Я знала, что в бездорожном Непале все тяжести переносятся людьми, но знать это одно, а видеть — другое. Эти согнутые спины, лица, смотрящие в землю, ремни на лбу вызвали у меня ассоциацию с бурлаками, хотя те налегают на лямку

* Бай, бай — искаженное англ. «гуд бай» (до свидания), употребленное как приветствие, потому что в Непале и при встрече и при прощании одинаково говорят «намасте».

** Пайса — $1/100$ рупии, а также слово, означающее деньги.

*** Приветствие на непали, приблизительно «Здравствуйте, господа!»



Рис. 2. На рынок в Катманду

грудью. Двадцатый век — и «бурлаки»! Но здесь это обычное явление, переносчиков грузов многие тысячи.

Как будто в подтверждение этого впереди нас показалась цепочка женщин, согнувшихся под тяжестью вязанок дров. Придерживая обеими руками ремни возле головы, наклоненной вперед, они щелочками глаз с любопытством рассматривали нас. Широкие лица, маленький плоский нос, босые ноги с татуировкой на щиколотках мелькают из-под спирали намотанной черной с красной каймой материи, образующей юбку, у всех одинаковую. На талии и животе намотаны горой тряпки. Запыленные волосы заплетены в тонкие косички. А сколько на них украшений! Тяжелые диски оттягивают уши, на левой ноздре — пестрые крупные бляшки, под носом — желтое колечко, на запястьях — длинный манжет из цветных пластмассовых браслетов; на яркую кофту с шеи спадают гирлянды массивных фарфоровых бус или нити бисера. Женщины и на такой тяжелой работе не забывают, что они женщины! Впрочем, у мужчин-носильщиков мы тоже заметили желание укра-

сить себя; у одних была серьга в ухе, у других на шее висит несколько бусин или маленький черный мешочек, — но это уже не украшение, а талисман.

Дорогу преградила куча песка. Рядом отремонтировали дом. За кирпичной стеной, утыканной по верху битым стеклом, груда нового кирпича. Пять-шесть рабочих, одетых так же, как кули, в длинные рубахи, с повязками вместо трусов, лениво работали. Одни поднимали вверх кирпичи, укрепленные у них на спине, другие укладывали их, третьи что-то ломали. Лишь один мужчина, с головой завернувшийся в серо-белое покрывало, сидел на корточках и ничего не делал.

— Это надсмотрщик, — сказала Светлана, — здесь так работают.

— Но ведь в Непале рабства уже нет?!

— Да это и не рабы. Просто, если за ними не наблюдают, они не работают.

— А сколько же они получают за свой труд?

— Две-три рупии в день.

— А много это или мало, я не понимаю? Не знаю, что почем. Кстати, нельзя ли зайти в лавку, мне надо купить мыло и разные мелочи.

— Зайдемте вот в этот «гастроном», в нашем районе лучше этой лавки нет.

Мы зашли в лавку, то есть поднялись на один приступок к двери. Лавка занимала площадь приблизительно три метра в ширину и полтора в глубину. С трех сторон на полках помещались: чай, кофе, стиральный порошок, печенье, чищенные орехи в стеклянных банках, растительное масло, соль, спички, яйца, папиросы... Хозяин сидел на полу, ноги калачиком, лицом к дверям. Вокруг него в низких ящичках были рис, горох, мука, сахарный песок, «мыло», специи, лук... С потолка свисали большие ржавые тарелки весов.

Я попросила у хозяина «гастронома» три куска туалетного мыла, но хозяин с виноватым видом подал мне только один кусок. «Приходите завтра», — сказал он. Оказывается, моя покупка считается уже оптовой. Присмотревшись, я убедилась, что весь товар здесь можно было пересчитать по пальцам. Зато какой ассортимент! В продаже оказалось даже две банки нашего, советского сгущенного молока.

— Ну, а цены? — напомнила я Светлане. Оказалось,

что кусок туалетного мыла стоил от одной до полутора рупий, мыло из глины — одна рупия за фунт, рис — восемь рупий за дхарни *, двести граммов соли — одна рупия, пачка печенья — две с половиной рупии. Вышло, что строительный рабочий должен тратить каждую пайсу очень осмотрительно.

Пока мы находились в лавке, туда заходило несколько непальцев. Женщина взяла в плошечку масла, граммов тридцать — не больше; мужчина купил одну сигарету, а не пачку; девочка попросила какой-то приправы на 10 пайс. Хозяин лавки обслуживал всех покупателей без малейшей задержки и без лишних слов, даже прекращал разговор с нами. Мы поняли: хотя иностранцы и являются покупателями «оптовыми», но свои — постоянные покупатели и жить ему с ними. Это не помешало, однако, ему попрощаться с нами особенно почтительно.

Из дома на другой стороне улицы вышла женщина с тазиком, полным медной посуды. Она разложила посуду на краю тротуара, и две рыжие собаки стали ее облизывать. Женщина не прогнала собак, она вошла в дом и вернулась с водой в черном чугушке. Затем, присев на корточки, стала чистить посуду, неторопливо погружая руки попеременно в навоз и песок. Собаки, добросовестно вылизав кастрюльки, улеглись тут же со скучающим видом. Пришли двое детей. Девочка села возле женщины (наверно, это была ее мать) и стала катать шарики из навоза. Мальчик же занялся собаками: одну ткнул прутиком, норовя в глаз, та поднялась и ушла. Другой собаке уйти не удалось, мальчик схватил ее за уши и ловко оседлал. Женщина делала свое дело, как будто не замечая детей, она не оторвалась от работы и тогда, когда из ближайшей двери на тротуар выполз крошечный ребенок и, видимо устав или уколовшись острыми камешками, заплакал. Ребенок плакал до тех пор, пока его не унесла наконец пришедшая за ним его собственная мать.

Миновали китайский ресторанчик с громким названием «Мир», молчаливые дома казенного вида с зарешеченными окнами — центр американской организации «Корпус мира». Здесь на тротуаре в одном месте косо

* Д х а р н и — 2,5 кг.

стоит и мешает проходу сооружение вроде массивной цементной стенки. В центре ее щель, а на выступе со следами коготи — остатки пищи и засохшие цветы. Священный камень, пояснила Светлана, а щель в нем означает ворота, убежище для преследуемых. Это из легенды... А вон идут работники из «Корпуса мира».

Навстречу нам шли две девушки. Поравнявшись с ними, мы увидели, что ошиблись. Девушка с желтыми волосами до плеч, в розовом балахоне ниже колен, подпоясанном веревкой, грудь нараспашку — оказалась парнем. Другая девушка, тоже с распущенными прямыми волосами, конечно, была девушкой, в этом не могло быть сомнения, так облегала ее одежда: штанишки в цветочках до колен и майка.

Теперь пошли белые современные коттеджи за заборами. В одних жили иностранцы, другие пустовали, уныло глядя застекленными темными верандами. Тут же по соседству с ними спешно строился еще один дом. На строительстве и теперь при электрическом освещении кипела работа, нарушая общий покой: все вокруг уже явно готовилось ко сну, редко-редко в каком-нибудь доме слабым ржавым светом обозначалось окно.

Длинный кирпичный забор. Деревья за ним спускают над нашими головами через узор тонких длинных листьев красные ершики. Здесь помещается молочная ферма, единственная в Непале; она построена в дар Непалу швейцарцами. Молоко по утрам нам привозят отсюда, сказала Светлана. Молоко очень жирное, буйволиное. В продаже бывают еще сыр и сливки. А если обойти эту ферму, там прачечная. Днем не пройти: на веревках и всюду на земле сохнет белье.

Дальше улица вливалась в аллею старых деревьев, над которыми с громким криком кружила стая ворон.

— Вечерний концерт! — комментирует Светлана.

С обеих сторон за деревьями идет высокая, глухая кирпичная стена. В углу левой стены темнеет окошечко, в нем солдат с ружьем.

— Это не тюрьма, — говорит Светлана, — здесь резиденция махараджадхираджа Махендры. А с этой стороны владения знатного и либерального придворного Кешара. Когда он умер, вдова передала в народное пользование богатую библиотеку. Вход в нее вон через те ворота, где стоит часовой. Сначала в парк, потом —

в замок... Видите, какой огромный молчаливый дом. Туда пускают всех.

На другом конце этого длинного квартала, у поворота ограды дворца Махендры, в ней есть ворота с караульными помещениями по сторонам. Западные ворота. Черная чугунная решетка укреплена на массивных квадратных столбах, выкрашенных в желтый цвет. На столбах надеты белые «снежные шапки», нависшие и оплывшие, сглаженные ветром и солнцем, — снежные вершины в уменьшенном виде. Они действительно олицетворяют снежные вершины Гималаев. «Гималая» — в переводе с санскрита и с непали — снежная обитель некоторых богов индуистского пантеона. А махараджадхирадж ведь не только богом данный правитель, но и сам один из богов — земное воплощение Вишну. Искусственные вершины гор, видимо, должны напоминать об этом.

Через решетку ворот земной обители бога был виден только асфальт да другая глухая стена.

Аллея кончилась, мы вышли на просторный перекресток улиц. Здесь не так темно. Справа на небе еще не совсем погасли розовато-сиреневые краски; на их фоне резко выделяются клубообразные верхушки деревьев, а над ними контуры трех храмов — пагод. Основания храмов не видно, а крыши удивительной формы с загнутыми углами помещаются одна над другой, верхняя чуть меньше нижней, с точным чувством пропорции и красоты линий. А главное — они удивительно гармонируют со всем окружающим: с постройками, с горами вдаль, с этим теплым воздухом, даже с запахами... Перед нами была тонко выписанная картина на фоне заката, от нее веяло сонным покоем и таинственностью...

Кто создал эти храмы? Они — частица культуры здешнего народа, культуры незнакомой, своеобразной, но все же земной, а не райской.

Большая долина

Непал — это прежде всего Большая, или Цепальская, долина, она же долина Катманду. Собственно от нее и происходит название современного непальского государства.

Большая долина населена людьми давно. Непальцы говорят, что это произошло тогда, когда святой Манджушри однажды спустился с северных гор и выпустил воду из огромного и глубокого озера, которое было на месте Большой долины.

До этого в озере жили змеи-наги*. И был у них свой раджа по имени Каркотак. И озеро называлось змеиным. Оно было прекрасно. И прекрасны были зеленые горы, круто поднимавшиеся над ним со всех сторон. В озере росли всякие водяные растения, но не было среди них самого красивого — лотоса. Однажды пришел к озеру будда (учитель) Випасви. Он сказал: «Пусть прекрасное озеро будет еще прекрасней». И бросил в змеиное озеро корень лотоса. «Когда этот лотос зацветет, — сказал он, — тогда появится здесь в виде пламени сам бог Свайямбху. Тогда уйдет вода из озера, оно станет долиной и поселятся в ней люди. И будут они благодарны будде».

Проходили годы, на озере плавали только листья лотоса, не цвел лотос...

Но однажды все вокруг озарилось разноцветным пламенем из пяти языков. То заплясало, засветилось живое пламя небесной красоты вместо лепестков обещанного цветка лотоса.

Узнал об этом будда Сидхи и возликовал: «Появился в озере Свайямбху!» Он позвал своих многочисленных учеников и пошел с ними к озеру, и обошел его вокруг три раза. Отдохнув на вершине одной из гор у края озера, он предсказал великое будущее долине, что лежит под водой. Попрощался с учениками и покинул этот мир, погрузившись в воды озера и слившись во едино с богом Свайямбху.

Прошли еще многие годы. Пришел к озеру еще один будда — Висамбху, он тоже привел с собой много учеников и сказал им, что в нужное время придет к озеру бодхисаттва** Манджушри и выпустит воду из него. И верно, однажды пришел с севера Манджушри, с ним было много учеников, среди которых был человек высокого рода по имени Дхармакар. Обходя озеро, они

* Змеи-наги — не очень длинные белые змеи с закругленным хвостом.

** Бодхисаттва — божество, достигшее «совершенства», но оставшееся на земле.

на юге его подошли к самым низким горам из тех, что окружали озеро. Тут Манджушри взял свой меч и одним ударом прорубил проход в горах. В ущелье хлынула вода. И дно озера обнажилось, образовав Большую долину.

Бодхисаттва Манджушри сказал своим ученикам: «Селитесь здесь и живите. А Дхармакар будет вашим первым правителем».

Сказал и ушел.

Ученики поселились в долине. В благодарность они построили на горе, где когда-то размышлял первый будда, ступу* в честь бога Свайямбху. Возникло первое священное место Свайямбхунатх. (Другие легенды говорят, что ступа Свайямбхунатх стоит на месте, где расцвел лотос.)

Теперь в Большой долине было все: и правитель, и священное место. Желать было больше нечего. И живут с тех пор в долине люди. Каждый занимается своим делом, которое определила ему каста. Касту не выбирают, в касте рождаются, принимают ее традиции, совершенствуют то дело, которым все в касте занимаются, им гордятся, а о другом и не помышляют. Другими делами занимаются в других кастах.

В долине никто не знает, с каких пор люди разделены на четыре касты: брахманы, чхетри (кшатрии), вайшья (бейшо) и шудра. Так было всегда. В состав каст входит много групп, которые, в свою очередь, расщепляются на подгруппы. Особенно много подгрупп в кастах вайшья и шудра.

Переход из одной касты в другую невозможен, разве только из высшей в низшую. Но низшая каста, или подкаста, обычно не принимает в свои ряды тех, кто не родился в ней, тогда несчастные становятся людьми вне касты, всеми гонимыми и презираемыми. Поэтому и теперь браки обычно заключаются только внутри касты. Со временем ряды людей без касты пополнились также рабами.

Во время правления семейства Рана шудра были «неприкасаемыми», нельзя было к ним прикасаться, допускать в свой дом, с ними вместе работать, есть или курить, а брахману надо было остерегаться, чтобы

* Ступа — сооружение религиозного назначения в форме полусферы с квадратной башенкой, является хранилищем реликвий.

шудра не паступили на его тень. Ведь шудра — нечистый, придется подвергнуться очистительной процедуре.

В первой непальской конституции — конституции 1948 года, провозгласившей равенство всех перед законом, участь шудр формально была облегчена, их перестали считать нечистыми, но... только формально. Потребовались еще специальные параграфы в конституции 1959 г., а затем и в конституции 1962 г. Последняя конституция уделила, пожалуй, вопросу равноправия больше внимания, чем предыдущие. Теперь шудра имеют право посещать все храмы и общественные места, есть за одним столом с людьми других каст. Конституция разрешала браки в любом кастовом сочетании, запрещала многоженство. Вот теперь, кажется, лед тронулся. Но, конечно, все сразу измениться не может. Традиции живучи, они умирают постепенно.

Считают, что население Непала (11 млн. в 1970 году) состоит из 58 народностей, говорящих каждая на своем языке. Наиболее многочисленные: кхасы, невары, кираты, гурунги, лимбу, раи. В Непальской долине живет около полумиллиона человек, главным образом невары и кхасы.

Свайямбхунатх можно посмотреть и теперь. Можно видеть и ущелье, прорубленное Манджушри. На его краю стоит деревушка Човар. Это недалеко от Катманду. Ущелье узкое и глубокое настолько, что в яркий солнечный день там темно. Мощный же был удар у Манджушри! И теперь через ущелье с шумом вырывается из долины река — это священная Багмати. Она торопится пересечь Непал и слиться с великим Гангом в Индии.

Большая долина — действительно обширная долина, окруженная горами, вытянувшаяся в длину километров на шестьдесят. Она очень живописна: зеленые холмы изогнутыми ступенями спускаются к бойким речкам, которые прошивают широкие белесые сухие русла, как нити люрекса в дорогом сари.

Тут и там выпирают из земли, как темные стога сена, холмы, кое-где на их вершинах красуются гигантские султаны из бамбука или одинокие деревья. Полосатые домики, обмазанные до половины высоты красной глиной, а выше — желтой, прилепившиеся на склонах

холмов по одному или группами, да рыжие тропинки, бегущие по гребням гор, разнообразят краски.

Домики рассыпаны всюду. Вдоль серых дорог с потрепанной бахромой зелени они бегут цепочкой то с одной, то с другой стороны. Цепочки постепенно уплотняются и с разных сторон устремляются к скопищу черепичных крыш, как ноги к телу огромного коричневого паука.

Самым большим и пестрым «пауком» в долине выглядит город Катманду, затем Патан и Бхадгаон. На край долины-чаши забрался Киртнпур. Три первых города в прошлом были столицами княжеств. Но вот уже двести лет в Непале одна столица — Катманду.

В городах (да и в деревнях, которые мало отличаются от городов, главным образом величиной, — кирпичные трех- и четырехэтажные дома под черепичной крышей с подкосами, только чуть попроще) поражает обилие храмов, храмиком, ступ, статуй, барельефов, галерей для паломников, помостов с колоколом и без колокола... Не города, а музеи под открытым небом. Во всяком сколько-нибудь крупном селении на площадях и перекрестках стоят сооружения религиозного назначения, индуистские или буддийские или те и другие вместе. Обе религии — буддизм и индуизм в Непале живут бок о бок с незапамятных времен и так вросли друг в друга, так переплелись, что этот конгломерат можно бы считать особой религией. Недаром некоторые непальцы затрудняются ответить на вопрос, какую религию они исповедуют, кто они — буддисты или индуисты. Многие религиозные праздники празднует все население.

Махараджадхирадж подает мудрый пример. Он сам, члены его семьи или специальные представители участвуют в церемониях во время индуистских и буддийских праздников. Участие махараджадхираджа в индуистских церемониях не удивительно, он — индуист, государственной религией в Непале является индуизм, но махараджадхирадж не пренебрегает и буддийской религией, не отталкивает ее.

В индуистской философии этому есть объяснение: Будда, оказывается, является одним из воплощений Вишну. А махараджадхирадж есть Вишну на земле. Таким образом, нет никаких противоречий в том, что

махараджадхираджд поддерживает буддистов. Когда в январе 1968 г. у буддистов был большой праздник Самек, который отмечается раз в двенадцать лет, махараджадхираджд присутствовал на нем, хотя и символически. Он прислал на праздник своего «представителя» (так выразился один образованный непалец, сопровождавший нас на празднике). «Представителем» был меч махараджадхираджа в золотом футляре, возлежавший на золотом троне самого махараджадхираджа Махендры Бир Бикрам Шах Девы.

Содружество религий, несомненно, сближает многоязычное население если не всего Непала, то по крайней мере большей его части. Обо всем Непале говорить нельзя, так как его труднодоступные горы сохранили в первобытной неприкосновенности немало изолированных уголков, где до настоящего времени существуют анимистические верования.

В долине, кажется, нельзя и шагу ступить, чтобы не наткнуться на святыню. Часто на самой дороге, на тропе, приходится обходить камень или яму со скважиной на дне, которая ведет в подземное царство Индры*.

Бесформенные священные камни считаются упавшими с неба, их нельзя сдвигать с места, вот они и лежат там, куда их кинуло провидение, а может быть, шутка веселого Шивы**. Эти бесформенные камни считаются лингами, мужским началом — символом Шивы.

Три самых знаменитых в Непале священных места находятся в долине.

На западе ее есть зеленый холм, увенчанный короной храмов, это — Свайямбхунатх; на востоке находится знаменитый Пашупатинатх с его каменной одеждой из многих храмов, стен, мостов, ступеней, спускающихся к реке; чуть севернее — величественная ступа Боднатха поражает непревзойденными размерами. У каждого священного места свой облик, свой дух.

Из прозаических построек, кроме жилых домов, в долине есть два так называемых промышленных центра — в Баладжу, пригороде Катманду, и в Патане. Они

* Индра — бог рая и подземного царства, властелин грома, дождя и переселившихся (умерших) душ.

** Шива — один из трех самых могущественных богов индуистского пантеона, бог-разрушитель.

не претендуют на древнее происхождение, наоборот, им еще нет и пяти лет. Промышленный центр — это несколько помещений, расположенных невдалеке друг от друга, к которым подведены электроэнергия и вода. Частные предприниматели могут арендовать эти помещения для налаживания какого-нибудь производства. Здесь делают мебель, скобяные изделия, изделия из пластмассы, ремонтируют автомашины, ткнут ковры. В промышленный центр Баладжу входят также типография и мельница.

В долине есть кирпичный заводик, но в основном кирпич изготовляют ручным способом. Делают глиняную посуду без глазури (миски, лохани, горшки, корчаги и другие сосуды разной величины и формы), ткнут грубую ткань. Недавно начала работать обувная фабрика. Изготавливаются также украшения из меди, серебра, золота.

Основные занятия жителей долины — земледелие и торговля. Земледелием занимаются не только в сельской местности. Мне кажется, что все жители долины, даже в столице, имеют хоть небольшой клочок земли, на котором выращивают рис или кукурузу, бобы или овощи. Конечно, я не имею в виду людей богатых — брахманов и четри.

Кажется, будто все занимаются земледелием, не только потому, что глядя с высоты на город, видишь, как он пестр — как географическая карта. Центр каменный, отходящие от него улицы-дороги — каменно-земляные, а все пространство между ними занято полями, чаще всего рисовыми. Рисовые поля — это низкие места, затопляемые дождями так, что мальчишки прямо с улицы, через барьер, ловят в них рыбешку. Столичные газеты иногда даже помещают сводки о том, сколько собрано той или иной культуры с полей в черте города.

Для обработки земли в долине, как и везде в Непале, применяют примитивные орудия: калали (специфически непальский кетмень в виде закругленной буквы «П», широкий и тяжелый, с коротким черенком), мотыгу, серп, а кое-где — деревянный плуг, влекаемый двумя буйволами. Выше долины, в горах, разводят скот: коров, яков, овец и длинношерстных серых коз. В долине разводят коз обыкновенных, с короткой



Рис. 3. Обмолот риса

шерстью; держат строптивного характера буйволиц. Мелкорослых коров, пожалуй, не разводят, они разводятся сами. Хотя у них есть, говорят, хозяева, но их малорослость, худоба, налипшие лепешки грязи показывают, что за ними не так хорошо ухаживают, как за буйволицами.

Городское население Непала составляет только около 10%. В долине Катманду городского населения больше, здесь находятся самые крупные города: Патан (Лалитпур) — около 42 тыс. человек, Бхадгаон (Бхактанпур) — около 33 тыс. и Катманду (Каитипур) с населением около 120—140 тыс. К крупным относятся города и в тераях*: Биратнагар (33 тыс. человек), Биргандж (11 тыс.), Джанакпур (около 10 тыс.), Бхайрав (5—6 тыс.) и Непалгандж (6—7 тыс.).

Патан и Бхадгаон полностью сохранили свой за многие века сложившийся и устоявшийся облик. И пока ничто его не разрушает. Лабиринты узких, как коридор-

* Т е р а и — южная равнинная часть Непала.

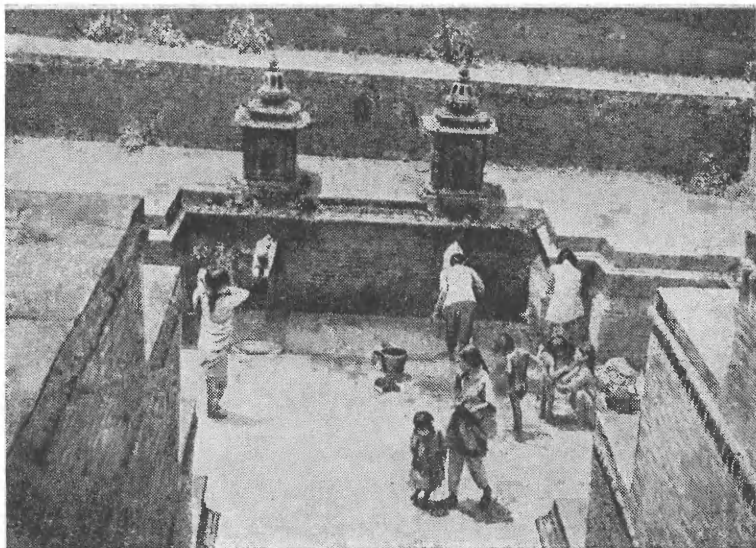


Рис. 4. У источника (Патап)

ры, улиц с каменными мостовыми. Искусственные водоемы для снабжения водой: ямы в земле, выложенные камнем или кирпичом, в которые по желобам стекает вода, подведенная откуда-то с гор. Здесь моются и стирают одежду. Канализация открытая — канавы по краям мостовой. Отсутствие освещения и зелени на улицах. Основной транспорт — кули.

Самые значительные городские здания — дворцы, монастыри, храмы — при всем своем различии, которое диктуется рельефом местности, имеют один ярко выраженный стиль — непальский стиль. Простая форма стен у домов и у храмов, незастекленные окна с решетками, черепичная крыша на подкосах. Для чисто непальских храмов характерна сложная крыша в несколько ярусов с загнутыми углами. Красный кирпич и черные кружева резьбы на деревянных балках, подпорках и подкосах.

В каждом городе есть дворец бывшего раджи; перед дворцом — площадь Дарбар, т. е. дворцовая, где теснятся храмы; есть торговые улицы, где первый этаж



Рис. 5. Нью роуд — главная торговая улица столицы

домов — сплошные двери, одна возле другой; обязательно есть базарная площадь; есть галерей, где находят приют паломники; и храмы — большие и маленькие — почти на всех перекрестках. За редким исключением, все храмы построены неварями еще во времена правления в долине раджей династии Малла (XIII—XVIII века).

По-другому выглядит столица — Катманду. Только два его центра: древняя площадь Асан Толе и менее древняя — Дарбар с нагромождением храмов и дворцов — да лабиринт окружающих улиц имеют много общего с Патаном и Бхадгаоном. Здесь господствует непальский стиль. Водопроводные колонки и ниточки электрических проводов его не нарушают.

Но в Катманду еще при господстве семейства Рана выросли десятки белокаменных дворцов европейской архитектуры. Они вольготно располагаются за кирпичными стенами среди садов с фонтанами, статуями, лужайками. Теперь большинство этих дворцов стоит в молчаливом запустении. Лишь некоторые из них стали

общественными зданиями. В самом большом дворце, Сингх дарбаре — этом непальском Версале, помещаются правительственные учреждения; Ситал нивас стал домом для почетных гостей; в одном дворце разместился городской гарнизон; другой находится в распоряжении непальской Академии художеств, председателем которой был сам Махендра.

В Катманду много строят. Появилось новое здание почты, несколько гостиниц, магазины, три больницы, аэродром, театр. Новые, в современном духе, коттеджи встречаются во многих районах города. Еще больше их строится. Наплыв иностранцев вызвал спрос на помещения, и богатые непальцы стали соревноваться в темпах строительства новых домов. Дома вырастают в глухих переулках, на огородах и даже на заболоченных рисовых полях.

В столице есть площадь для парадов — Тундикхел, стадион, базарная площадь, музеи, бассейн с храмом посередине. В центре возвышается над всем, как минарет, круглая сторожевая башня, которую часто называют башней Бхим Сена — по имени премьер-министра, построившего ее. Кстати, башня действительно была сторожевой, она была выше, чем теперь. Во время землетрясения в 1934 г. она сильно пострадала и после восстановления стала ниже. Иностранцы почему-то считают башню памятником мужеству непальцев в войне с англичанами (1814—1816).

Теперь главные улицы Катманду освещены самыми современными лампами, есть асфальтированные мостовые, на важных перекрестках — полосатые будки, полицейские в белых перчатках и светофоры, на которые непальские шоферы еще не научились обращать внимание.

Катманду — политический, торговый, культурный и религиозный центр страны. Здесь живет махараджадхирадж и находится правительство Непала. Здесь определяется политический курс страны, осуществляются контакты с другими странами и прилагаются усилия для сохранения равновесия между различными слоями общества, поднятия экономики страны и культуры народа. С этой целью в 1961 году в Непале создан панчаят (четырёхступенчатый выборный совет, куда входят и представители от народа). Непальское прави-

только только начинает создавать планы развития страны, проводить реформы в сельском хозяйстве, вырабатывает новую конституцию.

Форма правления в Непале — конституционная монархия. Монарх — махараджадхирадж — держит в своих руках все бразды правления, являясь и главой государства, и главнокомандующим армии, и верховным судьей; без него не может быть издан ни один закон, ни один указ.

Непал поддерживает дипломатические отношения с 49 странами мира.

С 50-х годов непальцы слышат в эфире свой родной язык, в Катманду построена радиостанция. Большинство газет, издающихся в Непале, выходит в Катманду, из них тринадцать ежедневных. Три газеты печатаются на английском языке, одна — на неварском, одна — на хинди, остальные — на непали, в том числе правительственный орган — газета «Горкхпатра».

В Катманду находится единственный в стране университет Трибхувана, несколько колледжей, две библиотеки (не считая небольших библиотек, которые открывают иностранные посольства в своих информационных центрах). Появились общества дружбы Непала с другими странами. Среди них — Ассоциация Непало-Советской дружбы и Непало-Советская культурная ассоциация.

Есть в столице и национальный театр, вернее, помещение для театра. В 1970 г., к свадьбе ювараджадхираджа (старшего принца, будущего владыки Непала) Бирендры, для театра было построено новое, современное здание, но постоянной труппы артистов в Непале нет. Вообще-то артисты в Непале есть. Из поколения в поколение в определенных подкастах передается мастерство музыкантов, танцоров, певцов и чтецов, но они выступают только по праздникам или в другие знаменательные дни. В дни, не предусмотренные календарем для развлечений, можно пойти в кино. В городе есть два кинотеатра, где демонстрируются индийские картины на хинди. Несколько раз в год этот кордон индийских фильмов прорывают ковбои и гангстеры американских фильмов. Еще можно пойти в ресторан, в последние три года они плодятся, как грибы. К самым фешенебельным относятся рестораны при но-

вых гостиницах, где стоимость номера в сутки составляет 100—150 и более рупий, например при гостинице «Соулти», хозяином которой является брат махараджа дхираджа Махендры принц Гималая, или при «Аннапурне». Кроме того, существуют увеселительные заведения без вывесок.

Аэродром Трибхувана в Катманду принимает самолеты международных авиалиний. Без пересадки можно попасть из Катманду в Дели, Калькутту, Дакку, Бангкок и др. В последние годы зимой самолеты переполнены туристами из Европы и особенно из Америки. И среброволосые, и безусые, одетые по последней моде или нарочито по-нищенски, они одинаково любопытны. Только хиппи прилетают в Непал с другой целью — для удовлетворения потребности в псевдосвободе и псевдосчастье, а попросту — наркомании.

По внутренним авиалиниям маленькие «Дакоты» за 20—40 минут переносят пассажиров из Катманду в Симру, Джанакпур, Биратнагар, Покхару, Непалгандж, Бутвал и другие города.

Железных дорог в Непале нет. На юге страны к городам Биратнагару, Джанакпуру, Бирганджу подходят ветки узкоколейной железной дороги из Индии, которые служат средством связи только с Индией.

Шоссейных дорог тоже мало. Однако в последние годы они усиленно строятся с иностранной помощью. В тераях при участии трех стран (Индия, Англия, СССР) строится дорога «Махендра раджмарг» (Восток—Запад) длиной больше тысячи километров. Для Непала она имеет огромное значение, так как соединит восточные районы с западными, пройдя по собственной территории. В настоящее время эти районы, очень нуждающиеся друг в друге (на востоке выращивают много риса, а на западе его не хватает), сообщаются между собой только через территорию Индии.

Три существующие главные автодороги отходят от столицы Непала. Дорога «Трибхуван раджпат» соединяет ее с тераями и Индией, дорога на Кодари — «Арничко раджмарг» идет к китайской границе, а в западном направлении идет дорога в долину Трисули, где индийцы построили гидроэлектростанцию мощностью 21 тыс. квт, третью по счету и самую мощную в Непале. Недавно закончена дорога от Бутвала до Покхары.

Скоро будет готова и дорога, которая свяжет Катманду с Покхарой.

Для долины Катманду теперь меньшее значение имеет «классический» способ перемещения грузов — в корзинах кули, но для других районов Непала он и в настоящее время так же важен, как и две-три тысячи лет назад. Кули-носильщики без всяких дорог, по тропам, через крутые горы и бурные реки переносят на своих спинах все: рис, мануфактуру, соль, посуду, дрова, овощи, фрукты, машины, людей, если надо, то и скот. Вереницы босых кули — обычная картина на непальских дорогах.

Поток грузов устремляется в Катманду. Чего только теперь в связи с бурным строительством домов и дорог, использованием автомобилей и самолетов не требуется! И чем только теперь здесь не торгуют! Каких-нибудь пятнадцать лет назад не то что деталь машины, а простой кусок железа был в диковину. А теперь — покупай что хочешь из металла, пластмассы, резины. Моднейшие часы, паркеровские авторучки, транзисторные приемники, магнитофоны, фотоаппараты, одежда и ткани из искусственного волокна. Красиво, практично. ярко... и очень дорого.

На торговых улицах все чем-нибудь торгуют. Торгуют в магазинах, в лавках, с лотков, с рук, вернее — с земли. Разложат свой товар — овощи, лекарства, живых кур, браслеты, рыбу, горшки, материю, фрукты — прямо на земле, где понравится, и терпеливо дожидаются покупателя с утра до темноты.

Промышленные товары здесь главным образом индийского происхождения. Ткани, сари, чай, соль, сахар, мыло, галантерея, игрушки, писчебумажные товары, обувь, керосин, печенье, растительное масло, дешевые украшения — все из Индии. Припоминаются слова главы индийской экономической миссии в Непале в 1967 году. Он сказал, что Индия заботится о Непале, как об одном из своих штатов.

Но с 60-х годов XX века так много стран стремятся дружить с Непалом и завязать с ним торговлю, что на индийские товары спрос явно убывает. Китайские товары, например, дешевле и добротнее, лучше удовлетворяют спрос покупателя, а японские товары еще дешевле, моднее и соблазнительнее.

Значение Катманду как религиозного центра будет ясно в дальнейшем из описаний праздников. В Непале больше половины дней в году праздничные. Сюда входят праздники международные (например, Международный женский день 8 марта, День 1 Мая, День защиты детей, День здоровья, День Организации Объединенных Наций и др.), праздники, связанные с двором махараджадхираджа (дни его рождения, его родителей, жены, молодого наследника престола и др.), праздники политические (День демократии, День конституции и пр.), праздники семейные (свадьба, дни рождения взрослых и детей, первое кормление ребенка рисом, совершеннолетие, посвящение в религию и т. д.). Но особое значение имеют праздники религиозные. Одни посвящены многочисленным индуистским богам, другие связаны с буддизмом (ламаизмом), третьи остались от прежних анимистических верований, связаны с поклонением небесным светилам, животным, даже пресмыкающимся. У непальцев священными считаются не только коровы, но и собаки, крысы, змеи, лягушки... Праздники всеобщие и местные, следующие один за другим, заполняют весь год. Они разнообразят для простого труженика его тяжелое, темное и, по нашему мнению, унылое существование.

Бурное развитие научно-технической революции в развитых странах одним боком касается и Непала, но не задевает его духовной основы, религиозных убеждений. Религия остается неизменной законодательницей во всех областях непальской жизни; она касается убеждений, этики, эстетики, здоровья, пищи, распорядка дня, года и всей жизни со дня рождения и до самой смерти. Астрологи и брахманы — главные распорядители при всех важных событиях не только в каждой непальской семье, но и в государстве. Они не только лишают людей самостоятельности, но и не дают накапливаться в их карманах деньгам. За все услуги надо платить.

А в остальном жизнь простых непальцев идет день за днем по солнышку, у каждой семьи своя, и нет до нее дела другим. Помогает только бог, а какой? Пойди разберись.

Немного истории

До XV века на территории нынешнего Непала находились многочисленные мелкие княжества. Некоторые из них по площади были не больше, чем какое-нибудь помещичье хозяйство в дореволюционной России. Княжества объединялись в своеобразные федерации, в двух самых крупных из них — Баиси и Чаубиси — было соответственно 22 и 24 княжества. В XV веке федерации распались. В большинстве княжеств форма правления представляла собой восточные деспотии, а в некоторых походила на республиканскую: государственные вопросы решал в них совет, куда входили представители влиятельных родов и выборный раджа. На главных площадях столиц, Дарбарах, до настоящего времени сохранились каменные возвышения, где совет собирался.

В наиболее развитых непальских княжествах, так же как и в Индии, общество делилось по канонам индуизма на касты брахманов, чхетри, вайшья и шудра. К брахманам относились священнослужители, к чхетри — военные во главе с раджей, к вайшья — крестьяне, торговцы, чиновники, некоторые группы ремесленников, к шудре — уборщики, прислуга и ремесленники. Кроме того, было немало людей, оставшихся вне каст. К ним относились, например, рабы. Рабами обычно становились крестьяне, которые не могли уплатить арендной платы за землю помещику. Помещики в Непале не обрабатывают землю сами (что естественно) и не нанимают никого для обработки, а сдают ее небольшими участками в аренду крестьянам за очень высокую плату. она составляет больше половины урожая.

Раньше в Непале основная часть земли принадлежала правителю и помещикам, получившим ее в дар от раджи, а часть — крестьянским общинам. Крестьяне, земля которых переходила к помещику, теряли свое независимое положение общинника и становились рабами, т. е. неимущими и совершенно бесправными.

Фактически мало что изменилось и в настоящее время, хотя формально в Непале нет ни рабства (оно отменено указом от 28 ноября 1924 года), ни строгого деления на варны. Во всяком случае, первая непальская конституция — 1948 года — провозгласила равен-

ство всех непальцев перед законом, а последняя, третья конституция 1962 года подтвердила это.

Монархическая форма правления появилась на территории нынешнего Непала в V—VI веках нашей эры, когда произошло усиление власти отдельных влиятельных родов в княжествах.

Большую долину населяли невары, исповедовавшие буддизм. Здесь много веков правила династия Малла. В древних книгах говорится, что сначала Малла правили в княжестве Гандáки и постоянно воевали с обитателями Большой долины. Видимо, не безуспешно, так как в начале XIII века Большая долина стала единым крупным княжеством, управляемым династией Малла. Первым раджей долины был Ари Малла Дева, род которого, согласно преданию, шел от раджутов из Кушинагара (Индия). Его правление продолжалось с 1207 по 1216 год.

В начальный период многовекового правления династии Малла процветали культура и искусство. К этому времени (середина XIII века) относится и деятельность талантливого неварского архитектора Арнико. Непальцы считают его создателем храмов типа пагоды и называют этот стиль непальским. Говорят, что именно из Непала этот архитектурный стиль распространился по многим странам Востока: Китаю, Японии и другим. Известно, что китайский император, прослышав о красоте непальских храмов-пагод, через раджу Малла пригласил Арнико в Китай для строительства храмов. И Арнико построил в Китае много храмов-пагод, долго жил там, там и скончался.

В Большой долине стиль храмов-пагод, не имея соперников, расцвел, подобно гармоничному цветку. Раз найденная форма построек с их характерными элементами, да и техника строительства, сохранилась и дошла до наших дней неизменной.

В середине XV века долиной управлял раджа Якша Малла. К старости он разделил свои владения между тремя сыновьями, и с тех пор в долине стало три княжества: Пáтан, Катмандú и Бхадгáон с городами-столицами того же названия. Еще один город на краю долины — Киртипúр, расположенный на горе и прикрывающий вход в долину с запада, принадлежал княжеству Катманду, как и форт Нувакот, находящийся в

80 километрах от Катманду, в горах над долиной рекіі Трисули.

Красота городов Большой долины, ее теплый климат, а главное — древний торговый путь из Тибета в Индию, проходивший через долину, привлекали к ней не только купцов и паломников, но и воинственных раджей.

Сонное с виду царство на самом деле все время кипело от распрей внешних и внутренних. История княжеств Большой долины полна интриг, дворцовых переворотов, убийств, заточений в тюрьмы, бегств влиятельных людей и самих правителей за пределы государства. Дружественные отношения между княжествами часто прерывались войнами.

Но все это мало касалось жизни народа, однообразной, неторопливой, простой. Она нарушалась войнами не больше, чем наводнениями и землетрясениями. Впрочем, и те и другие были достаточно частыми.

Историки называют периодом экономического и культурного расцвета долины Катманду также время правления раджи Пратап Маллы (1641—1674). Он известен как высокообразованный и культурный правитель, знавший несколько языков, в том числе английский. Он сочинял стихи во славу богов и богинь и высекал их на камне в храмах. Слава о его учености и талантах распространилась так широко, что к нему приезжали учиться из далеких княжеств Индии. Пратап отличался и военной доблестью, что помогало поддерживать мир в долине. Патан и Бхадгаон подчинились ему. Важнейшие пункты на главном торговом пути из Индии в Тибет через перевалы Кути и Керонг контролировались им. Страна торговала с Индией, Тибетом и Кашмиром.

Летописцы отмечают большую религиозность Пратап Маллы, подробно описывают его жертвоприношения храмам. Во время церемонии туладан, например, он жертвовал храму Пашупатинатх сто лошадей, а золота, серебра и драгоценностей общим весом, равным его собственному весу.

В настоящее время о радже Пратап Малле напоминает большой бассейн Рани Покхари в Катманду, севернее площади Тундикхел. Вода в этот бассейн, говорит легенда, была принесена из всех святых мест Непала. Посредине бассейна стоит, отражаясь в зеркаль-

ной глади, храм бога Вишну, построенный в честь рано умершего любимого сына раджи. С каменных слонов на южной стороне на бассейн смотрят Пратап Малла и его рани. Они увековечили себя, а мастера, сотворившие этот уникальный памятник, остались неизвестными.

Последним раджей династии Малла был Джайя Пракаш Малла (1736—1768) *. Летописи сохранили не очень лестные воспоминания о нем как о правителе и человеке, но они противоречивы, и лучше мы перескажем читателю их основное содержание.

Джайя Пракаш Малла был смелым и требовательным правителем, а это не всем приходилось по вкусу, тем более что он был высокомерен, раздражителен, а временами подозрителен и мстителен. Из-за этих качеств он нажил себе много врагов и среди приближенных, и в соседних княжествах, и даже в своей семье. В течение всех тридцати двух лет своего правления Джайя Пракаш жил в атмосфере недоверия, бунтов и интриг, почти не имея поддержки. В окружении придворных Джайя чувствовал противодействие себе с первых дней вступления на трон. А тут еще брат, Нерендра Пракаш Малла, с помощью противников Джайи захватил несколько населенных пунктов на северо-западе долины и объявил себя независимым раджей. Пришлось усмирять мятежников. Нерендра бежал в Бхадгаон и вскоре умер, а его жена совершила обряд сати **.

Лишь на некоторое время мир в долине был восстановлен. Постоянно возникали военные столкновения между Катманду и Бхадгаоном, и в середине XVIII века некоторые районы княжества Катманду были даже заняты войсками Бхадгаона. Всегда в военных неудачах Джайя Пракаш обвинял своих министров, командующих армией и офицеров, часто их менял и жестоко с ними расправлялся. Рассказывают, что однажды Джайя Пракаш позвал к себе ночью главного министра, чтобы посоветоваться с ним по важным государственным делам... и убил его, считая виновником очередной военной неудачи. Командующий армией, за то что

* По другим источникам, Джайя Пракаш правил в годы 1732—1768.

** С а т и — обычай саможжения жены на погребальном костре мужа. Официально сати был запрещен в Непале в 1846 году при Джанг Бахадур Ране.

ему не удалось отбить Нувакот, захваченный вражескими войсками, был расстрелян. В армии создалось напряженное положение. Против раджи, не без помощи подстрекателей, был настроен и народ. Людей возмущали слухи об изъятии ценностей из храма Пашупатинатх; о том, что ценности требовались для укрепления армии, им было неизвестно. А между тем Большой долине угрожали войска Притхви Нарайян Шаха.

Во время правления Джайя Пракаш Маллы на северо-западе от Большой долины окрепло и расширилось горное княжество Горкха. Управлял им с 1742 года Притхви Нарайян Шах. Ему было двадцать лет, когда он вступил на трон своего отца Нара Бхупал Шаха. Княжество ему досталось небогатое, несмотря на то что его отец покорил и присоединил к себе несколько соседних княжеств. Притхви Нарайян, как утверждает непальский летописец, «спал и видел себя владыкой большого и сильного государства». Тогда обратил он внимание на Большую долину. Хорошо защищена долина. Кругом горы, на подступах — крепости. С запада — это форт Нувакот. И вот Притхви решил его взять. Но первая попытка не удалась, хотя все мужчины княжества учились военному делу. Войска Притхви были отброшены войсками Джайя Пракаш Маллы.

Однако неудача не охладила Притхви, а только еще больше раззадорила, он стал готовиться к новому походу более тщательно. Опять его армия учится и вооружается, но уже более современным оружием, которое Притхви закупил в Бенаресе (Индия). Каждый день гонцы доносили Притхви о том, что делается в Нувакоте и в Большой долине. А в долине, оказывается, прочно укоренились распри и интриги между раджами трех княжеств. Это было на руку Притхви. Историки говорят, что Большую долину было не просто завоевать: естественные укрепления — мощные крутые горы — со всех сторон надежно защищали ее. В горах мало проходов, достаточно охранять их, чтобы жить в долине безопасно. Если бы не ссоры между раджами в долине, не добиться бы успеха Притхви Нарайяну. Но он сумел воспользоваться этими ссорами, разжигая их, засылая шпионов, подкупая предателей...

Второе нападение на Нувакот, в 1743 году, было хо-

роию подготовлено и увенчалось успехом. Богатая долина с двумя реками — Трисули и Тади — стала добычей Притхви Нарайяна и увеличила его доходы. Кроме того, он завладел и наиболее удобным караванным путем из Индии в Тибет, который тогда проходил через Нувакот. Это тоже сулило немалую выгоду ему самому и лишало доходов раджей Малла. Притхви воспрянул духом. На очереди было наступление на Большую долину. Но... это наступление длилось целых двадцать пять лет. Другие сражения мешали ему. Однако Притхви Нарайян Шах упорно, шаг за шагом шел к своей цели.

Сначала в отсутствие Притхви на княжество Горкха напали соседние княжества. Когда эти воинственные соседи успокоились, Притхви отправился на богомолье в Пашупатинатх, чтобы самому побывать в Большой долине и убедиться в правильности донесений. Он пробыл в долине несколько месяцев. Подружился даже с семьей раджи Бхадгаона Ранджит Маллы и снискал любовь раджи и его сына. Это помогло Притхви оценить военную и моральную силу врага. Он увидел, что раджи враждуют между собой. Ранджит Малла, например, не может простить радже Джайя Пракаш Малле того, что тот требует с него большой выкуп за освобождение граждан Бхадгаона из тюрьмы, куда они были заключены им за посещение Пашупатинатха.

Шесть министров Патана прислали Притхви письмо, в котором просили взять Патан под свою опеку, так как их раджа нехорош. Приходили к Притхви письма и от знатных граждан Патана, в которых также выражалось желание видеть на троне Патана Притхви. А Пракаш Малла «безжалостно мстил» шести министрам — Прадханам за ослепленного ими брата — Раджью Пракаша. И еще многое другое узнал Притхви, в том числе настроение народа.

Обстановка явно благоприятствовала Притхви Нарайян Шаху. Он стал готовиться к нападению на крепость Киртипур. Снова ковали оружие, чистили мушкеты, пополняли армию добровольцами, принимали перебежчиков... Большая долина к этому времени была блокирована со всех сторон. Еще после захвата Нувакота Притхви установил свои посты в горах и, выбирая удобные моменты, захватил ряд населенных пунктов вокруг

долины. На востоке — Банепу и Дхуликхел, на юге — Макванпур, на западе — Дахачоук и Тханибеси.

Но тут снова пришлось неожиданно отвлечься от поставленной цели. В 1763 году войска Притхви должны были отражать нападение наваба Бенгали Мир Касима. Сражение кончилось победой Притхви, Мир Касим бежал. В 1767 году Притхви сражался с военным отрядом Ост-Индской компании, вызванным на помощь Джайя Пракаш Маллой. Притхви отбил атаки и этих войск и обратил их в бегство, но не преследовал, и отряды Ост-Индской компании в течение двух лет оставались в тераях. Притхви в то время тераи не интересовали, он спешил в Большую долину, где, как он считал, не будет оказано сильного сопротивления.

И вот войска Притхви у стен Киртипур, в пяти километрах от столицы. Но эта крепость проявила необыкновенное упорство. Семь раз Притхви терпел неудачу. На восьмой раз он опять призвал на помощь хитрость, воспользовался услугами перебежчика. Ночью потайным ходом его войска были проведены в крепость, и город был взят. В отместку за упорное сопротивление Притхви приказал всем мужчинам в городе отрезать носы и переименовать город в Наскатпур, что значит «город безносых».

Теперь, когда Притхви уже обосновался в Большой долине, дальнейшее ее завоевание пошло быстрее. Очередным и самым важным шагом в этом направлении было завоевание города Катманду. Здесь надо было учесть все, и все было учтено. Для нападения был выбран день праздника Индры, 25 сентября 1768 года, когда все население Катманду веселилось, а войска меньше всего думали об обороне. Расчет был правильным. И хотя войска, находившиеся в Катманду, оказали сопротивление, а Джайя Пракаш отказался сдаться, ночью Притхви ворвался во дворец раджи.

Джайя Пракаш тайно бежал в Патан к радже Теджа Нарасимхе. Но уже в начале октября 1768 года был вынужден бежать вместе с ним в Бхадгаон. Патан сдался гуркхам без сопротивления. Говорят, что министры Патана покинули своего раджу и вышли навстречу войскам Притхви.

Бхадгаон тоже был крепостью, заранее подточенной изнутри Притхви Нарайян Шахом. А теперь Притхви

начал его осаду, подойдя с юга. На севере же княжества уже в течение двух лет в руках гуркхов были два населенных пункта. Окруженный Бхадгаон отчаянно сопротивлялся почти год, но в ноябре 1769 года пал. В начале осады Притхви обещал радже Бхадгаона жизнь за выдачу раджей Катманду и Патана, но тот не принял этого предложения, и война продолжалась. Пострадало от разрушений, огня и грабежа около пяти-сот домов, больше двух тысяч человек было убито, а трое раджей оказались в плену. Раненый Джайя Пракаш Малла умер на второй день, Ранджит Малле разрешено было уехать в Бенарес, где он вскоре и скончался, а Теджа Нарасимха, раджа Патана, погиб в тюрьме.

Притхви Нарайян Шах стал единоличным правителем земли в Большой долине и вокруг нее. Сбылась его мечта. И новое государство получило название Непал.

Государственное устройство Непала напоминало устройство княжества Горкха. Верховная власть в нем принадлежала махарадже, а высшие административные посты закреплялись за влиятельными семействами и передавались по наследству. В состав народностей Непала входили невары (коренные жители долины), кхасы (выходцы из княжества Горкха), магары, гурунги и другие. Государственной религией был признан индуизм, государственным языком — непали. (Считается, что на нем в настоящее время говорит приблизительно половина населения.)

В 1775 году Притхви Нарайян Шах умер. Его сыновья, Пратап Сингх Шах и Бахадур Шах, продолжали расширять границы Непала. Пратап Сингх Шах все три года своего правления провел в войнах. За это время только одно княжество Моранг было атаковано восемнадцать раз, из которых семнадцать безуспешно. В 1778 году Пратап Сингх Шах умер, на трон был посажен его двухлетний сын Рана Бахадур Шах при матери-регентше Ранджендре Лакшми. Второй сын Притхви Нарайян Шаха — Бахадур Шах стал мухтияром (премьер-министром). «Честность, благоразумие, патриотизм и отвага, увенчанная военными успехами», быстро сделали его заметной фигурой. В своей стране его уважали, в соседних — боялись и воздерживались от нападения на Непал. Все это заставило регентшу на-

сторожиться. Опасаясь, как бы Бахадур Шах не занял трон малолетнего махараджи, она посадила его в тюрьму. (Это было уже второе заключение Бахадур, первый раз он был в заключении по приказу старшего брата, махараджи, с которым после смерти отца не ладил.) Освобожденный из тюрьмы усилиями дворцового брахмана, Бахадур поселился в Патне (Индия).

В 1786 году, после смерти регентши, Бахадур Шах возвращается в Непал и занимает пост главы правительства. Теперь он отдает все силы «завершению чаяний отца» — присоединяет одно за другим соседние княжества, применяя не только «военную жестокость», но и дипломатию. Например, сильное княжество Палпа было им присоединено путем женитьбы на дочери раджи этого княжества. А потом в союзе с Палпой он заставил покориться оставшиеся неприсоединенными княжества федераций Чаубиси и Баиси. В 1794 году Бахадур Шах захватил Гархвал и Кумаон. Теперь границы Непала простирались до Сиккима на востоке и до Кашмира на западе. В несколько урезанном виде эта территория и в наши дни составляет Непал.

К тому времени махараджадхираджу Рана Бахадур Шаху исполнилось 16 лет, он сместил мухтияра Бахадур Шаха и заточил в тюрьму. В тюрьме Бахадур Шах наложил на себя руки.

Со временем между привилегированными родами Непала стала разгораться вражда в борьбе за власть, за доходные места. Особенно она была сильна между родами Тхапа и Панде, которые занимали посты мухтияров. Оба рода имели заслуги перед раджами. Ганеш Панде, например, в свое время посадил на трон Драбья Шаха, ставшего основоположником династии Шахов в княжестве Горкха, а его потомок Калу Панде был правой рукой Притхви Нараян Шаха и в его отсутствие управлял делами княжества; за военные заслуги он был произведен в чин кази — главнокомандующего армией.

В роду Тхапа прославился Бхим Сен Тхапа, который, будучи мухтияром (1806—1836), проявил незаурядный государственный ум. Начал свою карьеру он с младшего офицера. Когда Рана Бахадур Шах для упрочения власти проводил некоторые реформы и восстал против себя придворную знать и брахманов до та-

кой степени, что вынужден был бежать в Бснарес, Бхим Сен и туда последовал за ним.

Через несколько лет Рана Бахадур Шах решил вернуться в Катманду, где трон был уже занят его малолетним сыном. Он рассчитывал на милость регентши. Но около Тханкота его встретили войска под командованием Дамодар Панде, который хотел удержать в своих руках власть (пост мухтияра), однако в бою был убит. Бывший раджа Рана Бахадур Шах занял в Катманду место мухтияра при своем сыне. Свое положение он использовал для усиления власти раджи и ослабления аристократии и брахманов, он не забыл их вражды к себе. Все земли бирта* были конфискованы, а порядок налоговых сборов изменен таким образом, что доходы казны увеличились. Это было необходимо для укрепления непальской армии: ожидалось наступление англичан.

Конечно, знать дарбара возмутилась действиями мухтияра, и он был убит своим незаконнорожденным братом при подстрекательстве знати.

Новым мухтияром становится Бхим Сен Тхапа, а все государственные посты занимают его родственники. Главным в деятельности Бхим Сен Тхапы является его непримиримость к проискам англичан. Он укрепляет армию, делает попытку привлечь на свою сторону некоторые индийские княжества.

Английская Ост-Индская компания, интересы которой ущемлял Бхим Сен Тхапа, со своей стороны, приняла против него меры. Это привело к появлению на политической арене Непала новой фамилии — семейства Рана. К середине XIX века Рана забрали фактически всю власть в свои руки. Махараджадхираджи стали только номинальными правителями, не играющими активной роли в политической жизни страны.

Непальцы называют этот период истории периодом тирании семейства Рана. Уже способ захвата власти семейством Рана оправдывает такую характеристику. Джанг Бахадур Рана — родоначальник этого семейства — использовал для достижения цели и вражду между семействами Тхапа и Панде, и происки Ост-Индской

* Земли бирта — помещичьи земли, полученные от раджей за заслуги (в основном военные) и не облагаемые налогом.

компании, не погнушался и кровавой расправой с теми, кто стоял у него на пути.

О главных событиях в предшествующий этому период можно коротко рассказать следующее.

В конце XVIII века, когда мухтиярами Непала были го Панде, то Тхапа, англичане стали делать попытки проникнуть в Непал и с этой целью воздействовали на мухтияров, а иногда и на махараджадхираджей. В 1792 году Ост-Индская компания заключила с Непалом договор о таможенных пошлинах, а в 1801 году — соглашение о торговом союзе, но Непал не подпал под власть англичан, как Индия, благодаря тому что Бхим Сен Тхапа, тогдашний мухтияр (1806 год), понял, к чему это ведет, и не ратифицировал договор.

Только в результате англо-непальской войны 1814—1816 годов, которую начала Ост-Индская компания первого ноября 1814 года, использовав пограничный инцидент, по Сегаулийскому мирному договору в Катманду допускался английский резидент. Непальцы проиграли войну, так как силы были неравными, английская армия — многочисленнее и лучше вооружена. Теперь внешняя политика Непала подвергалась контролю, к Ост-Индской компании отходила территория Сиккима, Дехра-дун, Гархвал, Симла и др. Воинственность непальцев и опасение вмешательства Китая не позволили англичанам разместить в Непале свои войска.

Семейство Панде, отстраненное от государственных дел, в целях восстановления своих прав вступило в союз с английским резидентом. В результате этого неугодный и англичанам мухтияр Бхим Сен Тхапа по ложному обвинению в убийстве младшего сына махараджадхираджа, был арестован в 1837 году и в тюрьме покончил жизнь самоубийством. Указом махараджадхираджа семейство Тхапа лишалось всех прав, а семейству Панде возвращались все привилегии. Но англичанам этого было мало, надо было сделать невозможной оппозицию, и они склонили на свою сторону Джанг Бахадур Рану.

И вот в ночь с 14 на 15 сентября 1846 года Джанг Бахадур Рана со своими братьями устроил во дворце махараджадхираджа резню. Погибли все высшие чиновники самых влиятельных родов: Панде, Тхапа, Баснеят и др. (по одним данным, около ста человек, по

другим — пятьдесят пять). Непальцы называют эту ночь «резней в коте» * и теперь еще, через сто с лишним лет, рассказывают с подробностями, как произошло это избиение безоружных людей, не забывают упомянуть о красном ручье, который вытекал...

В общем в Непале произошел переворот. Мухтияром стал Джанг Бахадур Рана, другие должности заняли его родственники. Посты свои в дальнейшем они стали по традиции передавать по наследству, закрепив это право формально указом махараджа-дхираджа.

В знак благодарности Рана разрешили англичанам с тех пор вербовать в Непале солдат. Конечно, не безвозмездно. Мухтияр за это ежегодно получал два миллиона рупий. Только в годы первой мировой войны в английской колониальной армии было 200 тысяч непальцев. Между прочим, непальские солдаты вербуются в английскую (а также индийскую) армию и теперь.

От перемены лиц в непальском правительстве, однако, не стало спокойнее, раздоры продолжались. Рана совершенно не заботился о развитии страны ни в экономическом, ни в культурном отношении, не заботился они и о народе. Их интересовала только собственная нажива, обеспечение сладкой жизни своему разросшемуся до громадных размеров семейству. В зависимости от родовитости, законности рождения (у непальской знати могло быть по две законные жены и неограниченное количество наложниц) члены семейства даже делились на классы «А», «В», «С», которые пользовались неодинаковыми правами. Например, министрами могли быть только Рана класса «А». Члены семейства Рана хотели получать образование за границей, путешествовать, жить во дворцах, пользоваться всеми благами жизни... Для этого требовались деньги, и они их выжимали из народа. Побои были так велики, что крестьяне не могли их выплачивать и попадали в рабство к помещикам-ростовщикам. Таким образом, большинство непальцев было бесправно и нище до предела.

* Кот — священное место, а также место для жертвоприношений в закрытом дворе или открытое (временное) — возле специально поставленного столбика.

Для упрочения своего положения Рана шли и на преступления. Так как главную опасность для их власти представлял махараджа, то Рана заботился о том, чтобы законный махараджа был несовершеннолетним и всегда нуждался в опекунах. До насильственного устранения ювораджей* дело не доходило, просто им чуть не с пеленок предоставлялись все удовольствия: вино, женщины и наркотики. Такой образ жизни вел Шива, так почему же юворадже не следовать его примеру! Наследники не часто становились совершеннолетними.

Эта же забота Рана о сохранении своего положения сделала их, по словам Маркса, «верными псами» английских колонизаторов. Рана не только нашли в них опору, но еще и получали от этого союза большой доход. Англичане еще со времени войны 1814—1816 годов имели право почти в неограниченном количестве вербовать в свою армию непальских солдат. Они приобретали доброго джина, способного дарить земли, города, рабов... За это стоило ежегодно платить премьер-министру больше двух миллионов рупий. Джина следовало сохранить для себя. И англичане требовали «закрыть» Непал. Ему запретили связи с внешним миром: не будет смущаться революционными идеями из Европы, Индии, России, Китая.

И Рана законсервировали Непал. Застыло на стадии феодализма или на еще более ранней стадии развития все: экономика, культура, быт со всеми его страшными пережитками...

Но революционные идеи все же проникали в Непал. Это было неизбежно. Социально-экономические, национальные, политические противоречия раздирали Непал. Страшное обнищание крестьян, 80% которых не имели своей земли, бесправие, беззаконие, невежество, дикость... и расточительное тунеядство правящей верхушки с ее постоянными интригами.

Непал не был спокоен. Видимо, объяснение тяжелой жизни как возмездия за грехи предков (так учат и индуизм, и буддизм) уже не удовлетворяло, хотя вера в богов, в том числе и в земного бога — махараджадхираджа, не подвергалась сомнению. Махараджа-

* Ювораджа — старший, наследный принц.

дхираджи сами представляли жертвами, обокраденными и угнетенными семейством Рана. От Рана все зло, несчастья и беды в Непале. Так считал народ и образованные патриоты, которые понимали необходимость перемен в стране. Объективно это означало, что феодализм изжил себя, вот почему борьба за прогресс приняла форму борьбы против самого крупного феодала — семейства Рана.

В рядах этого движения были и обойденные судьбой интеллигенты, и члены семейства Рана класса «С», мелкая буржуазия и торговцы, задавленные индийскими конкурентами, чиновники, студенты... позднескрестьяне и рабочие.

До XX века борьба проявлялась только в форме дворцовых заговоров, зачинщиками которых нередко были Рана класса «С».

После первой мировой войны борьба приняла другой характер. Появились просветители, открывавшие глаза народу, например индиец Джоши, и сторонники идей Ганди. Конечно, в Непале индийские идеи излагались на непальский лад.

В 1916 году непальские эмигранты в Индии стали издавать газету «Горкхали», которая в течение шести лет агитировала за свержение власти Рана. После разгрома газеты англичанами в 1922 году (по просьбе Рана) в Индии была создана первая организация непальских эмигрантов — Лига гуркхов. Потом возникли организации: «Прачанд горкха» (1931 год), «Непал праджа паришад» (1935 год). Появились стихи и художественная проза, направленные против Рана. И политические организации, и художественная литература такого направления подвергались гонениям, их организаторы (или авторы) попадали в тюрьму, некоторых казнили, например лидеров «Непал праджа паришад».

После второй мировой войны политические организации возникали и распадались, появлялись вновь... По большей части они были малочисленны, но редко единодушны в своих убеждениях и действиях. В организациях не было четкой программы, устава, вероятно, и дисциплины. Были периоды революционного подъема, когда в Непале действовало до сорока самостоятельных политических организаций. Самыми крупными и значи-

тельными партиями являлись Непальский национальный конгресс (ННК), Непальский демократический конгресс (НДК), Национальный конгресс (НК) и Коммунистическая партия Непала (КПН). И эти партии не отличались постоянством, разве только постоянством несогласий. В них меняются лидеры, они распадаются, сливаются...

Партия Непальский национальный конгресс организовалась на конференции непальских эмигрантов в январе 1947 года в Калькутте. Председателем был избран Т. П. Ачария, находившийся тогда в тюрьме. Партия поставила целью свержение господства Рана и установление в Непале конституционной монархии. В случае успеха в стране будут проведены экономические реформы, которые изменят положение крестьянства и государственных служащих. Впервые делается попытка связать движение за освобождение от господства Рана с освободительным движением в Индии. Конференция также потребовала освобождения Ачарии. В тюрьму его бросили Рана как организатора партии «Непал праджа паришад», и если бы он не был брахманом, то был бы казнен.

ННК организовал первую в Непале забастовку (в тераях), первую сатьяграху (кампанию гражданского неповиновения) в апреле 1947 года и первые демонстрации. Эти народные волнения вынудили премьер-министра Падма Шамшер Джанг Бахадур Рана обещать в ближайшем будущем конституцию, первую непальскую конституцию.

Сатьяграха приостановилась. В январе 1948 года Падма Шамшер обнародовал конституцию 1948 года. Она не меняла положения семейства Рана и управления страной, предполагалось существование парламента при премьер-министре. Но и этот парламент остался на бумаге. Падма Шамшер не пользовался авторитетом ни у придворной знати, ни в народе, и при такой обстановке ему пришлось подать в отставку. Сменивший его Мохан Шамшер Джанг Бахадур Рана заявил, что будет править без всякой конституции, и майским указом 1948 года отменил конституцию, а ННК объявил вне закона.

Независимая Индия осуждала такую политику. Позднее Джавахарлал Неру в парламентской речи

(март 1950 года) сказал, что Непалу «следует привести свою политику в соответствие с демократическими сдвигами, которые произошли в мире... неумно не делать этого». Но Мохан Шамшер был тверд и для упрочения своих расшатанных позиций вновь обратился к Англии. В октябре 1950 года с ней заключен договор «О постоянном мире и дружбе». А для сохранения дружеских отношений с Индией с ней был подписан договор «О мире и дружбе» еще в июле 1950 года.

В это время внутри НКК возникли разногласия: спорили о методах борьбы за достижение цели и ссорились из-за лидерства в партии. В результате партия раскололась. Сначала из нее вышел Ачария со своими сторонниками и образовал новую партию со старым названием, а потом выделилась группа наиболее демократически настроенных членов, которые 15 сентября 1949 года создали Коммунистическую партию Непала.

КПН считала, что после свержения тирании Рана должно быть создано «народное государство». Но у этих прогрессивных идей еще не было опоры, ни экономической, ни идеологической.

В 1949 году образовалась еще одна партия — Непальский демократический конгресс (НДК), — у руководства ее встали представители Рана класса «С». Они стремились направлять деятельность партии в своих интересах. Вскоре с той же целью партия НДК слилась с оставшейся частью НКК и стала называться Непальский конгресс (НК). НК торопил вооруженный захват власти, после чего предполагалось создать представительное правительство во главе с махараджаджиратом Трибхуваном.

По решению НК (сентябрь 1950 года) формировались отряды добровольцев, составившие Освободительную армию. Армия стала захватывать один за другим населенные пункты в тераях. Правительственные войска, посланные премьер министром Рана на борьбу с мятежниками, терпели поражение. Историки объясняют это тем, что правительственная армия воевала неохотно, ее солдаты душою были с добровольцами. Восстание и переход на сторону Освободительной армии 1500 солдат и офицеров гарнизона города Палпа под командованием Рана класса «С» подтверждают это,

В декабре 1950 года был взят Биратнагар. Крестьяне помогали Освободительной армии. Они надеялись на облегчение жизни (снижение арендной платы и ликвидацию долгов ростовщикам). Появились крестьянские союзы и первый профсоюз рабочих Бирганджа и Биратнагара. Освободительная армия получала также моральную и материальную поддержку из Индии. В это время там находился Трибхуван — законный махараджадхирадж Непала, который попросил политического убежища. Его бегство в Индию, пожалуй, больше всего подлило масла в огонь борьбы непальцев за новую жизнь.

Трибхуван Бир Бикрам Шах Дева был коронован 20 февраля 1913 года в возрасте пяти лет, теперь ему было за сорок, но он, как и в детстве, только назывался правителем. Повзрослев, он жил фактически под домашним арестом, не мог действовать самостоятельно, всегда оставаясь под надзором. Летописцы приводят его разговор с врачом-иностранцем: «Я ничего не значу и ничего не могу... только любоваться сокровищами... Я живу за пятью стенами, но ворота их охраняются не для моей безопасности, а для того, чтобы удерживать меня в этих стенах». Однако Трибхуван видел, что делается за стенами дворца. После достижения Индией независимости он через того же врача (а по другим данным — через парикмахера), который лечил (или брил) махараджадхираджа и индийского посла в Катманду, установил связь с индийским послом. Рассказывают, что однажды осенью 1950 года индийский посол прибыл во дворец Трибхувана, чтобы полюбоваться его садом, и передал Трибхувану зашифрованное письмо: «Птица пришла в сад и принесла от доктора цветок».

Вскоре Трибхуван выразил желание поехать со всей семьей на прогулку на Сундариджал. (Это небольшая горная речка, на которой построена первая в Непале крохотная электростанция.) Не поехал на прогулку только малолетний внук Трибхувана — Гьянандра, его в этот день не было во дворце. 6 ноября 1950 года солнечным утром поезд из нескольких машин в сопровождении стражи выехал из дворца. Вдруг машины повернули к индийскому посольству, ворота его распахнулись, как только они поравнялись с ними. Охрана была

сразу обезоружена и отправлена обратно с вестью, что Трिбуван не вернется во дворец...

На третий день Трिбуван на специальном самолете вылетел в Индию. Весть о его бегстве с быстротой молнии облетела всю страну. Правительство Рана предпринимало все, что могло. Сначала требовало от индийского правительства выдачи Трिбувана. Получив отказ, спешно возвело на трон (как будто он был свободен!) внука Трिбувана — Гьянандра Бир Бикрам Шах Деву, которому тогда было три года. Это беззаконие вызвало бурю возмущения и в Непале и вне его; ни одна страна не признала нового махараджадхираджа.

Премьер-министр Мохан Шамшер Рана хотел опереться на своих друзей-англичан, но они побоялись ухудшения отношений с Индией и остались безучастными к его судьбе.

После серьезных поражений, нанесенных правительственным войскам отрядами НК, и длительных переговоров с Индией, 8 января 1951 года непальское правительство обнародовало декларацию, в которой обещало создать законодательную ассамблею. Выборы в нее будут всеобщими и предполагаются в 1952 году. Новое правительство должно состоять из 14 членов, причем половина, в том числе премьер-министр, должна быть из семейства Рана. Главой государства оставался махараджадхирадж. Кроме того, декларация обещала амнистию политическим заключенным, безнаказанность участникам беспорядков, объявляла свободу создания политических партий при условии, что их деятельность не выйдет за рамки закона, и т. п.

Трिбувана это вполне устраивало. Он призвал Непальский конгресс прекратить борьбу, и сам вернулся в Непал. 18 февраля 1951 года он обнародовал Королевскую прокламацию. Она отменяла наследование поста премьер-министра семейством Рана и объявляла о создании коалиционного правительства. В состав правительства вошли и представители НК. Но интересно, что пост премьер-министра вместе с портфелем министра иностранных дел был снова предоставлен Мохан Шамшеру Рана. Другие важные посты министров (обороны, просвещения, лесного хозяйства, здравоохранения и местного самоуправления) также были заняты Рана класса «А». Остальные портфели министров достались

членам НК. Но председатель партии НК М. П. Коирала не вошел в состав правительства.

Таким образом, в результате демократического движения изменения в непальском правительстве свелись лишь к частичной замене на важных постах Рана класса «А» на Рана класса «С». Рана были довольны результатами движения. А Коммунистическая партия снова призывала к борьбе — теперь против коалиционного правительства.

Коалиционное правительство сразу же показало свое лицо, оно начало не с выполнения декларации, а с наведения «порядка», с издания закона о прекращении огня и закона об общественной безопасности. Началось подавление демократического движения: карательные экспедиции, аресты, расправы... Эти действия правительства от имени НК вынудили некоторых конгрессистов, в том числе и выпущенного из тюрьмы Т. П. Ачария, выйти из НК.

В ответ на действия коалиционного правительства произошло объединение всех демократических сил: разных союзов, партий, групп, кружков, группировок всех сословий и политических убеждений, к объединению примкнули даже некоторые феодалы. Образовался Народный национальный объединенный фронт под председательством Т. П. Ачария. Комитет фронта организовал в крупных городах демонстрации протеста против полицейских репрессий. Студенческая демонстрация в Катманду 7 ноября 1951 года была рассеяна огнем, один студент убит и несколько ранено. На другой день похороны превратились в новую мощную демонстрацию. Толпы возбужденных людей поднимали над головой кулаки и гневно кричали...

10 ноября 1951 года из правительства вышли в отставку конгрессисты, а 13 ноября подал в отставку премьер-министр Мохан Шамшер Рана... при условии сохранения ему жизни и имущества. 16 ноября Трибхуван объявил новый состав правительства, в него вошли 8 членов НК и 6 независимых. Премьер-министром назначался председатель НК М.-П. Коирала. Семейство Рана потеряло власть, которой злоупотребляло больше ста лет. Газеты называли Трибхувана «отцом Непала» и оповещали о наступлении новой эры. Была объявлена Временная конституция 1951 года, закреп-

лявшая происшедшие перемены. Она отменяла привилегии отдельных групп лиц, провозглашала равенство всех граждан перед законом, свободу совести и всеобщее избирательное право. Она провозглашала конституционную монархию, предоставляла широкие права махараджадхираджу (с небольшими ограничениями): он становился главнокомандующим вооруженными силами страны и пр. и пр.

Как бы то ни было, обстановка в Непале теперь давала простор развитию, движению вперед... если бы конгрессисты были способны повести за собой страну.

Новое правительство не торопилось с выполнением обещаний. Созыв конституционной ассамблеи все откладывался. Демократические преобразования тоже откладывались, зато усилились полицейские репрессии. Вместе с тем внутри правительства начались раздоры. Были недовольные назначением М. П. Коиралы на пост премьер-министра без консультации с партией. М. П. Коиралу освободили от поста председателя партии (избрали Б. П. Коиралу), а затем исключили из партии. Но М. П. Коирала создал новую партию — Национальную демократическую партию (НДП). Вслед за этим, как грибы после дождя, стали появляться и другие партии и группировки, враждовавшие между собой.

Трибхуван воспользовался этими обстоятельствами для укрепления своей власти. Сначала он самовольно вносил изменения во временную конституцию, потом (10 августа 1952 года) распустил правительство М. П. Коиралы и учредил консультативный совет из пяти человек — они не состояли ни в каких партиях, зато трое из них занимали высокие посты в армии. В сентябре 1952 года он опубликовал акт о праве приостанавливать действие статей Временной конституции и осуществлять прямое правление. То есть все вернулось на круги своя. Махараджадхирадж обрел всю полноту власти. А экономические преобразования! Кому же было ими заниматься? Теперь разговоры о них оборачивались оппозицией самому махараджадхираджу.

В последующие годы борьба демократических сил во главе с КПН шла по тому же руслу: возникали и рас-

падались союзы, не оставляя следа, а Трибхуван укреплял свои позиции. Главными событиями за это время были: первый (незаконный) съезд КПН (1953 год); акт Трибхувана «О конституционных изменениях», которым отменялись важнейшие статьи конституции. «Верховная власть во всех сферах государственной жизни сейчас принадлежит нам и осуществляется нами», — говорилось в акте. Демонстрации и митинги запрещались. Но они все же время от времени происходили в таях.

13 марта 1955 года Трибхуван умер. Трон занял Махендра Бир Бикрам Шах Дева. Оппозиционная борьба продолжается и при нем, а Махендра продолжает укреплять позиции монарха. Убедившись, что прямое правление вызывает недовольство, Махендра предлагает одно за другим (но отнюдь не торопясь, с оттяжками) мероприятия, которые создают представление об уступках в пользу демократии: конференция общественных и политических групп; всеобщие выборы (1957 год); возложение обязанностей премьер-министра на махараджадхираджу. Его предложения не проходят, и он предлагает сформировать новый состав правительства, поручая это лидерам то одной, то другой партии, за исключением наиболее влиятельной — Непальского конгресса. Это снова вызывает раскол в среде оппозиции.

Впрочем, при правительстве Т. П. Ачария (1956—1957) все же кое-что было сделано: легализована Коммунистическая партия, запрещенная в 1952 году, намечен первый пятилетний план развития экономики Непала (хотя он и не был выполнен даже на треть). Развиваются внешние связи Непала, страну принимают в члены ООН (1955 год). Непал выбрал миролюбивый курс внешней политики, неприсоединение к блокам, нейтралитет...

Махендра всячески оттягивал выборы в конституционную ассамблею. Но демократические силы единодушно требовали проведения выборов. Были и демонстрации, и ультиматумы, и всеобщее неповиновение (сатьяграха). Все это вынудило назначить конкретную дату выборов.

Незадолго до выборов, 12 февраля 1959 года, была обнародована новая конституция Непала, которая пре-

дусматривала выборы не в конституционную ассамблею, а в парламент. Главное, за махараджадхираджем закреплялись чрезвычайные полномочия: право отменить конституцию, распускать парламент и т. д. — все в прежнем духе.

Выборы в парламент состоялись 18 февраля 1959 года. Одиннадцать партий выдвинули своих кандидатов, среди них НК, КПН, «Непал праджа паршиад» и др. Все они не скупилась на обещания: отмена феодальной системы землевладения — бирта, справедливое распределение земли, развитие экономики и пр. и пр.

Больше всех собрала голосов НК, и Б. П. Коирала стал премьер-министром. Но действия нового правительства опять были малоэффективными. Реформам в сельском хозяйстве сопротивлялись феодалы. Оппозиционные партии всячески стремились дискредитировать правительство. В двух дистриктах (районах) были даже кровавые столкновения: в дистрикте Горкха они были спровоцированы, а в дистрикте Запад-1 вызваны репрессиями против крестьян. Вся страна всколыхнулась. В это время ухудшились отношения между парламентом и Махендрой, главным образом потому, что правительство совершенно забыло о том, что хозяином в стране остается махараджадхирадж. Этого Махендра допустить не мог. Он перешел в наступление.

12 декабря 1960 года в девять часов утра правительственные войска заняли все важные пункты столицы: почту, правительственное здание — Сингх дарбар, аэродром; блокировали дороги и иностранные посольства, а в 11 часов арестовали Б. П. Коиралу и всех министров-конгрессистов, собравшихся на конференцию. Были арестованы также многие другие министры, руководители партий и т. д. В обнародованном заявлении говорилось, что Махендра, действуя согласно конституции, распустил парламент и установил режим прямого правления. Был сформирован совет министров, где премьер-министром и министром обороны стал сам Махендра. Для предупреждения оппозиции все без исключения партии и организации были распущены. Через некоторое время под надзором двора были созданы так называемые классовые организации рабочих, крестьян, студентов и др.

Через два года, 15 декабря 1962 года, была объявлена новая, третья конституция, закрепившая все эти перемены. В стране была создана четырехступенчатая система панчаятов (советов) — органов самоуправления: деревенских, городских, дистриктных, зональных. Венчал эту систему Национальный панчаят — своего рода парламент, часть депутатов которого выбиралась членами нижестоящих панчаятов, а часть назначалась самим Махендрой. 14 апреля состоялась первая сессия Национального панчаята. На второй сессии Национального панчаята был принят свод законов: отменялся неоплачиваемый принудительный труд, кастовая дискриминация, ранние браки; были уточнены сроки проведения аграрных реформ и т. п.

Наиболее заметным результатом всех действий махараджаджхираджа было наступление относительной политической стабильности в стране, которой не было со времени падения Рана. После запрета в стране политических партий улеглись страсти, разыгравшиеся в борьбе за власть. Теперь всем оставалось только следовать указаниям и советам махараджаджхираджа.

В области национального единства страны, развития экономики, просвещения несомненно есть успехи. Но мы не беремся их анализировать и обобщать. Пусть читатель сам судит о них, ведь они в какой-то мере нашли отражение в личных впечатлениях, о которых я пишу в этих очерках.

* * *

31 января 1972 года Махендра Бир Бикрам Шах Дева, махараджаджхирадж Непала, умер. В этот же день через несколько часов, в момент, определенный астрологами, а именно в 12 часов 17 минут ювораджаджхирадж Бирендра Бир Бикрам Шах Дева был возведен на трон на церемонии во дворце Ханумандхока.

Газеты, выходящие на английском языке, крупным шрифтом извещали: «Король умер. Да здравствует Король!»

Коронация нового махараджаджхираджа была отложена на продолжительное время — до 24 февраля 1975 года. Эта дата определена дворцовыми астрологами как наиболее благоприятная для такого важного события.

Насколько можно судить, Бирендра Бир Бикрам Шах Дева управляет страной так же, как и его отец, самодержавно. Ничего нового пока не заметно. И так же по-старому непальскую жизнь часто встряхивают стихийные, разрозненные волнения народа. Во что это выльется — покажет будущее.

ПО СЛЕДАМ ИСТОРИИ



Исторических памятников в Непале много, особенно в долине Катманду, и непальцы берегут их, правда, не очень ухаживают за ними, но и не уничтожают. Нередко можно видеть уцелевшие фундаменты бывших сооружений, или отдельно стоящие лестницы с каменными изваяниями львов, или вросшего в землю коленопреклоненного Нанди...

Древний дворец раджей

Старинные дворцы раджей в долине Катманду есть во всех городах — столицах бывших княжеств. Непальский историк Д. Р. Регми поясняет, чем отличаются дворцы раджей от обычных непальских домов: «Прежде всего — величиной». Это комплекс связанных между собой строений со многими внутренними дворами. Если посмотреть на постройки сверху, то увидишь как бы сетку, в отдельных пересечениях ячеек которой возвышаются башни. Здания, образующие дворы, часто являются просто узкими переходами или широкими полами стенами, по верху их можно ходить. Основные постройки обычно четырехэтажные. Нижний этаж, так же как и во всех непальских домах, не был жилым, он служил арсеналом. На втором или третьем этаже находилось большое помещение, где могло собираться много народу. В Бхадгаоне, например, во Дворце пятидесяти пяти окон для собраний служили залы на втором и на третьем этажах.

Дворцы отгораживались стеной «от соседей и от полей», замечает историк. Внутренние дворы имели форму квадрата или прямоугольника, они разной величины

и назначения. Самый большой двор служил для проведения церемоний и приема посетителей, в другие просто выходили окна жилых помещений, в третьих были сады. Один из дворов — мулчок — предназначался для религиозных ритуалов, здесь молились и поклонялись богам. В этом дворе находился храм и боги тантристского пантеона во главе с особо почитаемым семейным божеством. У раджей династии Малла в Катманду таким божеством была богиня Таледжу.

В самом маленьком из дальних двориков дворца в Катманду находился источник воды и купальня — углубление в земле 2—2,5 метра, выложенное камнем; туда по желобкам в одной из стенок течет вода, поступающая с гор. Концы желобков отделялись золотом или позолоченной бронзой, а стенки купальни украшались каменными или бронзовыми изображениями богов. Отсюда брали воду для приготовления пищи, и здесь под струей воды, когда она была не очень холодной, семья раджи мылась.

Считается, что все дворцы в Патане, Катманду и Бхадгаоне построены примерно в один и тот же период, когда долиной управляли раджи династии Малла. Дворцы в Патане и Бхадгаоне построены на месте старых дворцов, а в Катманду — на новом месте. Все основные строения дворцов относятся к XVII веку, и только некоторые части их могли быть построены раньше. Какими были дворцы в более ранние эпохи — неизвестно.

В настоящее время уцелевшие дворцы в основном остались такими же, как и двести, и триста лет назад. Перестройке подвергся только дворец в Катманду, после того как в нем поселился завоеватель долины Притхви Нараян Шах.

Древний дворец неварских и непальских раджей в Катманду стоит в центре города. Три площади: Басантапур, Дарбар и Ханумандхока, загибаясь, переходят одна в другую и охватывают его с юга, запада и севера.

Дарбар и особенно Ханумандхока застроены храмами так, что представляют собой просто широкий проезд между ними. Среди храмов есть небольшие каменные, монолитные, типично индийские храмы, есть храмы, похожие на беседки, есть — похожие на дома, но топ задают всему непальские храмы-пагоды с их взлетающими вверх многоярусными крышами. На более простор-

ном Дарбаре храмы поднялись высоко на ступенчатых пирамидах, а на Ханумандхока они доверчиво, по-домашнему стоят на невысоком фундаменте, так что хорошо видна искусная деревянная резьба: разнообразные орнаменты, рельефные маски, раскрашенные страшилища, многорукие божества, эротические сцены.

Сюда, на площадь Ханумандхока, выходит маленькая дверь в толстой малиновой стене дворца. Через нее мы и войдем, чтобы осмотреть дворец.

Дворец строился для неварских раджей династии Малла, затем с 1768 года он долго служил непальским раджам из династии Шахов, которые и теперь управляют Непалом, но из другой резиденции.

Дворец давно стал музеем, но некоторые религиозные и государственные церемонии по традиции все еще совершаются здесь, на специальном месте во дворе и в зале для приемов.

Возле входной двери на высоком постаменте под полотняной красной накидкой стоит статуя Ханумана *, вся красная от пудры и краски, которыми ее посыпают почитатели. Заплатив по рупии, мы прошли через толщу стены и оказались в углу обширного прямоугольного двора. Слева у входа — большая черная статуя бога Нарасингхи, получеловека-полульва. Вытаращив глаза и оскалив звериные зубы, Нарасингха человеческими руками разрывает живот своей жертве, грешнику-радже.

Несколько шагов — и виден весь двор. Посередине его прямоугольное возвышение — место для церемоний. В 1956 году здесь короновался Махендра. А сейчас здесь сидит на скрещенных ногах, одетый в свободные темные одежды, какой-то проповедник и что-то рассказывает сжавшимся в комочек мужчинам, которые сидят полукругом на почтительном расстоянии от него.

С трех сторон двор окружают малиновые стены с черными «кружевами». Две башни по углам. В дальнем углу справа башня поднимается над стенами главного помещения дворца. Темная массивная башня-пагода — самая высокая в Непале, у нее девять этажей. А напротив двери, в которую мы вошли, в углу — круглая очень

* Хануман — получеловек-полуобезьяна, легендарный герой «Рамаяны», бог и предводитель обезьяньего войска.



Рис. 6. Храмы на площади Ханумандхока (Катманду)

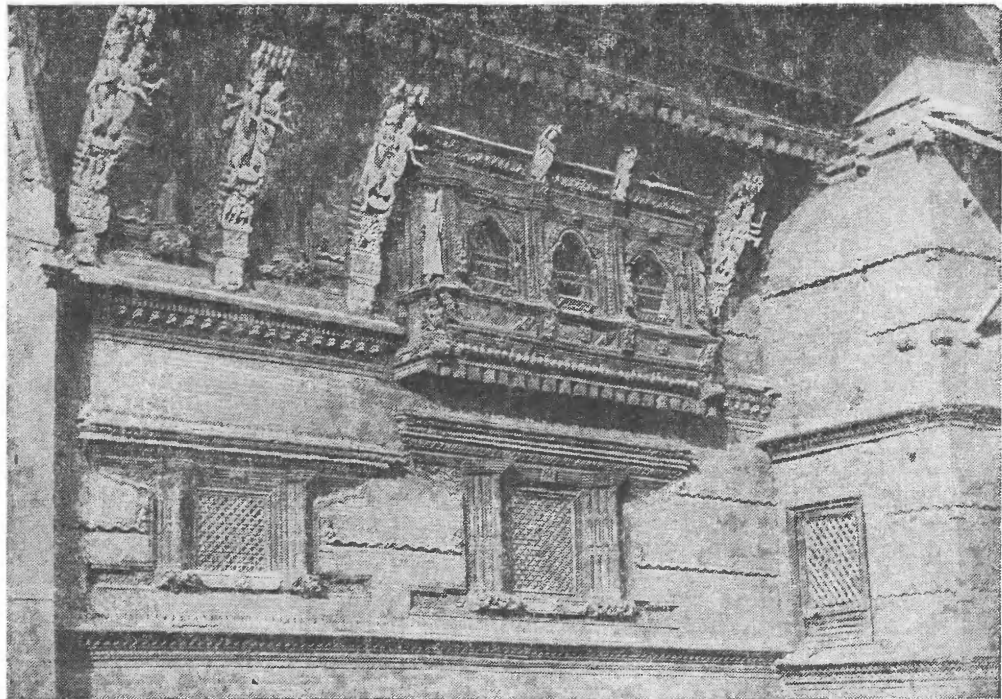


Рис. 7. Деревянная резьба на фасаде дворца Басантапур (Катманду)

пзящная белая башня с пятью крышами-зонтами, тоже единственная в Непале. Это башня Ханумана. От этой башни почти до входных дверей вдоль стены тянется невысокий навес на сдвоенных легких колоннах. Здесь за низеньким барьерчиком стоит мягкое тронное кресло с позолоченной спинкой. В нем во время церемоний восседал раджа в окружении знатных мужей. Теперь же со стены за креслом безмолвно смотрит целый ряд портретов раджей Непала из династии Шахов. Эти правители знаменуют «эпоху большого непальского государства». Все остальные «эпохи» забыты, даже правление династии Малла, хотя дворцы, выстроенные ими, стоят перед нами. Портреты написаны в манере древних индийских живописцев (а может быть, они ими и сделаны) и едва ли имеют сходство с оригиналами. У всех смоляно-черные волосы и усы, масляные глаза лодочкой, крупные носы и сочные алые губы. Зато одежда! Здесь все точно: парча, шитье серебром и золотом, драгоценные камни...

Идем на противоположную сторону двора, к девятиэтажной башне. Стены такие прямые и гладкие, как будто сложены недавно. Их пощадил даже землетрясения. Квадратные решетки окошечек в черных кружевах подняты к самым подкосам. Подкосы башни светлыми лучистыми веерами в коричневой тени крыш один над другим поднимаются к небу. На нижних подкосах хорошо видны раскрашенные фигурки. Многорукие божества в складчатых одеждах опираются на лотос, под лотосом двурукие существа без одежды. Все чем-нибудь заняты. Одни играют на флейтах, другие исполняют эротические танцы.

Угловые подкосы выглядят иначе, на них не божества, а разъяренные, словно рвущиеся с цепи животные с длинным телом и когтистыми лапами. С торцов каждой балки смотрит рожа полусобаки-полуптицы... На карнизах, косяках и поперечных балках — затейливый белый орнамент по черному фону.

Проходим через маленькую одностворчатую дверь в толстой стене. Темно. Земляной пол. Некрашенные деревянные столбы вместо колонн, без резьбы. Приставная узкая лестница круто поднимается к проему в потолке. На втором этаже светлее и просторнее, сюда можно втянуть лестницу и закрыть проем тяжелой крышкой.

На следующий этаж тоже надо подниматься по приставной лестнице и так до последнего этажа. Интерьер помещения почти везде одинаков: деревянные колонны и больше ничего. На некоторых этажах они украшены резьбой, а вдоль стен идут скамьи. Это залы, рассчитанные на присутствие многих людей. На втором этаже находится комната, служившая спальней для раджи и двух его жен. Отсюда же раджа «поддерживал контакт» с народом, наблюдал его из окна или сам показывался в окне. Главная комната в личных покоях раджи по нашим понятиям совсем не комфортабельна. Она узкая, около двух метров шириной, длинная, с высоким потолком и тремя соединенными вместе окошечками, начинающимися от широкого выступа на полу. В окошечках нет стекол, они закрыты деревянными узорными решетками, расположенными наклонно.

— Через эту решетку отсюда можно видеть все, что делается на улице, а самому оставаться невидимым, — проговорил гид уже не раз слышанную нами фразу. Гид сказал нам об этом так, словно сообщал какой-то секрет.

Выступ в стене, не меньше метра шириной, который можно назвать низко расположенным подоконником, служил для обитателей комнаты и скамьей, и ложем. Все убранство комнаты когда-то составляли ковры, они покрывали пол, теперь же кирпичи пола оголены.

— А стены наверно тоже закрывались коврами или тканями? — спросила я.

— Нет. Стены и тогда были такими же.

Перед нами были нештукатуренные стены, обычная изнанка кирпичной кладки. Как видно, в те времена раджи были неприхотливы. Главной заботой была безопасность. Нигде не было и следов других удобств. Впрочем, их могли создавать слуги.

С девятого этажа во все стороны открывается широкая панорама. С северной стороны видны внутренние дворы, образованные переходами и галереями с башнями по углам. Говорят, здесь было девять дворов, теперь видно только пять, садов в них нет. Зелень есть только во дворе, где стоят храмы. Эти дворцовые храмы-пагоды поднимаются за дальней стеной-галереей. Выделяется храм богини Таледжу, покровительницы раджей, большой, на высоком ступенчатом постаменте, с тусклыми

Золочеными крышами. От его закрытых растрескавшихся дверей веет таинственностью. Он больше, чем другие постройки, выглядит задумчивым и покинутым, хотя перед ним, наклонясь, стоят стелы-памятники, словно ревностная паства перед пастырем. Все вокруг — и двор, и ступени постамента, и крыша храма — заросло травой и мохом; постукивает на ветру какой-то медный лист...

На западе через Дарбар видно месиво черепичных крыш и серых стен. Вон башня Бхим Сена. Вон крыша храма, еще одна, еще. Мост через реку, совсем обмелевшую...

На южной стороне внизу под нами шевелится пестрый базар. На земле груды капусты, моркови, зелени, редьки, корзины мандаринов, твердых груш. Продавцы сидят под кое-как натянутой на шесты мешковиной. Шуплая женщина отчаянно лупит «священную» корову, которая уносит ноги, дожевывая пучок моркови. Оборванный мальчишка тянет руку за подающим к женщине в европейской одежде. Индианка в голубом сари тщательно выбирает зелень. Показалась группа китайцев, одетых одинаково, в линяло-синие костюмы. Торговцы застыли в ожидании. К кому подойдут эти «оптовые» покупатели? Китайцы покупают, хотя и очень расчетливо, не так, как, например, русские, но зато сразу делают недельный запас на всю колонию.

Однако мы отклонились от темы.

Снова перед нами внутренние комнаты дворца, скорее напоминающие сарай или чердак. Впрочем, эта часть дворца давно необитаема. А вот сейчас мы пройдем в покои, где жил последний обитатель — раджа около ста лет назад.

Второй этаж. Одна длинная комната, высокий потолок, ряд больших окон выходит на восток. Окна застеклены, имеют двустворчатые ставни. Стены выкрашены масляной краской (почему-то показалось, что при прежних обитателях едва ли это было так). В противоположной от окон стене — маленькие ниши, в них ритуальные принадлежности и реликвии: медные сосуды, фитильки, искусственные цветы. Пол комнаты покрыт ковром. В центре — три низких круглых пуфа, на которых сидят со скрещенными ногами. На широком возвышении возле окон лежат на большом расстоянии параллельно

Друг другу три матраца: тот, что посередине — для раджи, по бокам — для двух жен. Раджа по обычаю женился сразу на двух женах.

В конце комнаты дзерь ведет в небольшую темную гардеробную. На ковре сундук, окованный железом. И все. Ни зеркала, ни скамеечки, ничего больше. Значит раджи обходились без мебели, как обходятся без нее и теперь почти все непальцы. Какне-то хозяйственные помещения, находящиеся дальше, не подлежат осмотру.

К комнате, которую мы осмотрели, позднее было пристроено крыло прямоугольной формы. Это большой зал, куда ведет широкая винтовая лестница. Большие европейские окна застеклены и имеют ставни. Возможно, была и мебель, но теперь здесь нумизматический музей, которому достаточно витрин на ножках. В витринах на бархате рассыпаны непальские монеты. Серебро, золото, алюминий, никель, медь. Несколько сотен лет Непал чеканил монеты для Тибета. Самые древние монеты — измятые, неодинаковой длины обрубки металлических прутьев.

У дворца есть еще одна пристройка, сделанная не больше двадцати лет назад. Это здание в итальянском стиле из белого камня приклеилось к старым, темным помещениям со стороны площади Басантапур и выходит фасадом на площадь Дарбар. Здание ничего общего не имеет с непальским стилем. Впрочем, над входом чернеет вделанная в белую стену узорчатая балка с характерными длинными концами. Это дань непальскому стилю. Я заметила, что на всех новых больших зданиях всегда какой-нибудь кусочек делают в традиционной непальской манере, вероятно хотят показать, что традиции не забыты. Кроме этой балки, все остальное выглядит по-европейски: белые стены, колонны, аркада, балконы, большие застекленные окна. В этом помещении находится роскошный зал для приемов. Непальское правительство чаще устраивает приемы в Сингх дарбаре и в Ситал нивасе, но иногда и в этом зале на углу двух площадей. Читатель может представить себе его, читая главу «Индра джатра». Зал вклинивается чужеродным телом в древнюю крепость — резиденцию непальских раджей — и наглядно показывает развитие их вкусов, потребностей и жизненных интересов. Хотя производи-

тельные силы Непала в начале XX века еще оставались на уровне эпохи феодализма, потребности его правительств уже шагнули в капиталистический мир.

Поездка в Нувакот

В начале сентября мы отправились в Нувакот, ту самую крепость, захватом которой началось завоевание Непальской долины.

Еще двести лет назад Нувакот прикрывал доступ в Непальскую долину и считался неприступным. И молодой, горячий раджа княжества Горкха Притхви Нараян Шах не сразу овладел им.

Мы выехали из просыпающегося города с северо-западной стороны, и теперь наш газик катился по горной дороге возле розовато-рыжих голых гор, изрезанных дождевыми потоками. Пустынные горы, освещенные сбоку утренним солнцем, пестрели треугольниками света и тени. Свежий воздух бодрил. Только изредка попадались встречные машины. Было не жарко и не пыльно. Мы рассчитывали через два-три часа быть в Нувакоте, до которого по справочнику от Катманду тридцать километров.

Приблизительно через час горы совсем изменились. Мы ехали подле мощных темных кражей, стеной поднимающихся с одной стороны дороги. Вблизи отвесные стены оказывались покрытыми зеленым бархатом. Мох, лишайники, трава... и тонкая «стеклянная» пленка. Горы сочились водой. Рядом, подмывая горы, весело бежал ручей, то с нами наперегонки, то навстречу нам.

Вблизи дороги не видно никаких деревень, только отдельные домики на ступенчатых холмах далеко внизу.

Газик все время вертится то вправо, то влево, волоча за собой рыжую вуаль. Когда дорога шла по южным склонам гор, становилось очень жарко. Наша компания, две женщины и двое мужчин, приумолкла.

Давно позади остался перевал Какани, где мы останавливались. Там наверху стоит небольшая гостиница для туристов, предоставляющая «большие удобства» любителям горных красот: потолок над головой, кровать-матрац под тонким покрывалом, туалет без воды, иногда кое-что из еды, а главное — подзорную трубу. Мы для себя спросили только трубу.



Рис. 8. Крестьянин из Нувакота

Горы приблизились. Бело-серые морщины, ребра, молниеподобные изгибы. Слева, в затуманенной дали над линией гор, возвышается пик восьмитысячника Аннапурны с раздвоенной вершиной, за что он получил название Рыбий хвост, или Мачапучхре. Горы можно долго рассматривать и сегодня, когда по небу бегут облака. Картина становится еще пестрее. Но не хватает тех ярких, иногда просто неправдоподобных красок, в которые бывают окрашены горы на закате и на восходе солнца.

Снова в машине. Опять повороты, повороты...

— Скоро ли Нувакот?

Шофер-непалец Калидас не знает. Решили спросить у местных жителей. «О, Нувакот! Ближе, ближе. Коша

два-три» *. Мы приободрились. Я внимательнее всматриваюсь в панораму, которая, все время меняясь, открывается со стороны обрыва. Но всюду только горы и горы. Дорога то поднимается, то спускается, и горы то удаляются, то приближаются, розовеют, синеют, сереют...

— Да скоро ли Нувакот? Мы проехали уже добрых 50 километров.

Пастух с длинной палкой, пасущий коз на крутом склоне горы, сказал: «До Нувакота недалеко, коша три-четыре, не больше». Выходило, что мы не приближались к нему, а от него удалялись. Но этого не могло быть, ведь дорога здесь только одна, заблудиться невозможно. Остается ехать вперед, хотя у всех затекли ноги, моей соседке от бесконечных поворотов стало плохо.

Горы и горы кругом.

Шофер встречной машины сказал: «Через три-четыре коша будет долина Трисули, а там недалеко и до Нувакота». Когда же мы преодолеем эти три-четыре коша?!

Мы заметили, что наш шофер спрашивал о дороге только мужчин. Оказывается, в Непале не принято что-нибудь спрашивать у женщин (тем более просто разговаривать с незнакомой женщиной), иначе вас могут заподозрить в дурных намерениях.

Опять виляем направо, налево. И незаметно оказываемся в широкой розовато-белесой долине. Темная нитка ручья в белом русле одна оживляла пустынную картину. Потом показалась плотина и ряд темных труб на южном склоне горы. Электростанция Трисули. Ее еще достраивают индийцы, но сегодня нет никакого движения, сегодня — суббота, день нерабочий.

В стороне за мостом взбирается в гору селение Трисулибазар. Сверху оно кажется ломаной линией из двух плотных рядов черепичных крыш. Подкосы, подпорки, небольшие черные проемы дверей под навесами. На буристой дороге из земли выпирает крупный булыжник.

Мы расположились у воды и с аппетитом закусили. Высоко над нами, на третьей линии гор, обступивших долину, сквозь редкие облака на очень крутой горе вырисовывается в небе дом-коробка. Это и есть цель нашего путешествия.

* Кош — мера длины, равная приблизительно трем километрам, но практически у каждого своя.

Нувакот в переводе значит девять кóтов, девять мест для жертвоприношений. Если там действительно есть или было девять кóтов, значит это была не маленькая крепость. Скоро увидим.

Осведомились о состоянии дороги. «Дорога проезжая», — ответили нам. Да, мы в этом убедились. Наш газик, ведомый спокойным малоразговорчивым Калидасом, взял-таки эту высоту, называемую дорогой. В нескольких местах он проехал по шаткому бамбуковому настилу над обрывом и много раз рыл «носом» глину горы, казалось повисая задними колесами в воздухе.

Чем выше мы поднимались, тем круче и неудобнее становился подъем. Дорога шла по одной стороне конуса, участки ее, круто поднявшись, резко ломались, меняя направление. В углах этой ломаной линии было очень тесно. Чтобы повернуться, машина с размаху упиралась «носом» в гору, потом, маневрируя, задним ходом поворачивалась в несколько приемов, съезжая колесами к покато́й кромке обрыва. Вперед, назад, вперед, назад... Нет! Так испытывать судьбу можно только один раз. Руки сами собой впивались в борт машины. И не хочется смотреть вдаль, а только на рыхлый рыжий грунт дороги.

Наконец машина встала. Дальше надо идти пешком. Подъем близок к 45 градусам. Изгиб дороги, еще изгиб — и мы на вершине горы.

Высота орлиная! Вокруг крутые горы, облака бегут между вершинами.

— Вон на той горе, напротив, в 1743 году Притхви Нарайян Шах долго стоял лагерем со своим войском, — начал нам рассказывать добровольный гид.

Этот невысокий худощавый юноша в очках, одетый по-европейски, оказался возле нас вместе с группой мальчишек сразу же, как только мы появились в Нувакоте, как будто ждал нас. Он спросил, откуда мы и зачем приехали. Узнав, что мы русские, выложил все, что знал о русских. Затем без всякой просьбы стал рассказывать на приличном английском языке историю захвата Нувакота.

— Много месяцев наблюдал за Нувакотом с той горы Притхви Нарайян Шах, ничего не предпринимая, словно приучал к себе защитников Нувакота. А потом его лагерь куда-то исчез, нувакотцы потеряли его из

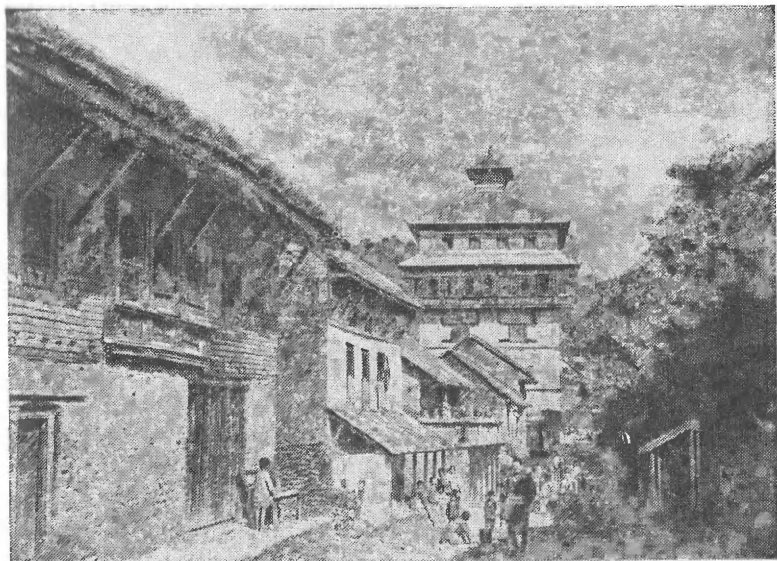


Рис. 9. Нувакот

виду. А между тем он переместился к ним поближе, вот на эту соседнюю и более высокую гору. Видите, она соединяется перешейком с горой, на которой мы теперь стоим. И однажды ранним утром тишину Нувакота разорвали истошные вопли. С этой горы во весь опор на Нувакот неслась лавина конников.

Гарнизон Нувакота не устоял. Не помогли и мощные стены башни. Просто ими не успели воспользоваться.

Юноша рассказывал с удовольствием и с некоторой гордостью. Принадлежал ли он к семье воинов, ведущей родословную из Горкха, или время сработало на победителя?

Мы идем по короткой улице. Небольшие домики, приземистые пустующие солдатские казармы, образующие дугу. Остатки богатой деревянной резьбы, старинные пушки и пирамидки каменных ядер — их никто не трогает, хотя все кругом кажется давно заброшенным.

На другой стороне улицы — два храма-пагоды и массивная, квадратная, грибообразная башня над обрывом. Это ее было видно из долины от самой реки Трисули.

Башня — основное крепостное сооружение. Стены ее из малинового кирпича — и наружные и внутренние — так толсты, что в нижнем этаже, который служил складом оружия, а теперь совершенно пуст, было тесно.

В башне семь этажей, два приходятся на верхнюю, дозорную башенку, возвышающуюся над массивной частью, которую на четвертом этаже опоясывает навесная крытая галерея — сплошной ряд окон в деревянной резьбе. Окна средних этажей и подкосы под галереей тоже богато украшены резьбой в непальском стиле.

Остальные постройки — бывшие казармы и жилые дома находятся в полной гармонии с главными. Все здесь нам знакомо. Как будто сюда в горы перенесли кусок одного из больших городов Непальской долины: Катманду, Патана или Бхадгаона.

И люди, и их занятия сотни лет назад были те же. Эти дома с подкосами, ступеньки полей внизу, привязанные к колышку козы и роющиеся в земле куры... Впрочем, это только внешнее впечатление. Вон на фасаде башни, над центральным окном, маленькая вывеска. Здесь помещается местный панчайт. Не берусь судить, насколько он полезен, действен, какими возможностями располагает, но все же это новое, прогрессивное.

А двести лет назад здесь в этой башне жил Притхви, возгордившийся победой и лелеявший мечту стать махараджей большого княжества. Здесь он копил силы для дальнейших походов. И время ему помогало.

Захват крепости не только открывал дорогу к Большой долине, но и делал хозяина ее богатым. До XVIII века через Нувакот проходил наиболее удобный караванный путь из Индии в Тибет. Тропа шла сначала вдоль реки Трисули до Расуа, потом через Керонг в Тибет. Гималаи она пересекала на высоте всего около двух тысяч метров. Княжества Большой долины теперь не могли пользоваться этим путем, и их торговые связи с Тибетом слабели, а у Притхви, наоборот, расширялись. Кроме того, жители долины Трисули становились подвластными княжеству Горкха.

Надвигалась туча. Горы вокруг поблекли, и стало темно, как в сумерки. Нас совсем не прельщала перспектива попасть здесь в грозу, мы заторопились в обратный путь. Но дождь все же опередил нас. Хорошо, что он только бесшумно вспрыснул окрестности. Тем не

менее дорога стала скользкой. А газику теперь пришлось на поворотах сначала заглядывать в пропасть, потом шажками, туда-сюда, поворачиваться...

Когда опасный спуск был позади, мы устроили привал тут же, у подножия горы. Надо было дать отдых шоферу, да и мы вдруг проголодались. Вокруг все располагало к отдыху: роща, сухая площадка под деревьями. Здесь не было и следов дождя, а солнце светило по-дружески.

Дальше был уже знакомый путь по горной дороге. Двести лет назад этой дороги не было. Ее не было и десять лет назад. Где-то поблизости пролегает тропа, ведущая в Катманду по горам почти напрямик. Кули предпочитают ее и теперь, они считают, что по горам ближе, чем по дороге.

Ближние ворота Большой долины (Киртипур)

На юго-западе долины Катманду, недалеко от «входа» в нее, есть гора. Издали на фоне громад других гор она кажется маленькой. И в самом деле, она поднимается выше уровня долины всего на 100 метров. На ней теснятся кирпичные дома и тускло блестят полустертой позолотой шпили на храмах. Это Киртипур. В прошлом неприступная крепость. Но никаких крепостных стен здесь нет. Совершенно неприступной делали ее очень крутые естественные склоны горы. Эта гора — огромный пень, от которого только с одной стороны отходит узловатым корнем отрог, крутой и узкий, усеянный валунами. По отрогу идет грунтовая дорога, по которой не ездят, только ходят.

В Киртипуре и сейчас живут невары, предки которых двести лет назад умело защищали Киртипур. Даже хорошо вооруженное по тому времени войско Притхви Нарайян Шаха семь раз обращалось в бегство под градом камней (по другим сведениям, киртипурцы обращали в бегство войска Притхви два раза). И только на восьмой раз крепость была взята, и то не в открытом бою, а при помощи предателя, который под покровом ночи провел в нее вражеские войска через потайной ход.

Притхви был зол на киртипурцев за упорное сопротивление его войскам. Он повелел наказать их так, что-

бы устрашить других непокорных. Всем мужчинам Киртипура были отрезаны носы, кроме музыкантов, — Притхви любил музыку.

В настоящее время Киртипур не имеет оборонного значения, ведь он теперь находится не на границе княжества, а в центре страны. Однако не в самом центре. От столицы близко, всего в пяти километрах, но... все дороги идут мимо Киртипура. Мимо него идет и прогресс. В Киртипуре даже нет электричества.

Никакими промыслами Киртипур не знаменит, население занимается исключительно сельским хозяйством. Теперь это только небольшая деревня.

Пешком по крутой дороге, как по насыпи, мы поднялись в гору и оказались на площади.

Серая земля, посередине прямоугольный пруд, стены укреплены камнем. Вокруг дома, храмы, галерейки на тонких столбиках. Все это — и дома, и галерейки, и полуразвалившиеся храмы в виде узкой высокой копны на колоннах или в виде пагод — все было так знакомо, как будто мы уже бывали здесь.

В сторону уходила, изгибаясь, узенькая улочка. Стена к стене стояли кирпичные дома в три-четыре этажа, но каждый по-своему выдвинул углы на улицу и у каждого крыша на разной высоте. На подкосах висят то связки красного перца, то связки чеснока, плетеные корзинки, а то и глиняные горшки... Улочка очень знакомая. Я ее определенно уже видела в Катманду или в Патане, а может быть в Бхадгаоне. Это те же непальские дома, характерные для всей долины Катманду.

Видела и эти житейские картины. У порогов своих домов сидят женщины с детьми на руках; другие, сидя на корточках, стирают в зеленой воде водоема, третьи, изогнувшись всем телом, несут на бедре в медном кувшине воду. На высоком приступке сидят на корточках двое мужчин и курят. Они молча смотрят на знакомую до каждой соломинки, до каждой навозной лепешки землю и со вкусом затягиваются дымом через кулак. На углу степенно, с чувством собственного достоинства стоит в ослепительно белой одежде молодой мужчина. Здесь, среди серого запустения, его чистая одежда сверкает больше, чем жемчужное зерно. Это брахман. А вот и не совсем обычная картина: группа мальчишек суетливо и радостно волочит неровное и тяжелое бревно.

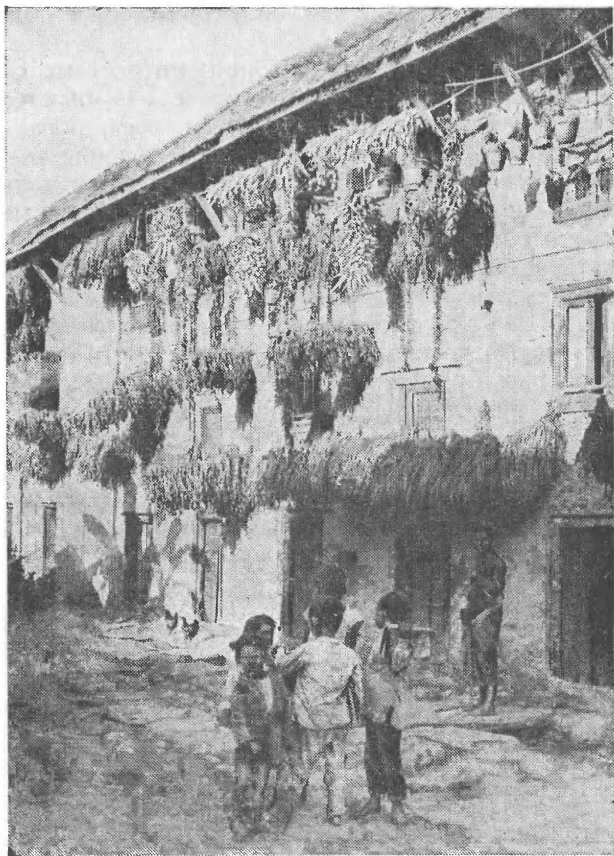


Рис. 10. В Киртипуре

Чувствуется, что они его тащат просто из желания действовать, и более того — действовать коллективно. Позднее, когда мальчишки подрастут, они, вероятно, потеряют охоту к работе, которую можно не делать.

Да, Киртипур показался нам знакомым. Но вон в конце площади, над обрывом, стоит маленький, невысокий старый храм с двуслойной крышей. Такого мы еще нигде в Непале не видели. Не в конструкции храма дело (храмы-пагоды вполне отвечают установившимся

«стандартам»), а в том, чем он украшен, что поднесли ему верующие.

Стены храма увешаны буйволиными рогами. Связки рогов спускаются и с подкосов, вместе с ними качаются на ветру выцветшие флажки, и снова рога, рога...

В Киртипуре есть еще храм, весь облепленный металлической посудой: кастрюльками, мисками и ложками разной величины. Такие подношения божествам — как забота о том, чтобы им было из чего есть, — мы уже встречали в других местах, а храм с рогами — только здесь. Но непальцев в Киртипур привлекает не этот «рогатый» храм. Здесь есть два священных храма, которые часто посещают паломники: это храм Бога тигров и храм Бóдабхайравы. Оба храма весьма обветшали. Нам, непосвященным, они не показались интересными. Мы об этих храмах ничего не знали и не обратили на них большого внимания, не заметили и особого их почитания. Правда, была обычная суббота, обыкновенный день отдыха в Непале, день неспражничный, когда и люди и святыни были каждый сам по себе.

НЕПАЛЬСКИЕ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ



Непальцы назовут вам длинный ряд достопримечательностей — это прежде всего храмы и храмы, храмы и священные места. Бассейны, источники, краны на источниках, камни, отверстия в земле — все это священные достопримечательности. Все они так или иначе связаны с религией. Второй род достопримечательностей тесно связан с правителями, с раджами. Дворцы, памятники, лес, парки, животные... Вот разве музеи стоят особняком. Для нас, правда, в Непале все так необычно, так своеобразно, что все кажется достопримечательным. Однако побываем сначала в Национальном музее и в трех самых древних священных местах долины Катманду: Свайямбхунатхе, Боднатхе и Пашупатинатхе.

Национальный музей

Дорога, извиваясь над рисовыми полями, ведет на запад долины, туда, где у темного края ее чаши видна священная гора Свайямбхунатх с грушевидной вершиной, сверкающей храмами, будто тремя кристаллами. Недалеко от горы, у дороги, находится Национальный музей.

У билетной кассы предупреждают: «Оставьте здесь сумки и фотоаппараты». Фотографировать можно, но это будет стоить три рупии. (А входной билет стоит всего 10 пайс!) Хороший признак, наверно, есть что посмотреть.

Мы вошли во двор, разлинованный дорожками на

клетки ядовито-зеленых газонов. Слева на газон спускается крыльцо невысокого белого дома с коричневыми «кружевами». Справа решетчатые ворота ведут в другой двор, в глубине которого стоит большое невзрачное здание с галереями. Но мы сначала пошли не направо и не налево, а прямо. Здесь демонстрируется большой джип, совсем новый и целый. Джип как джип. А знаменит он тем, что в 1962 году под этот джип была брошена бомба, когда в нем ехал махараджадхирадж Махендра. Покушение не удалось, бронированный джип не пострадал от самодельной бомбы, но служба его на этом закончилась.

Дом слева — хранилище произведений искусства. На втором этаже небольшое собрание картин писанных и тканых, а весь низ занимают статуэтки и барельефы богов, богинь и чудовищ. В одиночку, парами и группами. Из медных сплавов, из дерева, серебра, алюминия. Со столов и со стен — везде на вас смотрят бесстрастные фигурки. Двурукие и многорукие, вооруженные или занятые любовной лаской... Мы в царстве индуистской религии, здесь все герои из многомиллионного индуистского пантеона, все сюжеты из религиозных текстов. Бросается в глаза старательное подчеркивание у фигурок всех особенностей пола. Божества богато одеты. На всем искусные узоры. Эти медные, бронзовые, деревянные «кружева» не могут не нравиться, но со временем перестают поражать. Кажется, что повторяются и фигурки, и мотивы «кружев». Итак, искусство Непала, представленное здесь, не выходит за рамки религии. Легко понять, что она в Непале всеильна.

Переходим в здание напротив. Уже под навесом галереи нас встречают экспонаты. Небольшая бронзовая пушка — ствол на подставке — и горка каменных ядер. Дальше на полках длинными рядами поместились куски грубой деревянной резьбы, которая украшала когда-то снаружи дворцы и храмы: крупные фигуры многоруких богов и богинь, разъяренных страшилищ с длинными телами, похожих то на львов, то на козлов. В длинном темном коридоре размещена керамика: красноватые и серые необливаемые сосуды разной величины и формы, похожие на наши кринки, чайники, вазы... Много барельефов. Некоторые из них еще совсем недавно не только украшали, но и «охраняли» дома от злых духов. Напри-

мер, Гаруда*. Непальцы считают, что в присутствии каменной или деревянной Гаруды на дом не осмелится сесть ни орел, ни ворона и, значит, такому дому не угрожает несчастье.

В темноте соседних комнат все экспонаты лишены красок. Здесь предметы народного быта: грубо сделанные орудия труда — соха, ткацкий станок (одна рама) — и плетенные из бамбука корзинки, блюда, циновки...

На втором этаже — два огромных зала, высоких и светлых. В первом на стенах во весь рост писанные маслом портреты своих и чужих властелинов. На большом полотне — охота со слонами на тигра, развлечение, доступное только власть имущим. Вот они сидят в безопасности на спинах слонов в расписных домиках, а слоны пробираются в зарослях травы выше их роста. Один слон ухватил хоботом тигра и поднял его высоко в воздух, сейчас грохнет оземь...

Посередине зала — ряд витрин с подарками Махендре от иностранцев. Здесь есть и наши российские: фигурки из кости, хохломские глиняные фигурки и тонко расписанные палехские шкатулки.

Во втором зале посередине тоже стоят витрины. Здесь без всякой системы лежат пропылившиеся ордена воинской и гражданской славы, трофейные и подаренные, а также образцы непальских орденов. Каких только орденов здесь нет! От скромных, железных, до драгоценных, бриллиантовых: непальские, французские, русские, английские, немецкие, индийские и другие. Среди украшений есть головной убор махараджадхираджа с огромным султаном из нежных белых перьев.

В простенках между окнами — опять портреты непальских раджей, разодетых в яркие и тяжелые от обилия украшений одежды. Парча, бархат, мех... Я долго смотрела на портрет Притхви Нарайян Шаха. Основатель Непала! Завоеватель. Человек, который жил двести лет назад. Облик его, если верить художнику, довольно обыкновенный, только взгляд недобрый, жесткий.

На противоположной стороне, вдоль всего зала, в несколько рядов размещены на подставках и на полу чучела зверей и птиц, которые водятся в Непале. Это явно

* Гаруда — мифическое существо, получеловек-полуптица, царь птиц и средство передвижения для Вишну.

неполное собрание экспонатов все же дает представление о богатой фауне Непала. Здесь огромные головы носорогов, буйволов, яков; чучела мощных оленей с массивными ветвистыми рогами и изящных пятнистых оленей с рогами легкими и разные козлы, кабаны... Тигры, леопарды, рыси, волки, шакалы, медведи гималайские, медведи бурые, обезьяны длиннохвостые серые и обезьяны обычные рыжеватые; гигантский питон, как бревно, растянулся среди облезающих чучел. А сколько здесь разных грызунов! А птиц! Одних попугаев больше десятка. Совы, орлы, фазаны, куропатки, дикие курочки, утки и множество мелких птичек. Жаль только, что многие из них уже теряют перья...

В особой небольшой пристройке в начале этого зала находятся фигуры царственных особ, неудачное подобие восковых фигур английского музея. Ни домашняя обстановка, ни затененное освещение не придали живости манекенам с лицами Трибхувана, Махендры и махарани Ратны.

Еще один зал с подарками Махендре. Вышивки, резьба по дереву, национальная одежда, оружие и картины. На самом видном месте висит картина китайского художника: Чжоу Энь-лай рядом с Махендрой. Дружба не менее чем на 10 000 лет!

В зале третьего этажа — оружие: непальское и — главным образом — английское. Из непальского здесь сабли, пики, корги — нечто среднее между топором и палицей, какое-то колющее оружие клинообразной формы, какие-то диски с зубцами, назначение которых нам трудно понять, и кхукри — изогнутые широкие ножи. Стены нескольких залов увешаны английскими саблями и ружьями. Все одно и то же. И на полу в козлах стоят те же ружья. А вот тут что-то вроде пулемета с тонким длинным стволом. Вот и все, с чем воевали в англо-непальскую войну. Но оружия так много, кажется, что здесь собраны все трофеи.

Свайямбхунатх

После музея мы поехали в Свайямбхунатх. Он был уже недалеко.

Сначала мы попытались объехать кругом холм, на котором стоят храмы, но уже скоро у его подножия на

восточной стороне мы остановились. Длинная каменная лестница взбирается к храмам Свайямбхунатха на вершину холма по прямой. У начала ее с обеих сторон сидят одинаковые громадные каменные статуи Будды на скрещенных ногах. Правая, непропорционально большая рука статуи покоится на колене, левая согнута в локте, ладонь лодочкой кверху — под грудь. Не то Будда просит подаяния, не то с улыбкой приглашает сесть? Мне больше нравится второе, и я забралась на ладонь Будды, чтобы сфотографироваться. Надо сказать, что непальцы вполне терпимо относятся к такому панибратскому отношению к их божествам.

С другой стороны холма мы тоже наткнулись на каменную лестницу, ее позеленевшие от моха и плесени ступени винтообразно поднимаются вверх по холму среди деревьев.

Тишина. Полумрак. Полупрохлада. По неровным каменным ступеням, подпрыгивая, спускаются босые непальцы. Листва деревьев сотрясается от возни обезьян. Воздух насыщен ароматами далеко не благовонными. Решаем, что лучше часть подъема проделать на машине. Для этого есть третья дорога.

Машина остановилась на ровной площадке, приблизительно на половине высоты холма. Дальше холм поднимается круче, среди узловатых деревьев без нижних ветвей выются узкие ступени. Земля под деревьями словно вытоптана, ни травинки. Но что-то шевелится на ней? Серые комочки катятся вниз, посвистывают, постанывают...

Да это обезьяны. Как их много! Большие и маленькие. Недалеко от нас самец заботливо перебирает шерстку на спине самки. Другая обезьяна что-то кладет себе в рот совсем так, как это делают люди. Вдруг все обезьяны вскочили и мгновенно оказались на дереве... Что взбредет им на ум в следующее мгновение? Вспоминаем недавно услышанное: обезьяны иногда нападают на людей, могут укусить. Мы смотрим с опаской на этих зверюшек с желтыми бегающими глазами, но они на нас не обращают никакого внимания.

— Ах-ах-ах! — кричит худенькая маленькая женщина. Моментально к ней сбегаются обезьяны и цепкими лапками хватают с протянутой ладони зерна кукурузы. Дерутся, пытаются вспрыгнуть женщине на плечи. Убе-



Рис. 11. Ступа Свайямбхунатха

дившись, что все съедено, не спеша удаляются, только две юные, почти без шерсти, поджарые обезьянки долго еще забавляют зрителей своими проказами и обезьяньей акробатикой.

Последние, особенно трудные ступени, маленькие каменные воротца — и вот мы на ровной площадке. Здесь тесно. В кольце обыкновенных трех-четырёхэтажных домов, за которыми простирается ярко-голубое небо, все застроено странными для нас сооружениями невиданной формы и непонятого назначения. Необходимо время, чтобы воспринять то, что ты видишь. Смотреть

трудно: кругом пестрота, все сверкает. Сверкает и медь, и позолота, и белые части сооружений — все излучает колючий свет.

В центре площади — ступа. Белая полусфера покоится в окружении «часовенок», храмиков, чайтьев*, навесов.

На верху ступы — квадратная золоченая башня, на все стороны с нее смотрят вытянутыми по вертикали зрачками всевидящие глаза Будды. Башню венчает ступенчатая пирамида с зонтом и шпилем. Колышутся выгоревшая шелковая оборка и маленькие серебряные колокольчики... У основания ступы на каменной стене черная решетка с завитушками, в которой один возле другого вертикально установлены медные молитвенные цилиндры. На их почерневших боках — выпуклые изречения на санскрите. Кроме того, и внутри цилиндров находятся пачки листков с текстами молитв. Если покрутить цилиндр, то избавляешь себя от необходимости произносить эти молитвы вслух. Идут мимо цилиндров по направлению часовой стрелки непальцы и неторопливо правой рукой (правая рука не предназначена для очищения тела) приводят их во вращение, не пропуская ни одного. Значит много, много раз они возносят Будде восхваления и молитвы. Чем больше, тем лучше. «Ом мани падме хум!»**

Слева от ступы целое сборище тесно прижавшихся друг к другу серых чайтьев. Большинство из них похожи на пирамидки, собранные из колец и поставленные на куб, другие напоминают подсвечники. Впереди них, повернувшись углом и наклонившись к ступе, стоит совсем игрушечный индуистский храм-пагода с двухъярусной золоченой крышей. Все кругом бело-серое, а он коричнево-золотой. Все вокруг воспевает Будду, а он — какое-то из воплощений Шивы. Этот храм очень уважают, вот и сейчас возле него несколько человек ожидают своей очереди. Хотя немного требуется времени для воздания почестей божеству, которое там обитает, но в чреве храмика трудно поместиться и троице.

На восточной стороне в кольце домов, где живут слу-

* Ч а й т ь я — сооружение религиозного назначения небольших размеров с высоким квадратным постаментом и конусообразной надстройкой.

** «Ом мани падме хум!» — О божество на лотосе! (санскр.)

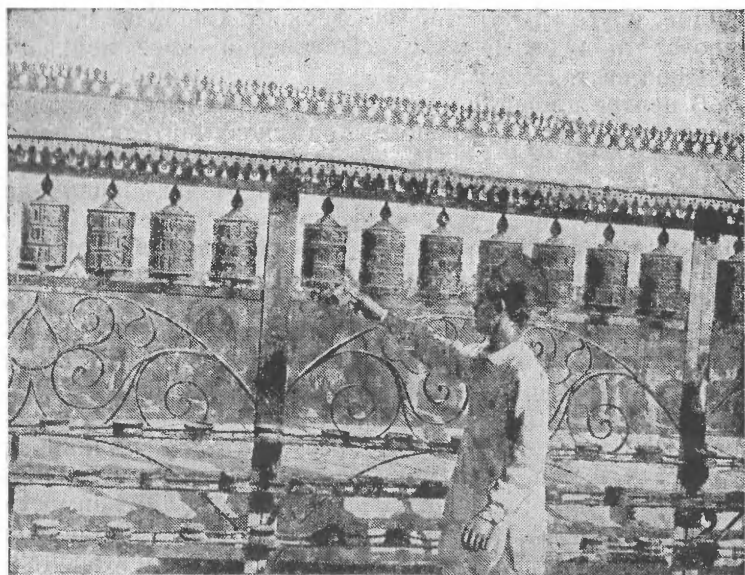


Рис. 12. Молитвенные цилиндры вокруг ступы в Свайямбхунатхе

жители храмов и в окнах сохнут подстилки, с подкосов свешиваются вязанки красного перца и чеснока, а внизу в лавках торгуют сувенирами, выделяется постройка. Простая, строгая, но видно, что это не жилой дом. Гладкая стена, просторный вход. Через распахнутые двери видна громадная желтая фигура сидящего на возвышении Будды. На нем кроме каменной одежды еще одежда из материи. Полуприкрытые длинные глаза Будды смотрят на приношения у его скрещенных ног. Тут стоят в медных кувшинах живые цветы, лежит горка риса и коптит масло, горящее в медных плошках. Видимо, огонь горит постоянно, так как стены и потолок покрыты толстым слоем сажи.

Перед Буддой в благоговении стоит группа тибетцев. Может быть, они слушают священные изречения. Справа на полу с десятков бритоголовых монахов в буром сидят на корточках перед низенькими столиками и, пригнув головы к коленям, все одновременно читают вслух с листов деревянной книги. Невдалеке в углу — огром-

ный потемневший медный цилиндр, один из самых больших молитвенных цилиндров в Непале, прикасаться к которому считается особым счастьем.

Мы стоим не разговаривая, чтобы не обидеть верующих. Мы только смотрим... Вскоре к нам подходит монах и приглашает последовать за ним. У него было настолько открытое, честное и доброе лицо, что сомневаться в его хороших намерениях не приходилось, и мы пошли за ним.

Внутренняя кирпичная лесенка вывела нас на крышу храма. Какой вид открывался отсюда на долину Катманду! Очень фотогеничен Непал под спящим горным солнцем. Все здесь красочно, ярко. Даже небо и то не такое, как у нас дома. Оно пронзительно голубое. Почва — рыже-красная, реки очень блестящие, зелень такая яркая, какую, казалось, могут изображать только дети на своих рисунках. Холмы в долине поднимаются одни над другими все выше и выше. Всюду рассыпаны домики: одинокие, группами, цепочками. Далеко разбросал свои дома Катманду, но вот белеет целая груда новых зданий, и упирается в небо башня Бхим Сена.

Монах, оказывается, здесь, на крыше этого храма, живет уже около трех лет и еще собирается прожить здесь семь лет, такой он дал обет. Живет на подаяния, укрытием служит ему легкий шалаш, не спасающий ни от зноя, ни от холода. Зимними ночами он и двое его товарищей обогриваются возле маленького костра. Одним из товарищей оказалась бритоголовая монашенка. Мы спросили, не жена ли она монаха?

— Нет, что вы! Монахи не женятся. Пожертвуйте на храм. — Монах протянул нам ученическую тетрадь, показывая, что нам надо указать там сумму пожертвования и расписаться.

Какое жалкое существование! Стоит ли то, ради чего был дан обет, таких лишений? Доживет ли монах до им самим назначенного срока? И кому от этого будет польза?

Мы спустились вниз. Жарко. Душно от специфического букета запахов. Лениво поникли гирлянды выцветших флажков над головой. Из-под навеса доносится негромкая однообразная музыка, не лишенная, однако, торжественности. Но кто ее слушает? Все здесь заняты

сами собой. Может быть и музыканты играют для себя? Вот босая женщина в помятой одежде, с огромным красным пятном на лбу деловито переходит от одной «часовенки» к другой и бросает к фигуркам божеств в нишах по несколько зернышек риса. Тотчас же за ней в «часовенку» спокойно забирается рыжая обезьяна, показывая свой красный зад, и подбирает рис. Захотела было полакомиться рисом и ворона, но обезьяна ощерилась на нее так, что вороне оставалось только принять пренебрежительный вид: «Подумаешь, пища!»

Вокруг ступы степенно идут непальцы-горцы. Тяжелая, темная одежда, коричневые плоские лица, тонкие косички давно нечесанных волос у женщин уложены кругами на голове, а у мужчин — торчат крючком сзади. Они кажутся равнодушными ко всему: к жаре, к слепящему солнцу, к запаху и к музыке... Но, может быть, это только нам так кажется. Может быть, эти люди здесь в сонной тиши в благоговении видят сияние нирваны? А нежнейший звон серебряных колокольчиков, доносящийся сверху, им кажется звоном, зовущим к ней?..

Сонная атмосфера Свайямбхунатха несколько раз в году нарушается. Сюда, например, устремляются тысячи паломников в день рождения Будды Гаутамы. В 1966 году он отмечался 4 мая*. Вся верхняя площадка горы со ступой в центре украшается тогда флажками. На стенах домов вывешиваются ветхие (а потому особенно ценные) парчовые полотнища с ткаными изображениями эпизодов из жизни Будды со дня его рождения и до того момента, когда он стал просветленным и достиг нирваны, сидя под деревом пипал. На одних картинках Будда — баловень судьбы, сын раджи, счастливый муж и отец, на других — нищий отшельник в лесу, сознательно изнуряющий себя голодом, затем Будда возвращается к человеческой жизни, и, наконец, он — просветитель и основатель новой религии. На северной стороне, за скопищем чайтьев, устанавливают в два ряда лицом друг к другу все знаменитые статуи будд со всего Непала. Зрелище инте-

* День рождения Будды отмечается по лунному календарю, и каждый год приходится на разные числа.



Рис. 13. На религиозной церемонии в день рождения Будды

ресное. Эти золоченые, с могучим туловищем, но без ног статуи стоят, чуть улыбаясь и полуприкрыв длинные глаза. На статуях украшения и кое-какая одежда из материи: белый балахон или что-то вроде фартучка из парчи, кроме того, бусы, ленты, цветочные гирлянды... На земле перед ними стоят живые цветы и курятся фитили.

Мимо, не спеша и молча, проходят непальцы, каждый бросает перед буддами по несколько зерен риса... и к вечеру перед каждым из них на земле образуются из риса высокие конусы.

Люди пришли сюда пешком из дальних мест только за тем, чтобы поклониться буддам. Много народу посещает Свайямбхунатх в этот день, но это не идет ни в какое сравнение с тем, что нам пришлось видеть во время праздника Саммек 15 января 1968 года.

Саммек празднуется раз в двенадцать лет. Из газет мы узнали, что это «самый священный религиозно-культурный праздник. Его празднуют с доисторических времен, его празднуют миллион лет в разных местах мира.

Непал как одна из священных стран потому, что в ней находится место рождения Будды (Лумбини), много раз пышно отмечал этот праздник. В 1948 году, когда он также отмечался в Катманду, его почтил своим присутствием махараджадхирадж Трибхуван.

Главной идеей праздника является братство и равенство всех без исключения людей независимо от их касты, цвета кожи и религии (!), которую они исповедуют. Об этом в одной из своих проповедей сказал Будда Гаутама.

Газеты пишут, что праздник существует «миллион лет». Видимо, это сильное преувеличение, так как считается, что Будда «родился» несколько позднее, около 2500 лет назад.

Равенство всех людей утверждается на празднике тем, что все собравшиеся на нем «салятся за один стол» и все вкушают одинаковую пищу (кстати, пищу вегетарианскую).

К середине дня вся обширная площадь возле подножия горы Свайямбху пестрела народом. Среди ярких одежд жителей долины много коричневых балахонов горцев и бурых тог бритоголовых монахов. Со стороны города на площадь ведет специально поставленная арка, увитая красным полотном и блестящими нитями; неподалеку — возвышение для музыкантов и места для иностранных гостей. Но выше всего специальный помост, напоминающий сцену, на которую с двух сторон ведут крутые лестницы. Это сооружение снаружи и изнутри завешано коврами и яркими вышивками и блестит на солнце сильнее, чем яркий цветок на клумбе. Этот домик-трибуна предназначен для самого почетного гостя на празднике — махараджадхираджа Махендры. На сцене под балдахином, где с потолка спускаются чешуйчатые, с кистями фонари, установлен золотой трон Махендры и два серебряных кресла. Хотя сам Махендра не будет присутствовать на празднике, но он прислал вместо себя «представителя», который и расположился на золотом троне. Этот «представитель» — меч Махендры в сверкающем золотом чехле на ложе из живых цветов. Цветы преподнесены высшими чинами духовенства при встрече «представителя».

Основная масса народа расположилась прямо на земле рядами вдоль протянутых веревочек на южной



Рис. 14. Со всего Непала собираются будды
на праздник Саммек

стороне поля, после того как туда же прошествовали все статуи будд, сколько их ни есть в Непале. Да, сегодня эти огромные позолоченные фигуры именно прошествовали вереницей на «своих» ногах в сопровождении толпы. Доброволец, несущий статую, надевает ее на себя (она полая), так что его ноги становятся ногами статуи. Все они «пришли» сюда с площади Ханумандхока, куда собрались накануне, а после полудня цепочкой один за другим вошли на поле через «триумфальную» арку. Время от времени играл оркестр, но никакой церемонии мы не заметили. Вскоре после того как будды были поставлены в ряд на земле, началась трапеза.

Сначала подали угощение к статуям будд, потом на шести больших медных подносах на земле поставили фрукты, сухой горох, крупу, бетель и другие яства перед «домиком» «представителя» Махендры, а затем стали оделять всех людей, кто сидел в ожидании трапезы на земле. Угощали вареным рисом с приправами,

Тарелками служили зеленые листья. Раньше, говорят, кормили всех желающих в течение двух недель. В этот раз предполагалось, что кормление будет продолжаться дня три-четыре.

Задолго до трапезы и до прибытия статуй будд на особой площадке, обнесенной канатом, должно быть, шла служба самых высоких буддийских священников, облаченных в самые пышные парчовые одежды. В центре на кирпичном основании было какое-то подобие очага, в котором тлели дрова. Вокруг этого «очага» на подстилках, поджав ноги, расположилось духовенство, человек шесть-восемь. Они негромко читали вслух деревянные страницы книг.

Здесь же, за канатом, в уголке сидел по пояс голый йог. Ноги скрещены, спина прямая, руки вытянуты, ладони на коленях, лодочкой вверх. На теле йога, где только можно было поместить, стояли плашки с горящим маслом: на голове, на плечах, на руках, на бедрах, на коленях. На земле, у ног йога, язычки пламени образовали квадратный коврик. Что хотел показать этот йог здесь на празднике? Непонятно.

День стоял солнечный, тихий и теплый, он доказывал удивительную точность предсказаний местного календаря о погоде. С середины января должен быть поворот к теплу, и он произошел, а еще накануне небо было серым и мокрым, и холод пробирал до костей.

Мы находились среди других иностранцев на плоской крыше дома. Отсюда все прекрасно видно. Зеленое поле, на нем длинные ровные ряды людей, сидящих на земле, скрестив ноги. Справа выстроились в ряды и смотрят на трапезу большие золоченые будды, далеко впереди из красного «домика» трапезу разделяет «представитель» махараджадхираджа.

Таким образом — на земле мир!

Боднатх

Кому доводилось проезжать по Ройял уэй, одной из главных магистралей Катманду, тот видел недалеко от резиденции махараджадхираджа храмы-пагоды. Их характерные крыши в несколько ярусов в любую погоду вырисовываются на фоне неба с запада. Здесь находится храм Нарайяна с золотым краном. Считают, что

храм построен очень давно, ещё при радже Бишвадеве. Из крана всегда текла вода на пользу людям. И люди были счастливы, потому что где вода, там жизнь.

Но настало время, когда вдруг перестала течь вода из крана. И кран стал сухим. Это было очень давно.

Люди страдали от жажды, и многие стали жаловаться на это радже Бишвадеве.

Раджа обещал помочь народу. Он стал усердно молиться в храме Нарайяна и однажды услышал голос, который совествовал ему обратиться к астрологу. Бишвадев пошел к знаменитому астрологу, и тот сказал, что вода снова пойдет из крана только после того, как будет принесен в жертву богам хороший человек.

Хорошим человеком считается такой человек, у которого есть тридцать два хороших качества. Бишвадев задумался, где найти такого человека. Пока найдешь хорошего человека, много времени пройдет, а люди будут страдать. Подумал так Бишвадев и не стал искать хорошего человека. Он решил принести в жертву богам самого себя. Позвал он к себе сына Мандева и сказал ему: «Сын мой, сделай хорошее дело. Сегодня ночью у золотого крана будет лежать злой дух. Ты возьми кхури и отруби ему голову. И тогда из крана снова пойдет вода».

Сын обещал отцу, что выполнит его поручение. И когда наступила ночь, он пошел к золотому крану и увидел под ним закутанного с головой в одеяло человека. Не раздумывая, он отрубил ему голову... Но голова тут же прилипла к его ладоням. Мандев встряхнет руками, а голова снова у него в руках. Никак не может он освободиться от головы. И увидел тут Мандев, что это голова его любимого отца. И его обуял страх.

Сбежались люди. Они увидели, что из крана снова течет вода, и обрадовались этому, но они увидели и голову своего раджи в руках его сына... Тогда люди очень разгневались. Сын совершил страшный грех. Такой страшный, что даже каменные змеи, которыми была украшена стена вокруг крана, отвернулись от него. С презрением отвернулись от него и люди.

И пошел тогда Мандев к богине Ваджрайогини, чтобы узнать, как замолить ему свой невольный страшный грех.

И сказала Ваджрайогини, что он должен построить храм Будде в том месте, куда сядет курица. При этом богиня бросила наотмашь курицу. Курица летела, летела и села километрах в шести восточнее Катманду на невысоком холме.

И стал тогда Мандев строить на этом месте ступу. Строили ее двенадцать долгих тяжких лет. Все эти годы долину ни разу не полил дождь. Земля была, как в пустыне, белая, вся в трещинах, и на ней ничего не росло. Люди страдали от жажды и голода. Многие тогда погибли.

Не было воды даже для раствора, необходимого для скрепления камня на строительстве храма. Дело продвигалось очень медленно, но все-таки продвигалось, потому что Мандев не давал покоя строителям. Воду заменяли росой. Расстилали на ночь простыни и разные тряпки по земле, на них и оседала роса, а утром ее выжимали.

Мало того, что строить храм было невероятно трудно из-за жары и засухи, строительству еще мешал какой-то местный бог в образе кабана. Однажды он пришел ночью и разрушил все, что было сделано. Пришлось начинать сначала.

Но в конце концов храм был построен. Самый большой в стране буддийский храм. Сначала его называли Кхасты, что значит — капля росы. Второе название храма — Боднатх, что можно перевести как «властелин Будда».

Очень удачно выбрала место для храма курица: совсем рядом проходит великая древняя тропа, соединяющая Тибет и Индию через Непал. Вокруг все соседние холмы съезжились и не загораживают Боднатх. Он виден издалека.

Многие святые места в Непале заставляют паломников совершать трудный путь, прежде чем предстанут пред ними. От этого посещение их считается особенно ценным и почетным. Это — подвиг. А Боднатх берет совсем другим. Он находится где-то посередине трудного пешего пути, у самой дороги. Заходи, отдохни. Помолись и подумай. Зимой — а великая тропа живет главным образом зимой — здесь не холодно, как в горах, и не жарко, как в тераях.

Еще в воротах паломники, торговцы с гор и монахи

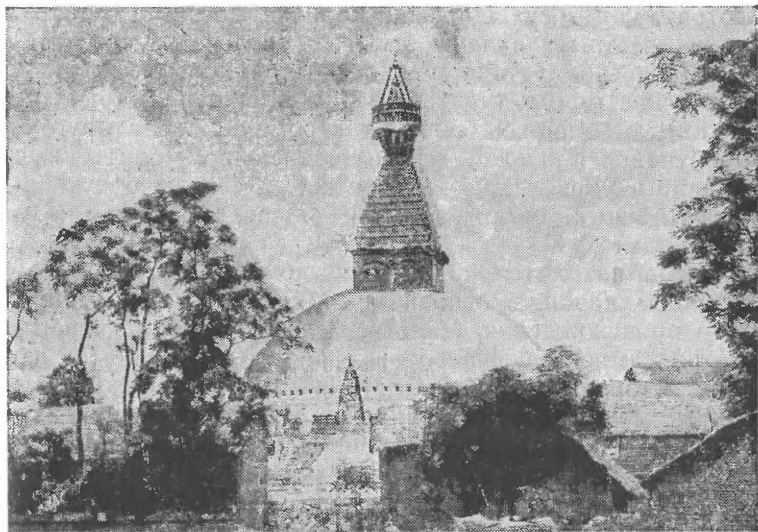


Рис. 15. Ступа в Боднатхе

падают ниц перед святыней. Через ворота — небольшую арку у дороги — и неширокий проход, поднимающийся в гору, видна центральная часть ступы.

Огромная белая полусфера с золоченой башней наверху. С башни строго смотрят всевидящие глаза. Эти глаза с вертикально вытянутыми зрачками смотрят из-под сложной высокой шапки, которую образуют пирамида из 13 ступеней — ступеней на пути спасения — и сложный зонт, верхушкой которого является перевернутый колокол на растяжках. Высота ступы около 40 метров,¹ диаметр многоугольного основания — примерно 70 метров.

Размеры ступы подавляют. Ступе придают величие, а человека заставляют чувствовать себя маленьким и ничтожным. Под солнцем нестерпимо сверкает и белая полусфера, и позолота башни. Царственность и великолепие!

Медленно, медленно люди в бурых балахонах и расшитых цветными нитками мягких сапогах подходят к ступе. словно в нерешительности трогают огрубевшими руками молитвенные цилиндры. На все окружающее

смотрят, как дети. Плоские коричневые лица простодушны, честны и наивны... во всем, что не касается денег. Цену своему товару они знают. Тибетцы, вернее, непальские горцы тибетского происхождения (видимо, бхотии), освоившись, обойдут огромную ступу кругом, прокручивая при этом все позеленевшие молитвенные цилиндры, укрепленные вокруг нее. Молитвы будут повторены многие сотни раз. Чем больше, тем лучше. «Ом мани падме хум!»

Ступа находится в кольце домов. Низ домов — сплошные лавки, в основном набитые товарами тибетского происхождения (сапоги, меховые треухи, шерстяные пояса, чесуча, фарфоровые пиалы и изделия из серебра и бронзы). Здесь фигурки богов, маски, разные сосуды, молитвенные цилиндры на палочках вроде погремушки (идет человек по своим делам и на ходу крутит цилиндрик, и летят ко всевышнему молитвы, выполняется заповедь: «Всегда думай о боге»), календари, имеющие вид медалей, которыми непонятно как пользоваться, коробочки для талисманов и украшения, украшения... В дальнем углу этого двора вход в просторный, но низкий и темный зал в сине-черных клубах дыма. На полу распростерлись бурые фигуры. В глубине зала на возвышении статуя Будды. Это буддийский храм.

Рядом выделяется своей светлой новой окраской и побелкой трехэтажный дом. Этот дом принадлежит представителю далай-ламы в Непале. По тропе, идущей из Тибета, к нему зимой и летом стекаются непальцы-горцы. Пришедший низко и почтительно поклонится со сложенными ладонями, остановившись у порога и сняв предварительно обувь. Он будет молча стоять, пока его не спросят, зачем он тут. Каждый пришелец приносит какие-то новости и какую-то дань.

Комнаты, в которых представитель далай-ламы принимает посетителей, все в дорогих тибетских коврах. Ковры на стенах, на диване, на скамьях, поставленных вдоль стен, и в несколько слоев на полу. В углу кровать под шелковым пологом, словно сложенная из мягких одеял и подушек от самого пола. Возле диванов и скамеек стоят низкие столики с перевернутыми пиалами. Завешанные шелковыми занавесками маленькие окна пропускают немного воздуха. В комнате полумрак,

прохлада, тишина и устоявшийся запах ладана, меховых шкур и пыли.

Хозяин дома, полный тибетец с лоснящимся благодушно-хитроватым лицом, не являет собой пример человека, ревностно стремящегося к нирване ни по виду, ни по поведению. Его монголоидное без растительности лицо непроницаемо и спокойно, но не бесстрастно. Это отнюдь не икона и не аскет. Он постоянно интересуется жизнью непальской столицы, двора Махендры, всем, что происходит в других районах Непала и вокруг него: в Тибете, Китае, Сиккиме, Индии. Желания в нем не угасли, от самых маленьких житейских до весьма серьезных. Например, говорят, что он стремится к освобождению непальской буддийской общины от опеки тибетского далай-ламы, которым в настоящее время является совсем неопытный человек, почти ребенок. Если непальские буддисты получат право на самостоятельное управление, то далай-ламой, конечно, будет он, нынешний представитель из Лхасы. А сейчас он простодушно щупает материю вашего платья и спрашивает, где она куплена и почем. Предлагает купить у него кольцо с бирюзой... а то не надо ли вам ковер? Представитель самого высокого духовного наставника, как видим, не боится прикоснуться к презренному металлу. «Страдания», из которых, по буддийской философии, состоит вся жизнь, ему явно еще не надоели. На его лице написано довольство, он часто улыбается, хитро спрятав глазки, со вкусом пьет ароматный чай, часто меняет свои бурые — из натурального шелка и парчи — одежды с богатым узором. У него есть жена, дочь и внучка. На женщинах тоже нет никакого отпечатка отрешенности от земного мира. Дочь и внучка одеты не по-тибетски и не по-непальски. Дочь получила светское образование, говорит по-английски. В Непале она гостит у отца, а потом поедет путешествовать по Европе.

Представитель далай-ламы тоже говорит на английском, бывает на приемах, устраиваемых непальским правительством, и у иностранцев, и сам принимает гостей. Я уж не буду говорить о его участии в религиозных церемониях, сборах и прочих мероприятиях.

— Много ли буддистов в Непале? — спросили его.

— О, много. Больше пяти миллионов.

Это было сказано с гордостью, за которой чувство-

валась и сила власти. Но как отнестись к этому числу? Индуисты считают, что буддизм в Непале слабеет и в настоящее время его приверженцы составляют не больше 10% населения, т. е. около одного миллиона.

Но считал ли их кто-нибудь? Да и так ли уж различны эти две мирно сосуществующие религии? Основу обеих религий составляет учение о карме (воздаяние за все хорошие и плохие поступки человека в настоящей жизни и в предыдущих рожденьях. Душа, по представлениям обеих религий, не умирает, а только меняет оболочку, в которую заключена, — тело человека или любого другого живого существа), о переселении душ и о путях спасения.

Главное различие этих религий заключается в том, что буддизм более демократичен, он никому не отказывает в возможности спасения души — ни радже, ни рабу, ни шудре, тогда как брахманизм, являющийся основой индуизма, низшим сословиям общества — шудре и рабам — не обещает спасения души в потустороннем мире, а при жизни не позволяет им даже приближаться к храмам и другим святыням.

Непальский же буддизм, в общем не разрушая, а поддерживая сословное (кастовое) деление общества, разрешает исповедовать буддизм всем. Мало того, причастность к буддизму всячески поощряется, а выполнение его предписаний облегчается. В непальском пантеоне буддийских богов кроме Будды есть еще много богов и божеств, перенесенных из индуизма и из местных ранних верований, они получили титул бодхисаттв, то есть божеств, которые за свои заслуги уже удостоились нирваны и могли бы в ней пребывать, но из человеколюбия остались с людьми на земле для облегчения им пути к спасению, пути в нирвану. Бодхисаттвы, став ярыми поборниками индуизма, борются с еретиками и потому часто имеют устрашающий вид. Непальский буддизм примыкает к ламаизму — одной из ветвей буддизма, и у него, например, по сравнению с бирманским буддизмом своя теория и практика по вопросу о путях к спасению. Здесь путь к спасению ведет не через аскетизм, а через действия прямо противоположные. Вот почему эти действия можно наблюдать не только на индуистских храмах, но и на буддийских ступах и чайтьях. Вот почему глава буддистов в Непале

не аскет и буддисты здесь не только не убивают никакую живую тварь, даже комара (как это наблюдается, например, в Бирме), чтобы не погубить души человека, которая, может быть, вселилась в него, но даже приносят кровавые жертвы богам, например Дурге, Бхайраве и др. Это делают буддисты... а между тем Будда не требует кровавых жертв.

Сейчас мы пойдем осматривать эту великую буддийскую святыню, самую большую в Непале, — ступу Боднатх.

Священное место Боднатх существует, говорят, не меньше двух тысяч лет, за это время сама ступа не перестраивалась.

На ступу с четырех сторон ведут ступени. Забравшись по ним на полусферу, видишь, что она покоится на высоком основании, каждая ступень которого — платформа с двенадцатью углами, имеющая в плане фигуру квадрата с наложенным на него крестом. У основания ступа обнесена глухим каменным забором, в котором сделаны глубокие стрельчатые ниши, в них цветные изображения будд в позе лотоса * с разным положением рук и других богов индуистского пантеона, молитвенные цилиндры. Лестница, ведущая на ступу с западной стороны, украшена скульптурами каких-то знатных всадников. У основания лестницы с обеих сторон — пристройки, почти пустые и весьма запущенные. Здесь к вам обязательно подойдут бритоголовые монахи в бурых тогах и протянут свои черные чашки. Подайте милостыню. Здесь установлен почти метровой высоты молитвенный цилиндр. Можете его покрутить. Таких цилиндров не так уж много в Непале, пользуйтесь моментом, принесите богам миллионы раз заклинания или молитвы.

Мы полюбовались со ступы видом на долину Катманду, на горы, на окружающий ступу двор и снова обратились к ступе. Какие строгие глаза на башне, а вместо носа — вопросительный знак. Башня стоит на огромной полусфере, гладкой, как яйцо. Однако на полусфере есть украшения — целый пояс небольших стрельчатых ниш. В каждой нише — фигурка... или две.

* Поза лотоса — одно из основных положений тела в упражнениях йогов; поза сидячая, ноги скрещены.

Одна — это Будда, или бодхисаттва. Две фигурки демонстрируют тантристский путь спасения. Будда в объятиях своей шакти (женское божество). У буддистов шакти называют Тарой или Бхагавани, а у индуистов по-другому, но суть остается одинаковой.

В связи с этим мне хочется сказать немного о непальцах. Несмотря на то что для них с детства нет никаких тайн, а может быть, именно поэтому мы не наблюдали в Непале нездорового любопытства у подростков. И хотя мы знаем, что непальцы народ не стеснительный: на улице и моются, и натираются, ищут насекомых, отправляют естественные надобности там, где придется, при знакомых и незнакомых, даже при иностранцах, — они не производят впечатления распущенных людей в области секса. Их желания находятся в соответствии со средствами. Чтобы иметь «свою шакти», требуются деньги. Непальцы терпеливы и благопристойны. Ранние браки этому, конечно, способствуют, но дело, думается, не только в этом. У меня сложилось впечатление, что непальцы, заранее зная свой жизненный путь, свое предназначение, покорно следуют ему.

Пашупатинатх

Об этом старейшем священном месте индуистов я слышала с первых дней пребывания в Непале. Говорят, ему больше двух тысяч лет. Это место почитания Шивы — одного из трех самых главных богов индуистского пантеона. Наверно, каждый индуист считает необходимым хоть раз в жизни, как мусульманин Мекку, посетить Пашупатинатх, поэтому здесь бывает много паломников не только из разных уголков Непала, но и из Индии и других стран. Особенно много паломников собирается здесь зимой на праздник Шиваратри. Они приходят пешком или приезжают издалека, чтобы поклониться Шиве, помолиться ему, совершить омовение в священной реке Багмати. В Пашупатинатхе люди надеются исцелиться от физических или душевных недугов, просят помощи для преуспевания в делах или для преодоления несчастья. Здесь просят Шиву в образе линги о ниспослании потомства, и здесь же хотел бы умереть каждый истинный индуист.

У Шивы бесчисленное множество обликов и имен.

Легенды рассказывают, что он может превратиться в любое живое существо: в комара, собаку, змею... Пашупатй — одно из имен Шивы. Пашупатинатх в переводе значит «властелин животных» (натх — властелин, хозяин, пашу — животное).

Многообразны обязанности Шивы. Главное — он покровитель всего живого. У непальцев есть еще особая причина почитать Шиву, он — покровитель Непала. В Непале находится и дом Шивы. Самые высокие, покрытые вечными снегами вершины Гималаев — его пристанище, а они здесь, в Непале. Слово «Гималаи» на санскрите значит «снежный дом» (гима — снег, алая — дом).

Шива очень любит жизнь, любит шутки, удовольствия, обожает наркотики... Но Шива вспыльчив. У непальцев даже есть выражение: «Он сделал лицо, как у Шивы», которое относится к рассердившемуся, несдержанному человеку и которое осуждается. В гневе Шива все разрушает и разоряет, поэтому он известен также как бог-разрушитель. Страшась его гнева, верующие никогда не забывают улаживать его.

Я много раз бывала в Пашупатинатхе, и каждый раз он поражал меня удивительным своеобразием. Осмотреть его за один раз невозможно, тем более невозможно, не будучи индустом, сразу понять, что и для чего в нем. Здесь по обоим берегам горной реки Багмати собрались и знаменитые храмы-пагоды, и много храмов и храмиков другой архитектуры, ряды «часовенок», скопления островерхих чайтьев, фантастических статуй полулюдей-полуживотных или полулюдей-полуптиц, барельефов многоруких божеств и богинь, каменных змей, горбатых быков, колоннады галерей, цепочки круглых гранитных тумб возле воды. А сколько каменных изваяний линги! Этот излюбленный символ Шивы, мужское начало, олицетворение силы и плодородия, находится и в центре самых важных храмов на высоком постаменте и в центре каждой «часовенки». Линги рядами стоят под открытым небом возле стен некоторых храмов, и прямо у вас на дороге торчат из земли...

В священном месте все священно, все почитаемо, но самый почитаемый — главный храм Пашупатинатх, чьим именем называют и само священное место. С постройки храма Пашупатинатх это священное место и зародилось.

Какими были первые храмы, неизвестно, как неизвестна и их судьба. Известно только, что храм-предшественник, стоявший на месте существующего храма Пашупатинатх, был разрушен термитами.

Постройку современного храма Пашупатинатх относят к 1692 году (время правления раджи Джита Митра Маллы). Есть основания считать, что стиль постройки такой же, как у старого храма, потому что другие пере-страиваемые храмы в основном копируют своих предшественников, да и вообще стиль храмов-пагод, созданный, как считают непальцы, непальским архитектором (и скульптором) Арнико в XIII веке, так выразителен и самобытен, что все храмы этого стиля, построенные в разных столетиях, кажутся братьями. У них может быть низкий или высокий ступенчатый фундамент, может быть или не быть на нем квадрат деревянной колоннады, крыша может иметь от двух до пяти ярусов, но это всегда будет кирпичный куб под ярусами четырехгранных скатных крыш с загнутыми углами, подпертых резными подкосами.

Непальцы очень гордятся храмами-пагодами. Ведь считается, что они из Непала переселились в другие страны Востока, в Китай и Японию. Во всяком случае, известно, что архитектор Арнико был по просьбе китайского императора отпущен раджей Непала за большие деньги в Китай, где жил до самой смерти и построил несколько знаменитых храмов.

По преданию, место для строительства храма Пашупатинатх было указано коровой. У одного человека была корова. Она стала часто где-то пропадать и возвращалась домой без молока. Хозяин коровы решил проследить, куда она ходит, и однажды пошел за ней. Корова привела его на берег Багмати, остановилась... и вдруг хозяин увидел, что молоко у нее само вытекает из сосков и уходит в землю. На другой день все повторилось, на том же самом месте, причем молоко уходило в землю так, как будто его что-то притягивало. Тогда хозяин коровы стал копать в том месте, куда уходило молоко, и вскоре выкопал каменное изваяние линги, этого источника жизни.

У индуистов линга является символом жизни и почитается как символ самого Шивы. В праздник лингу обливают молоком. Поклонение линге обеспе-

чивает потомство, поэтому лингу особенно почитают супружеские пары, у которых нет детей.

Итак, корова (напомним, что коровы в Непале священные) нашла изваяние линги. Это божественное провидение. Быть на сем месте храму Шивы! И храм построили. И стал он богатеть...

Раджи многих княжеств, которые существовали на территории теперешнего Непала до его объединения, соревновались между собой в щедрости приношений храму. Один дарил Шиве массивный золотой пояс, другой — ожерелье, чашу, оружие или листовое золото для позолоты крыши на храме. Во время религиозной церемонии туладан раджа дарил Шиве золото и ценности, весом равные весу его тела. Что же удивительного в том, что храм накопил много золота, серебра, драгоценных камней... Теперь, говорят, количество ценностей в храме значительно поубавилось, потому что ими воспользовались для компенсации «ущерба», причиненного работодателям в 1924—1926 годах, когда в Непале было отменено рабство.

И вот я еду в Пашупатинатх. Это недалеко от Катманду, в трех-четыре километра на восток, на берегу реки Б'агмати, там, где она прорыла глубокое ущелье в горе.

Посещение первое. Утро. Время близится к 10 часам. Все облитое слепящим солнцем. Но еще не жарко. Тихо. Покой так пронизал все, что громкий крик голопузого мальчишки: «Энглези!» — при виде иностранцев или сигнал машины не нарушают его. Недвижны, как нарисованные, огромные деревья; согнулись серые под слоем пыли придорожные кусты и трава в рост человека.

Навстречу попадают бегущие трусцой непальцы. Они несут на бамбуковых палках, как на коромысле, гроздь глиняных горшков в сетках или овощи в корзинах, а у этого в корзинах — с одной стороны сидит чумазый серьезный младенец, с другой — лежат сырые лепешки удобрения.

Поворот. Еще поворот. Вот и роща «танцующих» деревьев. Идут женщины и мужчины, главным образом женщины, идут не торопясь, с чувством исполненного долга и собственного достоинства. Эта дорога ведет к священному месту. Много обезьян. Одни шумно ска-

чут по деревьям, другие сидят вдоль дороги. Людей не боятся.

Машина едет среди домов, старых, типично непальских. Красный кирпич, почерневшая деревянная резьба оконных решеток, балок, подкосов.

Еще поворот. Короткая улочка кишит народом. Дорога упирается в стену. Нет, это ворота. Главный вход в храм Пашупатинатх. Железные решетчатые ворота находятся между двух римских колонн, а над ними сложное нагромождение: галерея на тонких колоннах, золоченая крыша с загнутыми углами, на которой три колокола, перевернутых вниз, со шпильями из приплюснутых шаров. Стена по сторонам ворот и над воротами украшена лепкой: луна, солнце, чудовища, божества, переплстение змей. Без змей никак нельзя: змея в Непале — тоже предмет поклонения. Выше всех изображен сам Шива на лоне природы: снежные горы, луг, корова, речка...

Ворота охраняют два каменных льва и живой полицейский. Огромные львы с лапами-бревнами в ярости оскалили ряды треугольных зубов и выкатили глаза. У полицейского же вид вполне домашний до тех пор, пока он не завидел иностранцев, в данном случае нас. Он решительно преградил нам дорогу и показал надпись на двух языках — непали и английском, которая гласит, что храм этот только для индуистов. Всем «нечистым» вход запрещен во избежание осквернения храма. Несколько лет тому назад было сделано исключение для какого-то высокого иностранного гостя, ему показали храм, а на другой день весь храм мыли молоком. Сами понимаете — «удовольствие» не дешевое!

Через ворота на храм смотреть можно. Во дворе храма стоит бородатый козел с завитыми по спирали рогами, он жует и смотрит на вас наглыми глазами. Две черные запаршивевшие собаки лежат в тени, как дохлые. Обезьяны сидят недалеко от входа и подбирают что-то с земли. Одна обезьяна спустилась со стены и не спеша забралась внутрь «часовенки». В углу двора отчаянно скандалят крупные желторотые птицы. Животные не относятся к «нечистым». Только иностранец не может переступить порога ворот. Храм совсем недалеко, но... его загораживает огромный зад позолоченного быка. Это Нанди — любимое животное Шивы, на

котором он путешествует. Верно, бык платит Шиве взаимностью, преклонился перед окованными серебром дверями храма и, таким образом, встречает всех других поклонников Шивы задом, где мастер подчеркнул все его бычьи прелести и для лучшего обозрения их отвел в сторону хвост.

Налюбовавшись задом быка и воротами, мы пошли на берег реки в обход храма.

Булыжная мостовая спускается вниз. Слева у кирпичной стены сохнут поленницы коротких искривленных дровишек — не то корневища, не то пеньки каких-то деревьев. «Для погребальных костров» — догадываемся мы. Не сразу заметили на них обезьян. «Ой! Ой!» — послышалось рядом. Я увидела обезьянку с украденным белым узелком: она ловко взбиралась на стену, а сухонькая, босая непалка бросала ей вслед щепки.

Справа обширная галерея с черными деревянными столбами огибает группу монолитных конусообразных ступ, поставленных на общую высокую платформу. На галерее — веревки, подстилки, узелки, пепелища от костров... На нас смотрит много глаз, и вот мы уже в окружении целой толпы людей. Голые и полуголые, грязные донельзя ребятишки, женщины, такие растрепанные, что кажется, будто это сделано нарочно, старики, завернутые в серые тряпки. Все они, тесня друг друга, тянут к нам руки и кричат: «Пайса, пайса! Бакшиш, бакшиш!»

Еще немного — и мы на берегу Багмати. Река появляется из-за крутого поворота в глубоком ущелье, и кажется, что она выбивается из-под слоеной стены, ниспадающей в воду под крутым углом. В щелях и на выступах стены, изогнувшись, зацепились деревья. Скалы в кружевной тени листьев, зеленый бархат валунов у воды... Это единственное место, где скопилась тень и яркие краски. Все остальное, по крайней мере вблизи, серокаменное, облитое белым солнцем. Берегов реки здесь не видно, вода бежит по каменной «улице». И под ногами у нас каменные плиты.

От ближайшего моста в гору поднимается широкая гранитная лестница. Над ней склонились узловатые ветки старых деревьев. По обеим сторонам лестницы — скопление серых построек, похожих на часовенки: одна над другой громоздятся их верхушки — каменные коло-

кола. Слева на высоком уступе «часовенки» выстроились в длинный ряд вдоль реки, как на параде. Через арочные проемы видны гладкие столбики.

На берегу, где мы стоим, и вправо и влево тянутся галереи. Слева — галерея белая, приют паломников; за ней, поблескивая позолотой, поднимаются в гору к главному храму колокола и шпили. Справа — галерея мрачная, закопченная, перед ней в гранитные ступени врезаны круглые тумбы. Целый ряд. На четырех из них сейчас поднимается синий дымок над какими-то темными кучами...

В галереях находят себе приют садху* и простые паломники, облезлые собаки и священные коровы. И здесь выются дымки маленьких костров, болтаются на веревках засаленные, дырявые подстилки, пахнет навозом и чем-то паленым. Кругом запустение... и вдруг слышится медное: там-мм! Кто-то вопрошает о своем счастье. (Это здесь-то!)

Зашли на мост. Ничего подобного я не видела раньше. Какое царство серого камня! Тяжелое, страшное, равнодушное... Как оно внушительно! Каким мрачным духом все пропитано здесь! Эти всюду торчащие колокола выразительно говорят: нам нет никакого дела до суеты людей. Мы вечны... да, здесь только мы вечны!

И этому нельзя не верить. Вон как покорны люди... и этот прозрачный сладковатый дым...

Жарко. Тяжело подниматься. Специальная смотровая площадка устроена высоко на горе, напротив главного храма Пашупатинатх, выше его золоченой двухъярусной крыши. Храм не очень высок. На севере гора, а на юге и на западе постройки загораживают его. Но отсюда, с высокого берега Багмати, он виден весь.

Это типичный храм в стиле непальских пагод. Кирпичный куб и два сплюснутых «уличных старинных фонаря» на нем; верхний «фонарь» меньше нижнего, углы загнуты, на самом верху — перевернутые колокола со шпилями. Нестерпимо блестит на солнце позолота.

Со всех сторон открыты серебряные двери храма, в одни входят, в другие выходят люди. Все босиком. Индуисты, перед тем как войти в храм, снимают с себя все, что сделано из кожи.

* С а д х у — аскет, отшельник, «святой».

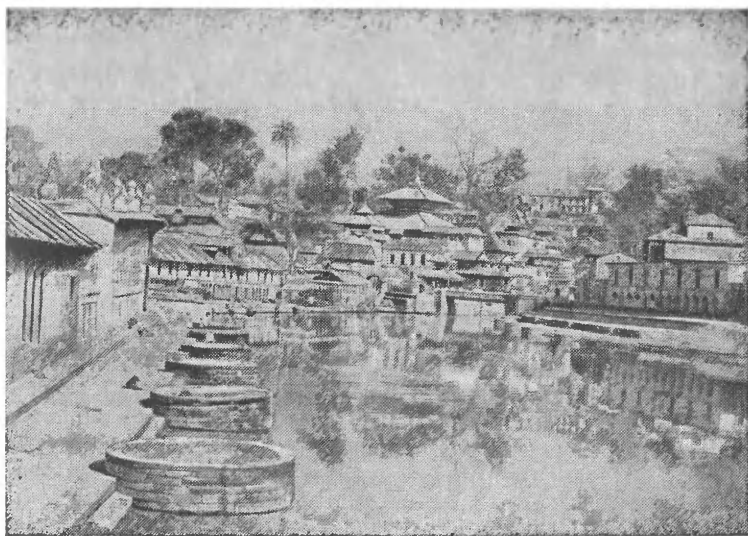


Рис. 16. Пашупатинатх

Возле храма, под навесом, музыканты. До нас доносится мелодичная музыка. Чадят вокруг храма специфические благовония. Это не духи, о них не скажешь, что ими дышал бы не надышался. Нет, эти благовония пахнут тленом. К этому запаху примешивается чад масла из медных плошек, опоясывающих маленькие храмики, которые, как выводок цыплят, стоят возле главного храма.

Храмики и храмы поднимаются на гору, спускаются с горы, перешагнули через Багмати и здесь рассыпались по обеим сторонам длинной каменной лестницы. Сколько их! Храмы скрывают за узорчатыми решетками блаженные улыбки богов. Боги наслаждаются. Они созерцают лучший мир. Земные блага только жалкое подобие того мира... Но и они, смотри, как хороши! Сверкает солнце, сверкает священная Багмати, сверкает золото храмов. Неправдоподобно пышно цветут круглый год деревья, кусты, цветы. Птицы всякий день славят блаженный покой...

Но божества знают: более таинственное, чарующее... там. Там! Там! Там-мм-м! Слышите? Священные коло-

кола дают тот же ответ. Можете и сами дернуть их за язык. Там-мм!

Непальцы зажигают перед божествами огонь, мажут их красной и желтой краской (от этого некоторые особо почитаемые божества совершенно потеряли форму), бросают перед ними рис и лепестки цветов. Красные, желтые, розовые, белые лепестки рассыпаны всюду, и всюду слышен их острый, усиленный увяданием аромат. И по воде плывут лепестки и делают неширокий и мелкий сейчас, перед муссоном, поток ее пестрым. Озорные обезьяны перебегают через поток туда-сюда, голые ребятишки плещутся в нем. На широких гранитных ступенях около воды женщины расчесывают мокрые волосы и переодеваются. Мускулистый мужчина с «фиговым листочком» из тряпки благоговейно обливается священной водой. А у другого берега в реке тщедушный коричневый садху присел на корточки и, не сняв с себя землистого рубища, поливает голову с длинными свалывшимися волосами и полощет речной водой рот, выбрасывая ее фонтаном. А вот из двора главного храма, подпрыгивая по крутым ступеням, спустились двое молодых людей в черных узких брюках, белоснежных рубашках, с блестящими волосами и босиком. Они деловито поболтали в воде только кончиками пальцев ног и пошли к выходу вдоль набережной, не обращая внимания на купающихся полуголых женщин.

У самой воды врезанные в ступени стоят две прямоугольные большие тумбы, их назначение такое же, как у круглых, но ими пользуются реже; хотя они находятся гораздо ближе к храму Пашупатинатх и с них путь в рай короче, но... сожжение на них стоит в пять-шесть раз дороже.

Кажется, наши мозги скоро растают от жары, надо уходить с площадки. Вот и «часовенки» — подарки Шиве, подношения знатных богатых непальцев, может быть членов семьи многих поколений династии раджей Малла. Перед каждой «часовенкой» с западной стороны на земле — каменная фигурка кбленопреклоненного быка. Но перед чем, собственно, бык преклоняется? Что там в центре «часовенок», помазанное желтой и красной краской, осыпанное лепестками живых цветов и зернами риса? Чему курят фимиами? Заглянем внутрь «часовенок». Линги. Везде линги...

Пройдем мимо этого строя символов и посмотрим, как останки человека покидают землю. Вон на том берегу над тумбой струйка синего дыма, ветер доносит до нас его сладковатый запах... Но что это? Мы стоим у стены с окнами. Окна смотрят прямо на тумбы, с которых поднимается дым, а на стене написано «Hospital». Как госпиталь? Разве ему здесь место? Я поражена. Мне кажется это кошунством. Бороться за жизнь рядом с кладбищем. Но у непальцев другие убеждения, другая философия. Ведь место сожжения трупов — это только аэродром, с которого переселяются в лучший мир (конечно, если ты это заслужил). Так учит индуизм, так учит и буддизм. Блуждают улыбки на лицах и Вишну, и Шивы, и Будды... Лучший мир!

Вот на набережную Пашупатинатха принесли на носилках мужчину. Осторожно опустили на землю. Женщина в застиранном, мятом сари опустилась около мужчины на корточки и время от времени сгоняет с его лица мух. Но вот те четверо, что принесли больного, вернулись. Потоптались немного, быстро, быстро о чем-то поговорили и подхватили мужчину с носилок под руки и под коленки. Посадили на гранит у самой воды, тесно окружили, поят священной водой Багмати...

Что это? Больной приподнялся, протягивает к женщине руки, силится что-то произнести, лицо исказилось... Но окружающие, полуголые коричневые мужчины в длинных навывпуск рубахах цвета засохшей глины, знают свое дело: вливают в рот больного воду, вливают...

Больной больше не пьет. Душа его отлетела в тот момент, когда во рту у него была вода священной Багмати. Теперь эта душа попала прямо в рай.

Сверкает солнце... Сверкает Багмати... Сверкает золото храмов. Улыбаются божества. Там-мм-м!

Посещение второе. На этот раз я была в Пашупатинатхе с образованным непальцем из касты брахманов — Партибом, который хорошо говорит по-русски.

Он любезно согласился отвечать на все мои вопросы. Непальцы по каким-то признакам безошибочно определяют принадлежность к касте. Я в этом убедилась во время нашей прогулки-экскурсии. Обычно в таких

местах, как Пашупатинатх, иностранца (особенно русского) мгновенно окружает толпа нищих, назойливо требуя денег, в этот же раз, увидев моего спутника, они не решились даже близко подойти ко мне. И мы везде ходили без помех.

Машина не остановилась у главных ворот, ведущих к храму, а проехала дальше, пересекла Багмати по третьему каменному мосту и стала под огромным священным пипалом * на пологом берегу. В нескольких шагах от нас был вход в ограду храма Гухьешвари — кирпичная арка, украшенная с двух сторон картинами: навстречу друг другу в костюме Адама шагают мужчины в человеческий рост. Мужчина слева — здоровый, в теле, а справа — скелет, обтянутый кожей. Мой гид не счел нужным останавливаться возле этого храма и что-нибудь объяснять, он сказал, что в этот храм пускают только верующих и что мы туда не пойдём, да и нет там ничего особенного.

Мы стали подниматься по лестнице, которая шла круто в гору, опоясывая стену храма. Остановились на площадке. Здесь в стене были двери, и Партиб предложил мне через них посмотреть на Золотой храм. Этот храм чрезвычайно прост — небольшая квадратная кирпичная коробочка, в одной стене простой проем двери, крыша отсутствует. Я подумала, что она разрушена. Нет, это такой храм. Неверующим к нему подходить близко нельзя, «да и смотреть там нечего», сказал Партиб. «Там внутри, посередине, находится дырка и больше ничего. Дырка, у которой нет дна. Непальцы верят, что это так».

— Но никто, конечно, не пробовал проверять, так ли это. Это категорически запрещено, — продолжал Партиб. — Только однажды это позволил себе один человек и заслужил навсегда прозвище «чокнутого».

— Чем же знаменит этот храм и что означает дырка? — спросила я.

В ответ услышала легенду.

«Нашелся человек, который усомнился, что у дырки в храме нет дна. Этим человеком был раджа, тре-

* П и п а л — дерево, напоминающее наш тополь, но более ветвистое и высокое. Легенда говорит, что под пипалом размышлял Будда и на него снизошло просветление.

тий по счету после Притхви Нарайян Шаха. У раджи была любимая жена, и она заболела оспой. Они оба, раджа и рани, страстно просили помощи у богини, просили исцелить рани, сохранить ей жизнь. Но помощи не было. Рани умерла.

Тогда рассердился раджа и велел забить дырку в храме бамбуком. Один ствол бамбука ушел весь, второй ушел весь, ушел и третий, но после этого из дырки выступила кровь...»

— Вот и вся легенда, — сказал Партиб. — Она доказывает истинность верований. Верить надо свято и слепо. Нельзя требовать доказательств, нельзя сомневаться.

Партиб осторожно и чуть-чуть лукаво улыбнулся.

Мне осталось еще про себя добавить: «И нельзя задавать слишком много вопросов». Ведь Партиб, хотя и рассказал интересную легенду, на мои вопросы не ответил. Позднее от других непальцев я узнала легенду о происхождении этого храма без крыши. Называется он храмом Гуэссари. Вот эта легенда.

В далекие времена один из небожителей по имени Докчепразапати, отец тридцати трех миллионов дочерей, которые все стали богинями, так как вышли замуж за богов, устраивал праздник. На пиршество он пригласил всех своих дочерей с мужьями, кроме старшей — красавицы Сатидеви. Отец любил свою старшую дочь не меньше, чем всех остальных, но не переносил ее мужа, хотя им был сам Махадев Шива. Докчепразапати не мог простить Шиве того, что он женился на Сатидеви без согласия ее родителей, да и без ее согласия. Просто она ему понравилась, и он женился на ней обманом, приняв облик жениха на свадебной церемонии.

Сатидеви стало известно о предстоящем празднике. Сначала она очень огорчилась, что ее не зовут на праздник, потом рассердилась и устроила Шиве скандал; в конце концов она добилась того, что он отпустил ее в гости к отцу одну. Появившись у отца, Сатидеви спросила, за что же он так ее обидел, не позвал в гости, когда собираются все ее любимые сестры.

— Я потому не позвал тебя, — ответил отец, — что ненавижу твоего мужа Шиву.

Бедная Сатидеви от горя кинулась в горевший там жертвенный костер.

Шива очень любил Сатидеву, он взял ее мертвое тело, взвалил себе на плечи и не расставался с ним. Что бы он ни делал, где бы ни был, мертвая Сатидеви всегда была с ним. В то время Шива исполнял должность «коменданта» земли и должен был смотреть за порядком. Вот и стал он ходить вокруг земного шара, не снимая с себя ноши и не переставая ни на минуту думать о ней.

Другие боги, в том числе Индра, видели, как неутешен Шива. Они опасались, как бы Шива не повредился разумом, и собрались на совет, чтобы решить, как освободить Шиву от его злополучной ноши. Они решили, что Шива бросит ношу, если она — извините! — испортится. А надо напомнить читателю, что боги нетленны. Боги послали на тело Сатидеви мух, которые сделали то, что происходит на земле со всеми телами смертных после их смерти. Тело Сатидеви стало распадаться на куски. Куски падали по дороге, а Шива даже не замечал этого. Куда бы ни падал кусок тела Сатидеви, там сразу из земли появлялась линга. Вот один кусок упал на землю возле Банены (там теперь стоит храм), другой кусок — гуэссари* — упал как раз вблизи реки Багмати, туда, где теперь находится священное место Пашупатипатх.

Люди узнали об этом и со временем на том месте, где упала гуэссари, построили храм, который с детским прямодушием так и называли той частью тела Сатидеви, которая упала с небес, — Гуэссари. Воронкообразное отверстие в центре на полу храма имитирует гуэссари.

Индуисты поклоняются этому храму с благоговением, ведь он хранит «вещественное доказательство» существования божеств вообще и богини Сатидеви в частности.

Потом мы поднимались по каменным неровным ступеням. Любопытные рыжеватые обезьяны сопровождали нас. Небо было серым, и моросил мельчайший дождь. Мне это нравилось, было не жарко. На вершине холма, куда мы забрались, большая площадка. Храмы и много «часовенок». В дверях одной «часовенки» мужчина с корзинкой в руках неуклюже ворочался, сидя на корточках, его крупное тело не помещалось в «часовен-

* Гуэссари (непали) — прямая кишка.

ке». Это прислужник. Он совершает вечерний обход храмов, с молитвой прибирая их.

Гуськом прошли босые женщины с раздутыми повязками на животах. Бородатый садху с большим посохом в одной руке и черной чашкой в другой устремился было ко мне, но увидев, что я не одна, остановился, Партиб не позволил мне дать ему монету. «Когда я с Вами, Вам не надо делать этого», — серьезно сказал он.

Мы спустились с холма на бетонную смотровую площадку, обсаженную стройными тисами, и полюбовались прекрасным и страшным видом, который с нее открывается. Блестящий изгиб реки уходит вправо, на берегах клубящаяся зелень и серое нагромождение странных построек. Купола, конусы, шпили, перевернутые колокола — круглые, граненые, квадратные. Справа с тумбы поднимается струйка дыма. Рядом, под арками закопченной галереи, сидят полуголые мужчины с бритыми головами — родственники покойного.

А прямо перед нами — золоченые крыши храма Шивы. Правее из многоэтажного скопища серых крыш поднимается еще одна золоченая крыша — из высоких, но нешироких ярусом — храм богини Наг — царицы змей.

Внизу на ступенях — знакомая картина: две женщины передеваются после омовения в реке; в воде сидит на корточках мужчина, закрыв глаза и шевеля губами, другой мужчина тут же что-то стирает...

Спускаемся, прыгая по неровным каменным ступеням лестницы, которая ведет к мостам. Все вокруг каменное. «Сколько же здесь вложено труда!» — говорю я. «И для чего?» — это уж я не говорю, а думаю. Партиб отвечает: «Да, и заметьте, что все это построено руками, без всякой техники, без машин».

— А кто строил все это?

— Скорее всего, крестьяне отработывали повинность. Теперь крестьяне тоже обязаны ухаживать за дорогами, а иногда и строить их.

Партиб вдруг сорвался с места, бегом подбежал к выступающей каменной глыбе на другой стороне лестницы и прижался к ней.

— У нас верят, что если у этого камня постоять вот так, можно исцелиться от многих болезней, — сказал он.

— Гм! Как просто. И почему только так мало живут непальцы? В среднем 22 года.

— О, у Вас устаревшие сведения, — ответил Партиб, — теперь у нас в Непале средняя продолжительность жизни уже 32 года. Это результат того, что за последние десять лет дружественными странами построен ряд госпиталей и медицинских пунктов, где делают прививки.

Спустившись еще ниже, мы оказались у маленькой двери в стене, черной от лишайников. Дверь вела в ограду небольшого и по виду ничем не примечательного храма. Не было заметно, чтобы за ним хорошо ухаживали. Но храм этот очень популярен. Вот и теперь нам навстречу из дверей торопливо вышла молодая пара. Эта чета приходила помолиться Шиве в образе линги, чтобы он даровал им детей.

В ограде храма много линг. Они стоят рядами на уступах храма, на возвышениях вдоль ограды и просто на земле. Каждая линга на круглой тарелке с желобком. Большинство из них серые, шероховатые, но некоторые — избранные — отполированы до блеска, измазаны краской, обсыпаны рисом и лепестками цветов.

Мы прошли по набережной под окнами госпиталя, если так можно назвать две грязные комнатки, в которых стоит стол, стул и таз. Заглянули за железную с огромным висячим замком решетку, в храм необычных очертаний. Это простой белый куб с небольшим куполом на крыше. Перед храмом огромная Гаруда, получеловек-полуптица, стоит, опустившись на одно колено. Фантастические плоские крылья с завитушкой на конце, огромный хищный нос орла и молитвенно сложенные человеческие руки... Внутри храма в полутьме на полу стоят несколько фигурок богов, перед ними зерна риса, лепестки цветов, в маленькой плошке вода.

Возле моста на самой дороге стоит столбик. Да, это опять линга, с трех сторон окруженная символическими лицами. Опять Шива. Везде Шива. На то и храм Пашупатинатх.

На мосту хотелось постоять и еще полюбоваться каменным пейзажем, но... сюда доносился сладковатый дым костра.

Посещение третье. В середине февраля в Пашупатинатхе самый большой праздник — Шива-ратри (ночь

Шивы). Как появился этот праздник, рассказано в одной из пуран *.

В очень давние времена в великом городе Варанаси (Бенарес) жил человек невесть какого знатного рода: он принадлежал к племени охотников. Видом был неказист: низкорослый и очень черный, но еще чернее была его душа — душа великого грешника. Богов он не признавал и никому не молился, никого не почитал, жил как хотел, поступал дерзко, так как отличался большой вспыльчивостью. Много горя причинил он людям.

Однажды этот отчаянный грешник охотился в лесу. Охота была на редкость удачной. Не зная меры, охотник перебил столько всяких животных и птиц, что едва мог нести свою ношу. А расстаться хоть с частью ноши он не хотел. Приносить жертвы богам у него не было привычки, кормить животных — тем более.

Охотник устал и шел медленно. Наступили сумерки, пришлось заночевать в лесу. Он нашел поляну с большим деревом, залез на дерево и попытался уснуть. Но где там!

Взошла полная луна и осветила крупную росу на траве, на листьях. Стало холодно. А тут еще пустой желудок еды просит. Лежит охотник на шишковатом суку, дрожит от холода и от страха. Лес полон шорохов и голосов зверей. Помолиться бы, да не умеет. Охотник невольно поежился, от чего закачались ветки. Вниз слетело несколько листочков, цветок, плод дерева и капли росы. А под деревом стояла линга — символ Шивы.

Шива тотчас же узнал, что такой отъявленный грешник почитает его, поклоняется линге. Невольное голодание грешника было расценено как пост, а страдания от холода и страха, как жертва Шиве. Очень обрадовало это Шиву, он простил охотнику все его грехи и распорядился, чтобы его наградили.

Утром охотник благополучно вернулся домой и стал жить, как прежде, ни о чем не беспокоясь. Но через несколько дней он внезапно умер. Об этом сразу узнали и Шива и бог ада Яма. Тот и другой послали за охотником своих слуг. Одни слуги тянут охотника в ад, другие — в рай. Между ними завязалась драка. Но слуги

* Пураны — индийские религиозные сказания, относятся приблизительно к I тысячелетию нашей эры.

Шивы оказались сильнее и победили. Страшно возмущенный такой несправедливостью, Яма полетел к Шиве, чтобы объяснить, что охотник, как великий грешник, принадлежит ему. У ворот рая он встретил Нанди — быка Шивы, и тот не пустил его к Шиве. Выслушал сам, сам и ответил: «Был охотник грешником? Да, был. Но он осознал свои грехи, склонился на сторону Шивы, возложил на его символ знаки почитания, принес также в жертву страдания. Он наш».

Не смог отрицать этого Яма и ушел ни с чем. А люди, узнав обо всем, сделали эту холодную ночь ночью поклонения Шиве. Ведь Шива не останется в долгу.

В 1969 году праздник Шива-ратри пришелся на 15 февраля. Как всегда, он начался ночью. Верующие выражали свое почитание Шиве, обмазывая изваяния линги красками, посыпая рисом и цветами. Тысячи паломников устремились в Пашупатинатх, в храм под золочеными крышами. Здесь лингу обливают молоком, и оно ручейком вытекает из храма, пересекает двор и сбегает в Багмати. Горят бесчисленные огоньки в площадках, не смолкают музыка и пение молящихся. Люди не спят, ждут утра. Они уподобляются тому грешнику, который когда-то провел эту ночь, бодрствуя на дереве.

Рано утром и мы поехали в Пашупатинатх. По дороге мы то и дело обгоняли насквозь пропыленных паломников. Прямые, как статуи, они шли гуськом, размеренным шагом и весь свой скарб несли в узлах на голове. Непальцы не носят так тяжести. Это были индийцы. Среди паломников было много изможденных женщин.

Почти такой же поток людей двигался и навстречу нам. Чем дальше мы ехали, тем больше было народу.

Полицейский, регулирующий движение, указал нам объездную дорогу, главная была предоставлена пешеходам. Из машины пришлось выйти, не доезжая до святого места. Роща «танцующих деревьев» кишела пестро одетыми людьми. На земле одеяла, подстилки, выше на склоне — целый городок из пестрых палаток.

Пробираемся сквозь толпу, которая никуда не спешит, никого не толкает и не шумит. На нас смотрят с любопытством, охотно разговаривают и фотографируются.

Сколько здесь колоритных фигур, выразительных лиц, сколько благообразных бород! Бородатые и воло-



Рис. 17. Шива-линга

сатые, одетые и полуголые; дхоти, юбки, хламиды, шкуры... Много странных фигур, например этот садху: оранжевая тога, прическа Шивы (большой пучок на макушке из свалывшихся волос, обсыпанных землей или пеплом), лбы, разрисованные полосами то вдоль, то поперек. Еще больше нищих, словно вывалившихся в пыли.

Женщины в дорогих сари с громоздкими украшениями и женщины в линялом ситце. Тяжелые браслеты на ногах, подвески под носом, тарелочки на ноздре, цепочки, кольца, браслеты, целые манжеты из пластмассовых браслетов... и тики, тики *, круглые, продолговатые, полосатые... красные, желтые, белые. Все движется, переливается... но не шумит.

* Т и к а — пятно на лбу, сделанное краской, чаще всего красной. Форма тики бывает разная, наиболее распространенная — в виде кружка.

Мы идем к реке. Сегодня серого гранита почти не видно. Везде пестрые фигуры людей и сохнувшие сари и тряпки... Люди в воде, на ступеньках, на тумбах для погребальных костров, на стенах. Ими забиты все галереи, все храмики, уступы и вся земля вокруг. На противоположном берегу на граните сидят, словно сами из гранита, неподвижные и молчаливые фигуры и группы людей и не сводят глаз с храма Пашупатинатх. Будут сидеть и час, и два, не проронив ни слова. Хотят ли навсегда запомнить эту святыню или думают о своем под тихую, мелодичную музыку, которая доносится сюда? Весь двор вокруг храма полон людей. Их поток вливается в одни двери и выливается в другие, спускается по крутой лесенке к воде и растекается по граниту. Одни раздеваются, другие одеваются, отжимают мокрые полотнища, сушат их, растягивают на ближайших храмиках и молятся...

Никто не обращает внимания на других, каждый поступает так, как будто находится здесь один, однако никто ни на кого не натывается, не наступает на ноги.

В священной Багмати вода мало где доходит до колен, но это ледяная вода. Люди входят в нее, совершают омовение кто как хочет: одни бросаются в воду, другие обрызгиваются, обливаются из медных горшочков, смачивают лицо и голову, полощут рот... и все молятся. Молятся тоже по-разному. Одни, наклонясь к воде, быстро, быстро трясут руками, сложенными лодочкой, и что-то шепчут. Другие заходят в воду, останавливаются и шевелят только губами. Вот женщина с мольбой подняла руки к солнцу и говорит, говорит что-то. Мокрое сари сползло с ее груди, она не обращает на это внимания, она молится. В ее лице такая вера, такая надежда и мольба. Широко шагая по воде, почти вплотную к женщине подходит мужчина, одетый в пальто, и останавливается именно здесь. Повернувшись к ней спиной, он совершает свое омовение, начиная с полоскания рта. Правее на корточках в воде сидит мужчина в трусах, весь мокрый и посиневший. Он, закрыв глаза, что-то бормочет дрожащими губами и, кажется, будет так сидеть долго. Ведь просьбы и молитвы убедительнее, когда их повторяют много раз.

Интересно, что, купаясь в ледяной воде, люди не жалеются на холод. Ни вскриков, ни аханья. Можно по-

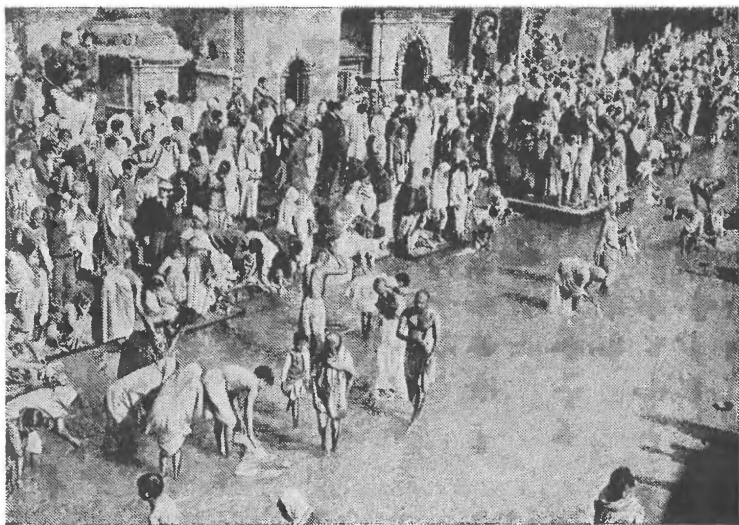


Рис. 18. Пашупатинатх. Омовение в священной реке Багмати во время праздника Шива-ратри

думать, что эта ванна кажется им теплой и приятной. Никто не выбегает из реки торопливо. Кажется, что и дрожь люди умеют унимать: никто не дрожит. Вот только цвет кожи выдает, что это купание все же страдание, испытание холодом.

Когда солнце поднялось высоко, народу стало еще больше. В пестрой измятой толпе мелькают белоснежные национальные костюмы с черным пиджаком сверху — это государственные служащие из Катманду.

Возле одной «часовенки» несколько широколицых молодых непалок сидят рядом, и все одновременно усердно трут зубы святой палочкой. Кажется, делают они это уже давно, но, когда мы к ним подошли, не бросили своего занятия. Они весело смеялись, показывая свои белые зубы, не понимая нас. Мы пробовали узнать, для чего они трут зубы, но так ничего и не поняли. Английский здесь бессилен.

Рядом несколько семей, расстелив на земле тряпицу, благоговейно ели. В тени дерева мужчины, сидя круж-

ком, играли в карты. Нищие занимались своим ремеслом, выставив напоказ уродства и болезни. Мальчишки разносили воду. На самой дороге на земле разложены для продажи предметы «первой необходимости»: крашенная пудра всех цветов, кусочки цветной материи, фитильки, зеленые листочки какого-то дерева, накрошенные цветы, фрукты, яйца, простокваша, растительное масло. Рядом торгуют дешевыми женскими украшениями: пластмассовыми тиками, браслетами, брошками, клипсами, бусами, искусственными косами из ниток...

В воздухе пыль, запах гари, масла и тот специфический запах, который сопутствует скоплению людей, живущих в условиях и понятиях таких же древних, как их религия.

Насмотревшись на людей и сделав немало снимков, мы стали пробираться к своим машинам. Прилегающая к набережной улица тоже запружена людьми. Ярко расцвеченная толпа неторопливо двигается в обоих направлениях. По бокам на земле сидят со своим мелочным товаром торговцы. В домах открыты все лавки. Над дверями лавок гирлянды из цветов, на некоторых дверях намалеваны всевидящие глаза.

В потоке людей много интересных лиц и фигур. Вдруг среди них мелькнуло знакомое лицо. Молодой инженер, недавно получивший это звание у нас, в СССР, деловито шел к Багмати. Наш друг шел совершать омовение. Он не хотел огорчать своих родителей и давать пищу злым языкам.

А вот и наша машина. Целая стая мальчишек кипулась к нам с протянутыми руками. Сильные отталкивали слабых и маленьких, некоторые били себя в грудь кулаком, другие делали умильное лицо. Каждый старался доказать, что именно он караулил нашу машину, именно ему мы должны дать бакшиш. Вот каков праздник у этих детей.

И суждено ли им в этом рождении увидеть другие праздники?

ПРАЗДНИКИ И БОГИ



Невозможно оказать внимание всем непальским богам, их больше 33 миллионов. Нельзя даже запомнить их имена. Армия богов живет в легендах, вариации которых тоже неисчислимы. Боги рождаются, женятся, любят, ненавидят, враждуют, хитрят, воюют, делают чудеса, шутят... Некоторые боги удостоились традиционного почитания, превращенного в праздник. В их числе и те, которые описаны ниже.

Дурга пуджа

Дурга пуджа (поклонение Дурге), или Виджайя дашами (День победы), — национальный праздник непальцев. Его празднуют все непальцы, индуисты и буддисты, хотя и с некоторыми различиями в ритуале.

Дурга пуджа — самый длинный праздник. Он длится 14 дней, начинается в новолуние и кончается в полнолуние. Праздник приходится на октябрь—ноябрь. В 1966 году, а по непальскому летосчислению в 2023 году, Дурга пуджа продолжалась с 15 по 28 октября. Государственные служащие и служащие у частных предпринимателей в праздник не работают, даже солдаты непальской армии по случаю этого праздника отдыхают десять дней. Служащие у бизнесменов могут получать свое жалованье за месяц вперед, чтобы иметь деньги на праздник.

С некоторых пор во время Дурга пуджи славят и военные победы, поэтому праздник называется также солдатским. Особенно он почитается у гуркхов — воинственных племен Непала*.

* В настоящее время гуркхами называют всех солдат непальской армии независимо от их принадлежности к той или иной народности.

Праздник имеет два названия потому, что в основе его лежат две легенды. Одна легенда представляет собой часть «Рамаяны» — известного древнеиндийского эпоса. Эта легенда широко известна индуистам. В Непале всякий мальчишка, еще не бывавший в школе, уже бойко перечисляет героев «Рамаяны». Во время Дурга пуджи народ ликует по поводу победы Ра́мы над Ра́ваном. Рама олицетворяет справедливость, добро, свет, а Раван — тиранию, зло, тьму. Рама, справедливейший раджа из Айодхьи — столицы древнеиндийского государства Кошалы, — воевал с коварным и злым правителем острова Ланка (Цейлон) Раваном, который украл у Ра́мы жену Ситу. Раван был главой злобного племени низкорослых ракшасов, готовых всегда и всем причинять зло. Нелегко было Раме воевать с нечистой силой, но все же он победил, потому что правда была на его стороне и ему помогала Дурга. Вот народ и радуется победе добра над злом и поклоняется Дурге.

Рама почитается как идеальный раджа, при котором люди жили, словно в раю: всегда были сыты, болезни не посещали их. В городе Айодхье было чисто, воздух благоухал, искусства и знания процветали, так что трудно было найти невежду, а в спорах всегда торжествовала истина. Раме, как и другим положительным героям «Рамаяны» — Сите, Лакшману, Хануману и другим, непальцы поклоняются, мажут их изображения краской, красной или желтой, украшают цветами, приносят рис, фрукты, кислое молоко...

Вторая легенда тесно переплетается с первой, но в ней больше философии. Эта легенда рассказывает о богине Победы — Дурге.

В понятие Дурги непальцы вкладывают очень много. Впрочем, не только в это понятие. Например, у многих богов кроме основного их назначения есть еще другие, иногда прямо противоположные. В индуистском пантеоне числится 33 миллиона богов и божеств. Казалось бы, слишком достаточно, чтобы их функции были четкими. Так нет же, это не так. А может быть, здесь и зарыт тот кладезь премудрости, перед которым только и можно развести руками?!

Но вернемся к Дурге. Во время Дурга пуджи изо дня в день непальские газеты публикуют материалы, относящиеся к этому празднику. Мы воспользова-

лись ими в числе других источников. Вот что не без труда удалось нам узнать:

Дурга — это не только имя богини, но и очень древнее философское понятие, ему столько времени, сколько индуизму. Дурга — это «живая энергия», это «сила естества», это «божественная мать», начало всех начал. Как божественная мать Дурга имеет четыре аспекта: в качестве Маха Лакшми она дарит всему живому здоровье, в качестве Маха Сарасвати она является источником всех знаний (даже сам Брахма, создатель вселенной, обязан своими знаниями Дурге), как Махаджагатхоти Дурга — оживитель вселенной, ее сущность, а как Махакали она — разрушитель вселенной.

В древних ведах уже есть восхваления Дурге. Она, Дурга, — божественная энергия, все наполняющая и все питающая, то есть она Чандика, которой и поклоняются во время праздника. Она имеет «миллион имен», и каждому соответствует свое воплощение и свое назначение. Она — Ума, Гаури, Парвати, Махадэви, Кáli, Тára, Лакшми, Джагадámба... Все имена женского рода, все важны. От одних зависит любовь, уважение, доброта, другие вызывают благоговейный страх или радость или награждают премудростью, силой...

Вот легенда о том, как появилась Дурга.

В очень древние времена во вселенной между богами и демонами в течение «ста лет» шла война. Предводителем демонов был Махисасур*, обладавший чудовищной силой и свирепостью. Его нельзя было убить обычным путем. Когда ему наносили рану и из нее показывалась кровь, то силы его не убывали, а только переходили в другое качество; из каждой капли его крови рождались ракшасы (злые духи), готовые сразу вступить в бой.

И вот боги во главе с Брахмой и Шивой оказались побежденными в этой войне и спустились с небес на землю. На земле их встретил Вишну; он был так разъярен известием о поражении богов, что его глаза метали молнии. Не менее распалены были и головы Брахмы и Шивы. Излучаемая всеми этими верховными богами энергия слилась в единый сгусток и приняла образ пре-

* Одним из распространенных образов демона Махисасура является черный буйвол.

красной женщины. В ее формировании приняли участие также и средние боги, такие, как Солнце, Луна, Варуна, Индра, Джама и Земля. Они отдали ей все лучшее, что имели, а также вооружили ее. Таким образом появилось существо Чандика, совершенное во всех отношениях. Нет равных богине Чандике по духу, мудрости, силе и храбрости, а также по вооружению. В ее шестнадцати руках есть трезубец, лук и стрелы, корга, кривая сабля и другое оружие, назначение которого трудно понять.

Изображение Дурги (Чандики) всегда можно купить и в лавках, и у бродячих торговцев, которые раскладывают свой товар прямо на земле, в узеньких улочках. Это красивая женщина в богатых одеждах, с тяжелыми драгоценными украшениями на голове, на шее, на руках, на талии. С веером полных розовых рук с холеными ногтями она сидит иногда на льве, а иногда на тигре.

Поклонение Дурге ежегодно напоминает людям, что, как ни сильны темные злобные силы, силы божественные сильнее. Воплотившись в образе Дурги, эти силы сокрушают злобного демона Махисасура. Вот что говорит об этом легенда.

Махисасур обладал сверхъестественной силой, а употреблял ее только всем во зло. Он причинял зло людям и даже богам просто так, ради развлечения. Много жалоб на его злодеяния слышал Шива и наконец решил его урезонить. Он поручил это своей жене Парвати. Парвати объявила войну Махисасуру. Она приняла образ Дурги и выехала на поле боя на льве. Задира Махисасур со своим войском уже дожидался ее.

Долго длилась битва между Дургой и Махисасуром, лишь на десятый день одолела Дурга демона. Не легко ей, видимо, далась победа; в легенде говорится, что лицо Дурги во время битвы было страшно, поэтому в праздник женщинам, особенно тем, которые ждут ребенка, не рекомендуется смотреть на изображение Дурги (как бы лицо новорожденного не оказалось безобразным). Понятие о том, как представляют себе непальцы лицо Дурги во время битвы, дает маска Дурги-Кали. Лицо плоское, багрового цвета и все в шишках. Сам Шива уснокаивал Дургу после победы.

Но важно то, что Дурга победила. Тирания Махисасура пала. Победа! Победа!

В городах Непалгандже и Джанакпуре, а также в других селениях тераев, где преобладает культурное влияние Индии, во время Дурга пуджи отдают дань первой легенде. Там обязательно разыгрывают пьесы на сюжеты «Рамаяны». Артисты на временных подмостках исполняют роли положительных и отрицательных героев. Раван и его соратники, кроме того, изготавливаются из бумаги. Огромные их фигуры в последний день праздника сбрасываются на землю и сжигаются, подожженные стрелами положительных героев. Добро торжествует над злом.

В долине Катманду Дурга пуджа празднуется по-другому. Она начинается с первого дня битвы Дурги с Махишасуром. В продолжение битвы непальцы помогают Дурге: они молятся и делают ей обычные подношения, а затем приносят и кровавые жертвы.

Обычные подношения состоят из пяти компонентов: яйца, рис, кислое молоко, фрукты и цветы. А жертвами становятся животные мужского пола и преимущественно черного цвета: буйволы, козлы, бараны, петухи, селезни. Жертвам публично отрубают одним ударом корги или кхукри голову и кровью жертвы мажут изображение Дурги. Отсечение головы должно совершаться одним ударом, если потребовался еще удар, то считается, что эта жертва негодна богам. Тогда большой позор падает на хозяина негодной скотины и даже на всю его семью. Хозяину несчастной жертвы полагается принести взамен новую жертву.

Угодной богам жертвой может быть лишь добровольная жертва, поэтому у животных сначала спрашивают их согласия. На животное брызжут холодной водой, норовя сделать это так, чтобы вода попала в уши, и ждут, когда животное встряхнется, сбрасывая воду. Это движение означает согласие, оно напоминает качание головой из стороны в сторону, которое у непальцев означает «да».

В первые дни праздника кровавых жертв приносится сравнительно немного. Чем дальше, тем их становится больше. Особенно много жертв приносится на восьмой и девятый день, а в полночь в начале десятого дня праздника у индустов в каждой семье обязательно приносят жертву, которой может быть любое животное, кроме буйвола. (Буйволов приносят в жертву только члены

касты чхетри.) В самых бедных семьях жертву можно приносить символически, разрубая, например, тыкву.

После победы Дурги, естественно, начинается праздничное ликование. К этому времени непальцы наводят чистоту в своих домах, надевают лучшую одежду и украшения, готовят праздничную пищу, посещают родных и друзей и принимают гостей у себя, дают тики и получают их сами. Получить тикю — знак благословения — почетно. На десятый день Дурга пуджи в каждой семье делают тики из смеси нарубленного проросшего риса и вареного риса с красной краской. Эта тика, аккуратно сделанная, напоминает раздавленную ягоду малины.

Проросший рис — особенность праздника Дурга пуджи. В первый день праздника рис сажают в горшок и ставят в темный угол специально отведенной для этого комнаты. К десятому дню праздника рис должен прорасти; после особой церемонии он употребляется для изготовления тики.

В дни победы все индуисты могут получить тикю и во дворце махараджадхираджа. В начале дня, когда во дворец идут с поздравлениями высшие государственные служащие, им ставит тикю на лоб сам махараджадхирадж. Затем его место занимает кто-нибудь из служащих. Можно получить тикю и из собственных ручек Кумари — очень юных девочек, этих выборных живых божеств, которых в Непале, говорят, насчитывается пять.

В течение первых десяти дней праздник разнообразится многими церемониями, некоторые из них сопровождаются красочными процессиями по городу с реликвиями, с Кумари, с цветами... Но наиболее торжественно и пышно проходят шестой и девятый дни праздника. На шестой день происходит церемония, называемая фұлпати, на девятый — торжественное жертвоприношение на главном коте каждого города или селения.

Церемонии заслуживают того, чтобы о них рассказать подробно. Но сначала о тех изменениях, которые внес в жизнь непальцев этот праздник.

Много праздников у непальцев, но иностранцы не всякий праздник замечают. В иные праздники так же рано открываются и поздно закрываются лавки и лавчонки, обычными выглядят люди — взрослые и дети, так же неопратно кругом...

Иногда вдруг вечером появится на некоторых домах иллюминация из огней в плашках, или поднимется нестройная стрельба из хлопушек, или послышится музыка. Оказывается — по случаю праздника. Выскочишь из дому, а праздника уже как не бывало. Так же тихо и равнодушно сидят в дверях своих домов женщины и мужчины. Днем женщины могут чесать волосы, искать насекомых или курить через длинный мунштук из большой трубки, похожей на керосиновую лампу, только без стекла, всю обсыпанную пеплом. Дети, как обычно, спокойно забавляются: лепят из грязи шарики, теребят равнодушных собак, сосут пальцы и презирают необходимость вытирать носы.

Наступление праздника Дурга пуджа было весьма заметно. Первыми вестниками были появившиеся на тротуарах новые кучи мусора. Затем на улицах показались необычные прохожие, группами и в одиночку, явно не похожие на столичных жителей. Одни из них выделялись своими длинными и теплыми одеждами, иногда вышитыми шерстяными нитками. Эта суконная одежда типа балахонов, часто без рукавов, и ярко расшитые сапоги на толстой подошве, с загнутыми носками резко контрастируют при ярком солнце с легкими одеждами голоногих жителей столицы. Это непальцы — жители гор, соседи тибетцев. Степенные, невозмутимые, неторопливые, с косицами, как из войлока, которые торчат во все стороны и у мужчин и у женщин. На их коричневых плоских лицах написаны доброта и честность.

У всех женщин и у многих мужчин шею украшают крупные бусы на засаленном гайтане. Иногда это несколько штук необработанных камней бирюзы, янтаря или веточка коралла; встречается и жемчуг, но гораздо чаще — крупные бусы из фарфора. У женщин нередко с шеи низко спускается на хитросплетенном шнурке или на цепочке серебряная бляха или плоская коробка. Поражают своей массивностью серьги — тарелки из какого-то желтоватого сплава — и бляхи, укрепленные на ноздре через специально проделанную дырочку. Серьги носят и мужчины, только скромнее, и поэтому их уши не так оттянуты, как у женщин.

Украшения не только выражение тяги непальцев к красоте, но также и обеспечение на черный день. Некоторые же камни служат талисманами.

Однажды я была невольной свидетельницей короткой, но выразительной сценки. На одной из старых торговых улиц, неровных, извилистых и очень узких, поэтому сырых и темноватых даже в яркий день, гуськом, как обычно, шагали горцы тибетского облика. Навстречу им шли две иностранки. Одна из них, поравнявшись с гибеткой, шею которой украшал голубой «булыжник», решительным жестом показала, что хочет купить этот камснь. Тибетка неожиданно, тоже не менее энергично, дала ответ: показала комбинацию из трех пальцев.

Попадаются также люди с бритыми головами в бурых тогах и с бурыми зонтами. Это тибетские монахи.

По вечерам и ночью часто слышалась маршеобразная музыка — дробь барабанов и раскаты медных тарелок. Это бодрым шагом, хотя и босиком, закутанные в шарфы и покрывала, идут к святым местам молельщики, они несут на плетеных блюдах свои скромные приношения. Молельщики направляются главным образом к храмам на священных рсках и там под звездным небом, пока не станет светлеть, совершают омовение и отдают божествам приношения.

В течение первых девяти дней праздника на улицах столицы всегда можно было видеть испалок или непальцев, которые небрежно несут, держа за связанные ноги, живых петухов, уток, гусей или ведут за собой упирающихся козлов и баранов. Иногда ведут несколько козлов, связанных одной веревкой. А иногда можно видеть козлов, едущих вместе со своими хозяевами в обнимку на велорикше...

В витринах многих магазинов сметена пыль. Почти в каждой лавке курятся ароматические палочки. Их специфический запах и копоть заставляют непривычных иностранцев поскорее выйти из лавки на воздух. Но непальцам это нравится. И в лавках покупателей явно больше, чем до праздника. Они приходят целыми семьями и долго, обстоятельно выбирают покупку, ощупывают, советуются. В магазинах появились зимние товары: шерстяные кофты, одеяла, банные полотенца, теплые простыни. Богатейший выбор сари: плотные и прозрачные, из материала, похожего на нашу марлю, и из нейлона или натурального шелка, тканые серебром и золотом. Глиняные горшки без глазури, посуда медная,

алюминиевая, эмалированная, резиновые игрушки, сласти в больших плоских тазиках...

Многие продавцы разносят свой товар по городу, другие располагаются на земле в самых неожиданных местах. Наш приятель чуть не наступил в центре города на кобру... к счастью, она оказалась резиновой.

Торговля явно оживилась: лавочки торгуют и ночью при свете колтилок. Базарной стала и центральная площадь столицы — Дарбар. Овощи, зелень, фрукты, игрушки, сласти, кучи стеклянных бус и пластмассовых браслетов, куры, утки, гуси, дикая птица, ряды глиняных мисок с кислым молоком под серым слоем пыли... Стоят на привязи козлы с желтыми озорными глазами и что-то жуют. Все это разместилось возле храмов и прямо на их ступенчатых фундаментах.

Газеты сообщили, что с гор на базары столицы пригнано десять тысяч баранов и козлов, купленных в Тибете.

От блестящих волос горожанок больше, чем обычно, пахнет маслом. Дети из состоятельных семей с накрашенными ногтями на руках и на ногах, нарумяненные, в браслетах и в ярких платьях, сшитых на вырост, покупают в лавках на несколько пайс сластей или жевательную резинку.

В последние четыре дня праздника по улицам столицы патрулировали группы полицейских с увесистыми палками. С наступлением темноты с улиц нередко доносились громкие вопли и песни пьяных. Бывают и драки, что в будний день у непальцев явление очень редкое. Мы не были свидетелями никаких эксцессов, но слышали, что в этот праздник возбужденные выпитой чачей (непальская водка) или гашишем мужчины иногда нападали на прохожих (скорее всего, это бывали неосведомленные иностранцы), у которых в одежде есть что-нибудь сделанное из кожи. Кожа — принадлежность буйвола, а буйвол — демон.

В шестой день пуджи происходит церемония фулпати.

В этот день в Катманду с гор приносят на руках паланкин, украшенный цветами, лоскутками материи и золочеными лентами. Паланкин дарится городу Катманду. Его проносят по улицам в сопровождении пяти Кумари. У древнего дворца на Ханумандхока процессию

встречают все чиновники Катманду, одетые в белые одежды. Они присоединяются к ней и торжественно следуют на площадь Тундикхел. В 1966 году на Тундикхеле происходило следующее.

На огромном травяном поле перед трибуной зеленые солдаты образовали каре. Трибуну и солдат разделяет асфальтированная дорога, около нее группа знамен на возвышении. На дороге показалась кавалькада всадников в красных мундирах, затем — шикарный автомобиль в сопровождении мотоциклистов. Приехал ювораджадхирадх Бирендра, сегодня он будет на церемонии вместо махараджадхирадха. Двадцать один раз ухнули пушки. Как только эхо последнего залпа затихло, солдаты повернулись кругом, спинами к трибуне, и стали палить из ружей в небо.

После стрельбы началось награждение высших чинов армии орденами. К возвышению со знаменами, где стоял ювораджадхирадх, потянулась длинная очередь. Бирендра собственными руками надевал на шею подходящего орденскую ленту. Когда очередь иссякла, в воздух поднялись цветные шарики. Но ювораджадхирадх не стал на них смотреть, уехал.

О девятом дне праздника еще до его наступления нам приходилось слышать. Писали о нем и в газетах. Например, одна американская журналистка восхищалась картиной «слетающих одна за другой голов буйволов» и «ручьями крови на площадях», льющихся в этот день. И вот этот день наступил.

Мы встали до восхода солнца. Сели в машину и поехали по тихим, в редком белесом тумане улицам на главный кот. В Катманду он находится в самом центре города — это двор полицейского управления. Знакомый непалец любезно взялся сопровождать нас туда. Мы торопились, говорят, что можно остаться без места.

Свернули на Нью роуд, которая ведет на площадь Дарбар. Она не была пустынной в этот ранний час. Поживаясь от холода, по ней шли в обоих направлениях мужчины и женщины, головы и плечи которых были тщательно укутаны шарфами, ноги же у многих были босыми. Они несли в корзинах и на блюдах подношения богам, некоторые прижимали к бокам кур или уток, другие тянули за собой козликов. Поток людей в направлении к центру был гуще.

Гид привел нас на крышу здания, стеной выходящего в закрытый двор — кот полицейского управления. На этой плоской крыше, обнесенной глухим каменным барьером, были даже стулья, и мы почувствовали себя как на балконе в театре. С каждой минутой на крыше становилось теснее. Прибывали гости — иностранцы, главным образом молодые американцы из «Корпуса мира»: длинноволосые парни в ярких хламидах и стриженные девушки в штанах или шортах. Многие пренебрегали также и опрятностью. Стоптаные башмаки, распахнутые застёжки, грязное тело... Заняв первые ряды стульев, они развалились и задрали ноги выше головы.

За нашими спинами через туман стало проглядывать солнце. Оно осветило впереди нас крутой холм, похожий на серо-зеленое кучевое облако, которое поднималось над крышами домов и казалось совсем близким. На верхушке «облака» серебрились три кристалла — башни храмов Свайямбхунатха. От этой горы было трудно оторвать глаза, так тонко и такими чистыми красками она была написана. И краски непрерывно менялись, не успевая надоесть.

Внизу перед нами обширный прямоугольный двор. На правой его стороне — казармы, на левой — навес. Там, за низенькими перилами, могли сидеть и мы. Но нам наше место нравилось больше: перед нами весь двор как на ладони.

В шести местах двора стоят группами свернутые знамена. Среди них и старинные, ставшие исторически знамена и современные — из действующей армии. Цвет их преимущественно красный. Четыре группы знамен стоят одна за другой по центральной линии двора, две — на правой стороне, у стены казармы. Вблизи каждой группы знамен врыты в землю столбы: большой и малый; они помещаются в центре шестиконечной звезды, сделанной мелом на земле из двух треугольников. Без этого нельзя. Столбы — ритуальные. У подножия знамен разложены рядами обычные подношения богам, горит в чаше на высокой ножке огонь, курятся благовонные палочки. На левой стороне, чуть дальше навеса, сгрудилось целое стадо буйволят. Недалеко от входа — козлы.

Почти все свободное пространство двора занято воен-

пыми. Солдаты — в зеленой форме, высшие чины — в гражданском платье (белые штаны и рубаша, черные пиджаки и белые резиновые тапочки), по с саблями. Предстоит церемония ознаменования победы по случаю Дурга пуджи, вот почему двор заполнен военными.

Семь часов утра. Военные в зеленом выстроились вдоль здания справа, военные в штатском — тремя шеренгами впереди них. Грянула музыка и вытянула военных в струнку. Прогремел залп салюта. Военные в штатском отсалютовали саблями и снова стали свободно ходить по двору с самодовольными лицами. Около каждой группы начали читать молитвы. Это делает не священнослужитель, а кто-нибудь из военных в зеленом, сидя перед знаменами на корточках. Никто не торопится, все заняты сами собой.

Но в самом воздухе чувствуется ожидание. Иностранцы на крыше, оттесняя друг друга, заняли позиции и «пристреляли» с них свои кино- и фотоаппараты. Одни поставили треножки у самого барьера, другие уселись на барьер. Но вот молитвы около группы знамен, которая ближе всего находится к нам, окончены. К большому столбу подвели буйволенка, а к меньшему — почти одновременно — черного козла и брызнули на него холодной водой, которая попала ему в уши. Козел встряхнулся... слышались удовлетворенные возгласы: козел дал согласие быть жертвой богине Дурге.

Я хочу видеть, как «спрашивают» согласия у буйволов. Но наш гид говорит, что согласие буйволов получено заблаговременно. И вот нашего «добровольца» — светло-коричневого буйволенка с длинной редкой шерстью, подводят к столбу, поднимающемуся из центра шестиконечной звезды. Буйволенок идет доверчиво, узкая длинная голова на вытянутой шее держится горизонтально, устремлена вперед, словно тянется к чему-то вкусному. Через минуту эту голову с огромными глазами веревочная петля притянула к столбу. Все тело буйволенка вытянулось, потому что в это же время его сильно тянули за хвост. Военный в зеленых трусах и белой майке долго примеряется, занеся над головой тяжелую коргу...

Я отворачиваюсь... Когда решила посмотреть, то увидела: возле белой звезды на земле лежит безрогая голова с нежными губами, большой темный глаз мор-



Рис. 19. Очередная жертва богине Дурге

гает длинными ресницами... А тушу за задние ноги волокуют вокруг знамен, и красный след описывает дугу.

А у столба уже новый «доброволец» упирается изо всех сил. Чтобы буйвол был спокойнее, кровь перед ним засыпают чистой землей. Одна за другой в ряд ложатся перед знаменами головы буйволов и козлов. Все шире становятся кровавые дуги.

Эта бойня длится до тех пор, пока есть «добровольные» жертвы. У всех столбов и столбиков одно и то же. У каждой жертвы свой палач. На другой день он получит за свой труд голову буйвола и сколько-то денег. Хотя «работа» длится мгновение, она оплачивается хорошо, так как это почетный труд. Да и ловкости он требует...

Приблизительно в девять часов утра бойня прекратилась. Главнокомандующему подносят большой серебряный сосуд, наполненный кровью. Он опускает в кровь обе руки и прикладывает их затем с двух сторон к каждому знамени. Это церемония освящения знамен. Все

военные смотрят на нее примерно так, как у нас смотрят на присягу.

Мы молчаливо спускаемся с нашей крыши. Что-то кругом много народу. Все закоулки двориков полицейского управления и площадь перед ним полны. И тут столбик! И тут! И около каждого столбика стоят покорные жертвы — козлы, бараны. Это на их смерть пришли смотреть мужчины, нарядные женщины и дети. У всех на лицах довольство. На земле лятна свежей крови, но это ни у кого не вызывает ни отвращения, ни жалости к животным.

Так надо! Дурга требует жертв. Впрочем, кровавых жертв требуют многие другие божества, например Шива, Кумари, Бхайрав...

Весь праздник непальцы будут досыта есть мясо. Ведь жертвенное мясо продавать нельзя.

На десятый день праздника, а он начинается в полночь, в каждой семье помогают Дурге одержать победу над дьяволом Махишасуром, приносят жертву: козла, барана, петуха, селезня... или тыкву. Все зависит от достатка семьи.

Когда мы с приятельницей собирались уходить с крыши, к нам подошел полный, холеный непалец и восторженно спросил, как нам нравится происходящее. Он ожидал, что мы разделим его восторг, ведь таких церемоний нигде в Европе не увидишь. Но мы дружно, как по команде, ответили, что нам не нравится... убийство. Мы не хотели обижать непальца, который, как хозяин, гордился перед нами тем, что считал хорошим, мы просто были искренне удручены увиденным. Он сразу отошел от нас. Но мы думаем, что он скоро утешился. Американцы самозабвенно снимали на кино- и фотопленку именно убой щетинистых буйволят и восхищались ловкостью рубак.

Живая богиня (Кумари)

Шли последние дни праздника поклонения богине Дурге (Дурга пуджа), когда мы узнали от знакомых непальцев, что во время этого праздника можно увидеть Кумари — живую богиню. Немедленно же группа энтузиастов захотела воспользоваться этой возможностью. Мы убрали в нашей одежде все, что было сделано из

кожи (по крайней мере с виду): поменяли кожаную обувь на резиновые тапочки, вынули фотоаппараты из футляров и сели в машину. Вскоре мы уже въезжали на Дарбар со стороны Нью роуд.

Прямо перед нами встали два храма-пагоды на высоких ступенчатых основаниях, как на пирамидах. Трехъярусные крыши их тоже составляют пирамиду, в этом главная красота. Загнутые углы, резные, ярко раскрашенные подкосы и балки, кружевные решетки... Сначала видишь только эти центральные храмы, вырывающиеся на светлом фоне неба, а уж потом — другие здания, пониже. Храмы и дома вокруг удивительно гармонируют друг с другом. Черепица, подкосы, решетки, проемы окон и дверей. Везде красный кирпич и черные деревянные «кружева».

Вон справа из овального окна дворца (а может быть, храма), похожего на резную шкатулку, на нас смотрят, обнимаясь, две куклы — раджа и рани в натуральную величину. Огромная статуя Гаруды, опустившись на одно колено и сложив ладони, «приветствует» храм. Слева пара большущих фантастических львов охраняет маленькую дверь, над которой блестит позолоченный полукруг барельефа, где переплелись фигурки людей, цветы и змеи. Дверь ведет в Дом Кумари.

Несколько ступеней, проход между толстых стен — и мы оказываемся на галерее. Ее черные резные столбы опоясывают квадрат внутреннего двора и поддерживают галерею второго этажа. Дворик мощеный, в центре его какое-то каменное сооружение покрылось зеленым мхом. Кругом запустение, мусор и следы присутствия животных...

Где же Кумари? Нигде никого. Только пара американцев разочарованно смотрит вокруг. Прием у Кумари явно окончен. Но нас это не устраивает, мы просим шофера Раджбая сделать что-нибудь. Раджбай сходил во внутренние покои дворца и с сияющим видом сообщил, что сейчас нам поставят тикку, хотя сделает это не сама Кумари. Но она специально для нас покажется вон в том окне... только фотографировать ее нельзя.

Вскоре на галерею вышла изможденная, бедно одетая непалка с огромным эмалированным тазом, на одну треть наполненным красной кашей. Раджбай подсказал: «Подходите за тиккой», Мы переглянулись. Раз-



Рис. 20. Дом живой богини Кумари

ве за этим мы ехали сюда? Но тем не менее мы подставили свои лбы и между бровей у нас выросли большие красные «бородавки», за которые полагалось одарить деньгами. Ох уж это любопытство!

В рамке овального оконца на втором этаже появилась девочка лет восьми в красном платье, украшенная цветами и елочными блестками. Девочка перекинула через перило окна локоток и по-детски повисла на нем, опираясь подмышкой. Она смотрела очень серьезно и смело. Казалось, девочке немного грустно или скучно. Может быть, грим делал ее более взрослой. У девочки были ярко намалеваны, как у хохломской игрушки, щеки и рот, а углы жирно обведенных глаз так подняты, что подчеркивали косой разрез их. Личико, однако, не потеряло от этого миловидности. Перед нами был ребенок, раскрашенный под игрушечного зайчика. Так вот она какая, живая богиня!

Для нас это был только ребенок. А непальцы этому ребенку поклоняются со всей серьезностью, в трудные

моменты жизни обращаются за советом. У одних родственник попал в тюрьму, у других сын завербовался в английскую армию и как в воду канул, этот болен, а у того тяжба... Помоги, Деви Кумари!

Говорят, что если Кумари настроена милостиво, то дает просителям иногда утешение, иногда благословение, иногда предсказывает события. Делает она это обычно через служанку. Но Кумари может принести и несчастье, может навлечь болезнь, если ей покажется, что вы ее не особенно почитаете. Кумари — богиня серьезная! Чтобы угодить ей, недостаточно сделать обычные приношения: фрукты, молоко, цветы, рис. Нет, она требует кровавых жертв.

В семье махараджадхираджа не забывают выразить Кумари свое почитание. Во время Индра джатры (праздника бога рая Индры) и по таким торжественным случаям, как день коронации, свадьба, день рождения ювораджадхираджа и другие, Кумари дарят дорогое сари или парчу на кофточку и золотые монеты.

Считают, что культ живой богини появился незадолго до завоевания Большой долины Притхви Нарайян Шахом. Об этом рассказывается в двух легендах.

Легенда первая. Однажды по приказу раджи Джая Пракаш Маллы из Катманду выгнали очень бедно одетую молодую девушку. Радже было доложено, что у нее дурной глаз и безумные претензии требовать себе поклонения как живой богине Кумари.

И так раджа был неспокоен, а тут еще вскоре его рани заявила, что она сама Кумари, и представила доказательства этого. Раджа очень встревожился: он понял, что дух изгнанной им девушки переселился в его жену. Желая исправить дело, он велел разыскать девушку и привезти с почестями в столицу на государственной колеснице. Он приказал также поселить ее в хорошем доме, а двум молодым банра ухаживать за ней. (Банра — одна из низших подкаст в Непале.)

С тех пор эта должность передается по наследству, и среди слуг Кумари в настоящее время есть прямые потомки тех первых слуг, назначенных раджей Джая Пракаш Маллой. По другим же сведениям, мальчиков из касты банра назначил слугами к Кумари первый махараджа Непала Притхви Нарайян Шах. Но вернемся к легенде. О ней осталось только сказать, что с тех

пор в Катманду появилась новая богиня Кумари, которой народ поклоняется, может быть, с большей верой, так как она живая.

Легенда вторая. В те далекие времена, когда в Большой долине народом правили раджи династии Малла, они дружили с божественными особами. Сама покровительница Непала — богиня Таледжу Бхавани не чуралась дружбы с раджами. Утверждают, что они могли тогда и танцевать с ней в ее храме.

Однажды танцевал с Таледжу Бхавани и раджа Джайя Пракаш Малла. Танцуя с богиней, он поддался ее очарованию больше, чем следовало, почувствовав в ней женщину. Это было всего одно мгновение, и сам раджа еще не осознал своего греха перед богиней, как Таледжу тут же исчезла. Пропала, как будто ее и не было.

Джайя ужаснулся своих желаний, ему стало стыдно, он начал молиться и страстно просить у богини прощенья. В ответ он услышал: «О несчастный раджа! Ты больше никогда не увидишь меня во плоти и крови. Да и дни твои сочтены. Недалеко то время, когда ты потеряешь трон и падет власть династии Малла, к которой ты принадлежишь».

Раджа стал плакать и каяться, а голос богини продолжал: «Раджа! Ты больше не увидишь моего лица, но можешь по-прежнему поклоняться мне. Выбери девочку из самой низшей касты. Она должна быть здоровой, смелой, бесстрашной, на ее теле не должно быть ни одной царапины, ни одна капля крови не должна быть ею потеряна. Эта девочка будет Кумари. Знай, я всегда буду пребывать в ее плоти. Поэтому поклоняйся ей, как мне. Пусть все поклоняются ей. Это будет поклонение мне. Сделай для нее колесницу и в праздник вози в ней по городу. Построй для нее дом. Но учти, что твой трон будет твоим только до тех пор, пока будет строиться Дом Кумари. До того же времени продлится и твоя жизнь».

Голос смолк. Раджа задумался. Нечего делать, надо выполнять повеление Таледжу. Он созвал своих министров, они долго совещались и наконец пришли к единому мнению: Кумари надо выбирать из подкасты банра. Она хотя и принадлежит к низшей касте, но занимается благородным ремеслом — выплавляет золото и делает

из него украшения. А золото ведь один из символов великого Вишну.

Подходящую девочку в подкасте банра нашли и провозгласили ее Кумари, после того как испытали ее и проделали сложный ритуал. Потом начали строить дом для Кумари. Не спешили, но все же через двенадцать лет он был готов.

И вот, когда в очередной раз во время праздника Индра джатры живую богиню возили по Катманду, на город напали войска княжества Горкха под командованием Притхви Нараян Шаха и захватили его. Раджа Джайя Пракаш Малла бежал из города и вскоре умер от ран. Сбылось предсказание богини Таледжу Бхавани.

Притхви Нараян Шах, став махараджей, в благодарность поклонился богине Таледжу «пышным ритуалом», да и Кумари не забыл; подарил ей золотые монеты и велел выделить для нее двух мальчиков-слуг из касты банра, которые бы передавали свою почетную должность по наследству.

С тех пор и утвердился в Непале культ живой богини. Живая богиня сближает простой народ с богами... и с раджами. И вот уже не менее двухсот лет в Непале существует сан Кумари.

Кумари и в настоящее время выбирают из подкасты банра. Это смелая, совершенно бесстрашная и здоровая девочка лет пяти-семи.

О том, как выбирают Кумари, простым смертным знать не положено: это строгая тайна. Впрочем, одно из испытаний кандидатки в Кумари известно. Будущую Кумари оставляют одну на ночь в зале дворца на Ханумандхока. Здесь девочка находится в окружении отрубленных голов разных животных: буйвола, тигра, медведя, козла и других. Около каждой головы зажигают фитилек. Пламя фитилька колеблется, слабо освещая головы мертвых животных, и кажется, что они навестили уши... и в тишине вот-вот раздастся их рев...

Если девочка к утру не потеряет рассудка, останется спокойной, хладнокровной, значит, она выдержала испытание. Ее отводят в Дом Кумари, наряжают в шелка, украшают драгоценностями, делают специальную прическу и раскрашивают лицо. Особенно глаза. Они должны стать очень красивыми: удлиненными с косым раз-

резом. Затем Кумари усаживают на священное кресло и проводят ритуал поклонения ей, как Священной Матери. Теперь Кумари будет главной фигурой некоторых религиозных церемоний. Сам махараджадхирадж каждый год в день Индра джатры поклоняется Кумари и получает от нее тикку.

Став Кумари, девочка живет во дворце без родителей и родственников. За ней ухаживает служанка и присматривает брахман — священник из дворца раджи. Все хозяйство Кумари ведется на государственный счет.

В свободное от обязанностей время Кумари живет как обычный ребенок. Она играет, к ней приходят дети, могут гостить родственники. Кумари ест обычную пищу: вареный рис, черные бобы, мясо, яйца, любит салат и овощное рагу. Но, говорят, Кумари определенно проявляет пристрастие к запаху ладана и дыма. Кумари прощаются заболевания, если они не связаны с кровотечением.

В некоторые моменты на Кумари находит вдохновение, она становится прорицательницей. Поскольку Кумари — ребенок, ее предсказания считаются истинными, божественными, не зависящими от суеты людской. В эти моменты замечается каждое ее слово, каждое движение губ...

Рассказывают, что в 1954 году тогдашний махараджадхирадж Трибхуван Бир Бикрам Шах Дева вместе со старшим сыном Махендрой нанесли Кумари церемониальный визит во время праздника Индры. Им следовало получить из рук Кумари тикку, но Кумари притворилась спящей. Служанка подсказала ей, что перед нею сам махараджадхирадж, что он ждет тики. Кумари мгновенно проснулась и с большой охотой поставила тикку... но не Трибхувану, а Махендре.

Этот эпизод был истолкован в народе как предзнаменование перехода непальского трона в руки Махендры. Скоро так и получилось. В 1955 году Трибхуван умер, его трон занял Махендра.

Живая богиня пребывает на своем «троне» до тех пор, пока на ее коже не появится собственная кровь. Любое ранение, выпадение зуба или естественная причина, связанная с созреванием, лишает Кумари ее божественного сана. Она возвращается в дом к родителям,

на ней остается титул священной дамы и кое-какое обеспечение: жалованье и участок земли с домиком.

В отставке бывшая Кумари со временем может выйти замуж, однако практически этого не бывает, несмотря на то что она невеста завидная: богатая, здоровая и красивая. У нее много поклонников, но редкий парень решится пожать ей руку. Поверье говорит, что мужчина, ставший ее мужем, обязательно платит за это своей жизнью. Рассказывают, что две такие трагические свадьбы были.

Да, вся жизнь Кумари сказка! Но сказка страшная, и все-таки многие завидуют Кумари.

Индра джатра

28 сентября 1966 года по случаю Индра джатры мы были в числе других гостей приглашены во дворец непальских раджей, стоящий в центре Катманду.

Приемный зал находится в пристройке дворца, которая резко контрастирует со всем окружающим и цветом, и стилем, и духом. Белые колонны, широкий пояс балкона, огромные застекленные окна с полукруглым верхом. Эта белая пристройка из другого мира и другого времени, чуждая здесь, вклинилась в темные, традиционно непальские постройки, составляющие на всех площадях удивительно гармоничный ансамбль храмов, дворцов и обыкновенных домов. Со стороны площади Басантапур она прилепилась к самой высокой в Непале девятиэтажной дворцовой башне-пагоде: кубообразное основание из малинового кирпича, накрытое замысловатым «колпаком» и отделанное цветными и черными «кружевами». Каждый ярус «колпака» — усеченную четырехгранную пирамиду с загнутыми углами — поддерживает веер ярко раскрашенных резных подкосов. Фигурки людей, фантастических животных с длинными телами и разверстой пастью. За подкосами — резные деревянные решетки, каждая со своим неповторимым узором; черные наличники и балки, украшенные орнаментом.

Праздник, посвященный царю богов Индре — властелину рая (а также и ада), хозяину неба, распорядителю грома, молнии, дождя и переселившихся (умерших) душ, — считается самым веселым и беззаботным. Надо сказать, что в Непале все праздники — самые, самые.

Один — самый большой, другой — самый религиозный, самый почитаемый, самый торжественный, самый семейный... У непальцев хватает фантазии наделить тьмутьмущую праздников не одним, а часто несколькими названиями.

Происхождение праздника Индры связано с курьезной историей, которая, как говорит легенда, случилась до VI века нашей эры, а может быть, намного раньше.

Однажды богине Индранги, матери Индры, для исполнения ритуала потребовался цветок париджат, которого не оказалось в райском саду. Она попросила своего сына Индру спуститься на землю и поискать цветок в земных садах. Индра спустился на землю, в Катманду, и в одном саду увидел то, что искал. Ни у кого не спрашивая разрешения, он проник в сад и сорвал цветок. А хозяин сада его увидел, схватил как вора и запер в темном помещении.

Индранги долго ждала сына, и наконец, поняв, что с ним что-то случилось, сама спустилась на землю и скоро нашла его связанным, в заточении.

Когда люди узнали, кто был похитителем цветка, то очень удивились и стали раскаиваться в своем грубом обращении с Индрой, молить о прощении. Боги простили их. И тогда обрадованные жители Катманду сделали этот день праздником поклонения Индре.

Нам пришлось слышать, что в этот праздник народ веселится и по случаю окончания сельскохозяйственных работ, конца уборки урожая. Но меня смущает, во-первых, то, что уборка основной культуры — риса — ко дню Индры в долине Катманду в некоторые годы не только не заканчивается, но еще и не начинается. Праздник приходится на 12-й день луны в месяце Бходра (август—сентябрь). Во-вторых, в Непале земля фактически редко пустует и зимой, на ней круглый год что-нибудь растет. Уберут рис, сеют пшеницу, сажают овощи, батат, бобы, горчицу и т. п. Весь год что-то цветет, что-то плодоносит. Наступление дождливого периода или его окончание — это более определено. И пожалуй, Индра джатра приурочена к концу дождливого сезона. Ведь Индра — распорядитель дождя, поэтому говорят, что в этот праздник, как правило, бывает дождь, хоть небольшой, один из последних дождей муссонного периода. Вот и сегодня, кажется, дождь будет, хотя с утра все улы-

балось: оплавленное солнце сверкало в голубом небе и отражалось в лужах, темная земля дымилась, умытые деревья стояли замерев. Теперь же, к середине дня, небо заволокло дымными тучами и все притихло в парной истоме.

Мы приехали на праздник заблаговременно, но нам пришлось выйти из машины, не доезжая до Дарбара. Все площади и прилегающие к ним улицы затопила неострая толпа непальцев, среди них попадались и иностранцы с фото- и киноаппаратами, но они тонули среди ярких кофточек, шарфиков, сари. Всюду тики, блестящие украшения на шеях, на ушах... Черные волосы, смазанные маслом, украшены цветами и бантиками. Мужчины — в цветных топи*, в светлой выстиранной одежде... Особенно тесно на Дарбаре. Здесь занята людьми не только земля, но и каждый выступ на окружающих постройках. Ступенчатые постаменты храмов превратились в пирамиды из человеческих тел; колонны, несущие крыши, как бы покоятся на плечах людей, а сами стройные, легкие золоченые крыши в три яруса с загнутыми углами вырисовываются на светлом небе, словно готовые взлететь. Люди высовываются из окон окружающих домов, сидят на стенах и даже на крышах. Толпа глухо гудит. Крепко пахнет потом, прогорклым маслом, пряными цветами и еще чем-то.

Вдоль южной стены дворца, на площади Басантапур, где в будни прямо с земли торгуют овощами и фруктами, сегодня стоят три древние колесницы, вырубленные из крепких пород дерева при помощи только топора. С громадных колес без спиц и обода смотрят по три всевидящих глаза. Изогнутое резное дышло толщиной с бревно. Храмообразные домики, поставленные на эти колесницы, украшены цветными лоскутками, гирляндами уже увядших цветов и блестками. В колесницах никого не было.

Приемный зал дворца тоже был еще полупустым, и мы могли его рассмотреть без помех. Здесь явно боролись европейский и азиатский стили. Хрустальные подвески на люстрах, изящные изгибы лепки потолка и стен, окрашенных в нежнейшие цвета, фарфоровые ва-

* Топи — мужской головной убор, по форме похожий на пилотку.

зы и прямоугольная массивная арка из темного дерева с чешуйчатыми драконами. Вблизи нее с потолка спускаются почти черные фонари из резных деревянных решеток, на них тоже струятся драконы. На стенах — галерея портретов, выполненных маслом во весь рост. Махараджи, махарани — вся династия, к которой принадлежит и правящий в наши дни Махендра Бир Бикрам Шах Дева. В парадных одеждах, сверкающих драгоценными камнями, золотом и серебром, в мехах и бархате, со знаками власти в руках. Лица красивые, яркие. Черные глаза, иссиня-черные волосы...

Вокруг нас становилось теснее, зал наполнялся чиновниками в черно-белом, военными в зеленом и иностранцами из дипломатического корпуса. Нам показалось, что в лицах многих непальцев есть что-то общее с портретами. Матовость гладкой кожи, мягко очерченные носы с горбинкой и глаза...

Ждали Махендру. Скоро усилившееся движение и суэта черно-белых и зеленых фигур подсказали, что Махендра прибыл. Все сначала сдвинулись к красной дорожке, а потом отхлынули от нее. Бело-черные фигуры с обеих сторон дорожки склонились в низком поклоне со сложенными ладонями.

По дорожке легко и свободно с непроницаемо спокойным и приветливым лицом, в больших зеркальных очках шел Махендра. Оркестр играл национальный гимн.

Махендра немного побыл в зале, удостоив некоторых гостей своим вниманием, и вышел на балкон. С площади не понеслись крики приветствия, не взлетели вверх топи, но толпа, несмотря на цепь полицейских в белых перчатках и гуркхов на лошадях, всколыхнулась и придвинулась ближе к балкону. Всем хотелось получше рассмотреть своего земного бога.

На переднем плане несколько танцоров в лохматых крашенных париках из хвостов яков и плоских синих или багровых масках усиленно выделявали все одно и то же па.

Вдруг в самом центре площади появилась корова с теленком. Теленок безмятежно сосал вымя матери. Полицейские накинулись на корову с резиновыми палками, забыв о ее божественной неприкосновенности.

Махендра бросил плясунам несколько серебряных

монет, то же сделал кое-кто из чиновников, но никакой свалки не произошло. Известно, что это только символическое пожелание блага народу.

В это время за углом дворца, около колесниц, толпа расступилась. Из Дома Кумари вынесли на руках маленькую сильно накрашенную девочку в красном платье с блестками и двух мальчиков и бережно усадили их в приготовленные колесницы. В первой и самой большой колеснице на бархатном кресле с золоченой спинкой поместилась Кумари, в следующей — Ганеш *, а затем — Бхайрав **.

Сейчас же на колесницы забрались родственники и почитатели божественных особ и со всех сторон облепили «домики». Было заметно, с каким удовольствием они показываются на людях. На первой колеснице одни усиленно обмахивали веерами Кумари, другие просто толкались и загораживали собою живую богиню от зрителей.

К колесницам стали подносить приношения. Для Кумари подали несколько больших медных подносов со съестным: с рисом, украшенным коричневой надписью, с сушеной рыбой, фруктами, овощами, а также с цветами. Все это мужчины, находящиеся на колеснице, деловито ссыпали в мешки.

Около колесницы появился непалец самого обычного вида: босой, в национальном костюме с черной безрукавкой и в черной шапочке. Планка ворота длинной, почти до колен рубахи завязана у подмышки; брюки, собранные пышным пузырем у пояса, ниже колен плотно облегают худые ноги. Мужчина держал на руках белого барана. Он встал перед колесницей, опустил на землю барана, который, как будто понимая всю безысходность своего положения (а непальцы, должно быть, думают — понимая свое высокое предназначение жертвы: ведь он «дал свое согласие» быть жертвой), смиренно стоял, опустив голову, в кольце людей. Впрочем, задние ноги у барана были связаны.

Мужчина достал из-за пояса кхукри, отступил на шаг... и на глазах у Кумари одним ударом отрубил ба-

* Ганеш — божество с головой слона, сын бога Шивы и богини Парвати: бог благополучия, удачи.

** Бхайрав (Бхайрава) — карающий бог, бог правосудия, является одним из воплощений Шивы, изображается черным.



Рис. 21. «Бхайрав» в составе церемониального шествия во время праздника Индры

много добровольцев, они ухватились за канаты, за дышло, за борта, даже за колеса, пытались сдвинуть их с места, но это им долго не удавалось. Уж очень недружны были их усилия. Наконец, поезд тронулся, хотя и не совсем туда, куда надо, но все же, виляя, пополз под гиканье толпы, врезаясь в нее.

Нелегко будет юной Кумари выдержать весь долгий путь, сохраняя под взглядами толпы бесстрашие богини.

Махендра покинул балкон. Послышался треск мотоциклов, команды полицейских. Хлынули к выходу из дворца и все гости.

А на улице народу не убывало. Праздник только еще набирал силу. Народ стал веселиться, в толпе образовались полыньи, где плясали и кривлялись ряженые. На многих из них были нищенские костюмы. Никаких красок и блесков не было и в помине. Мешковина, веревки, истлевшие грязные тряпки, дырявые шляпы, солома, рогожа, огрызки метелок, тела и лица, испачканные сажой и грязью... В одном месте такой герой вел на соломенной веревке донельзя запаршивевшую соба-

раиу голову, подхватил его тушу, ловко вставил в горло трубочку, из которой забил красный фонтан. Затем, не торопясь, обошел вокруг колесницы, обогрив ее.

Кумари на все смотрела совершенно спокойно, серьезно, с сознанием собственного величия. Когда Махендра бросил ей с балкона серебряную монету, она подарила его совсем не детским, даже несколько высокомерным взглядом.

Теперь поезд из трех колесниц должен начать свое трехдневное шествие по городу, выписывая контур священного меча. К колесницам подошло

ку; в другом — группа испачканных сажей парней увлеченно швыряла друг в друга какой-то трухой; здесь излетал в воздух вместо мяча голик, а тут в тесном кружке до одури кружилась под хлопанье в ладони пьяная женщина, она курила, кружилась и время от времени взвизгивала. И она была счастлива, и зрители довольны. Все же развлечение...

Позднее здесь, на площади, любители будут разгрызать сцены из легенд об Индре и о Кумари. Сегодня и Кумари — героиня праздника.

Говорят, что в этот праздник самодеятельные артисты исполняют свои новые песни и танцы. Но это будет поздно. А пока народ занят другим. Вот на приступке храма сидит на корточках мужчина и самозабвенно нараспев читает молитвенные стихи для публики, хотя публика на него не обращает никакого внимания. Не больше везет и продавцам надувных шариков, бумажных игрушек, сладостей и воды. Зато черному Бхайраву сегодня уделяют усиленное внимание. Это воплощение Шивы стараются изобразить как можно более устрашающим. Он черный, с огромной головой и нелепо маленьким пузатым туловищем. От ярости выкатились глаза, оскалены звериные клыки, в четырех руках — оружие. Высоко занесенный меч готов обрушиться на всякого, кто нарушит закон.

Большой квадратный барельеф Бхайрава стоит, как плакат, почти на дороге при входе на площадь Дарбар с северной стороны. К нему непрерывно подходят женщины, мужчины, дети. Кланяются, берут прах от коротких ножек, прикладывают к своему лбу, бросают по нескольку зерен риса...

Небо над городом, давно затянутое низкими тучами, вдруг потемнело, и пошел дождь. Пошел-таки! И разогнал весь народ.

Тихар

Не успела я еще «переварить» все впечатления от Дурга луджи и от Кумари, как узнала от переводчика Нарайян Дасса, что совсем скоро опять будет большой праздник — Тихар.

И этот праздник имеет несколько названий. Он и просто праздник, что на непали звучит как тихар (от

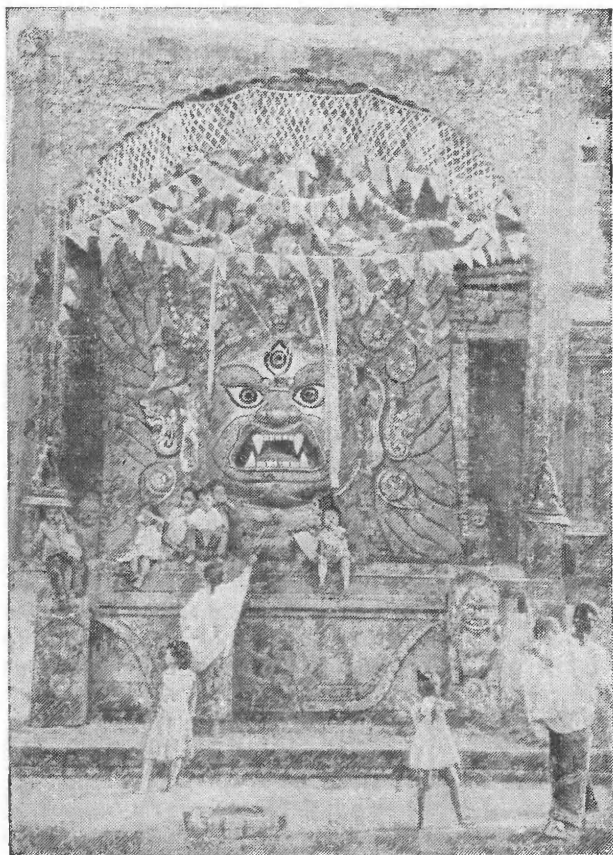


Рис. 22. Бхайрав на площади Ханумандхока.
Это изображение открывают только раз в году
по случаю праздника Индры

санскритского тьяухар), он и Сванти, трехдневный праздник (искаженное от сванху титхинакхах), он и пятидневный, и шестидневный. В шестидневном празднике в первый день поклоняются слону и Ганешу; во второй — вороне; в третий — собаке; в четвертый — корове; в пятый — горе Говардан, буйволу и радже Бали; в шестой

день происходит взаимное поклонение сестер братьям и братьев сестрам.

В Катманду этот праздник популярен как пятидневный, а называется Тихар. В первый его день поклоняются вороне. Ворона — символ бога смерти Ямы. Во второй день поклоняются собаке как другу человека, верному и безответному. В третий — корове. Корова — символ божественной Матери — богини Лакшми, богини здоровья и благополучия. Но есть и другие причины праздновать этот день. Тут и радость от того, что Вишну в этот день убил демона Наракасура и тем подарил всем живущим на земле мир. Тут и канун Нового года у неваров (13 ноября) — Мха пуджа. Тут и праздник огней по поводу... Но, кажется, мы уж и так Вас, читатель, утомили. Вы видите, что поводов для торжества достаточно и все один другого достойнее.

В четвертый день причин для поклонения не меньше. Нам сказали: «Немало есть мифических историй, связанных с поклонениями в этот день». Придется поверить.

Пятый день праздника известен как Бхай пуджа, т. е. поклонение сестер братьям и наоборот. Даже сам бог Яма в этот день отдыхает от своих дел, он наслаждается почестями, которые ему воздаёт его сестра Ямуна.

В праздник Тихар в течение трех дней не работают государственные учреждения, не выходят газеты...

Что мы, иностранцы, заметили со стороны в этот праздник?

В первый день непальцы кое-где подкармливали ворон. А их в Непале тьма-тьмущая. Нахальные, хитрые...

Во второй день наш Браун, огромный коричневый пес, с самого утра бегал с гирляндой из сиреневых цветов на шее и с красной тикой на лбу. Разумеется, и другие собаки в этот день чувствовали человеческое обращение с собой.

В третий день на улицах разгуливали с гирляндами цветов на шее коровы. У некоторых были выкрашены красной краской морды и рога, у других в красных яблоках были бока и ноги. Рано утром в центре города состоялась церемония поклонения корове как самой богине Лакшми.

Вечером многие дома были иллюминированы. Ма-

ленькие глиняные плошки, в которых горело, как в лампадках, масло, были выставлены на подоконниках, на карнизах домов и у дверей на земле. Это чествовали богиню Лакшми. Если дом не освещен огнями, то богиня Лакшми и не войдет в него. А если оказывать богине почести, не задумываясь о расходах, и усердно молиться, то — непальцы верят — можно разбогатеть, даже стать миллионером. Для этого надо угодить богине Лакшми, богине семейного благополучия.

На четвертый день праздника мы ничего не заметили. А на пятый день мы видели группу ребятишек в одежде отнюдь не праздничной, которые во главе с рослым парнем пели под окнами домов какую-то однообразную песенку-переключку. Рослый парень скажет фразу, все хором ему ответят. Снова фраза, снова — хорошей ответ. Ребятишки быстро шли от одного дома к другому, в некоторые заходили. Это шествие напоминало наше старинное славение Христа на рождество, только более простое и торопливое. В награду за песенку ребятишки получали от хозяев лакомства или мелкую монету.

В других районах Непала в этот праздник, говорят, ночью самодеятельные артисты на площадях дают представления, разыгрывают драмы, конечно, религиозного содержания. В состоятельных семьях в эту ночь развлекаются музыкой, пением и танцами. Но главное содержание пятого дня праздника Тихар составляет Бхай пуджа. Мне посчастливилось присутствовать на этой церемонии в неварской семье, у переводчика Нарайян Дасса.

Нарайян Дасс в этот день не работал. Пуджа должна была состояться в доме его старшей сестры в полдень. Нас встретила миловидная молодая женщина хрупкого сложения, одетая в цветное сари. Трое ребятишек в одних рубашонках кружились возле нес. На мгновение показался и муж женщины, молодой приятный мужчина. Он бизнесмен, содержит лавочку в своем доме. Дом этот находится в старом районе города. Здесь на очень узких улочках жмутся друг к другу трех- и четырехэтажные старые кирпичные дома. Их фасады — нагромождение сказочных теремов. Навесы, подкосы, полуовальные окошечки и балкончики на разной высоте, всюду обветшалые деревянные «кружева». Осыпающие-

ся черепичные крыши поросли густой травой и кустарником. На некоторых крышах ходят привязанные за ногу куры.

По приставной узкой лесенке без перил мы поднялись на третий этаж такого же старого дома. С подкоров дома, как и в соседних домах, спускаются связки чеснока и красного перца, а также тряпки, вывешенные для просушки.

На лестничной площадке, подмазанной глиной, мы сняли обувь. Затем, согнувшись в три погибели, я перешагнула высокий порог маленькой двери и оказалась в небольшой комнате. Несомненно, в ней жили — по индийским понятиям — не бедные люди. В глубине комнаты — почти во всю ее ширину — стояла железная кровать об одной спинке с подушками в марлевых наволочках. Рядом с кроватью на полу мягкая подстилка. На кровати спит хозяин дома, на полу — его жена. Справа от двери стоит серый от въевшейся пыли низенький шкаф, на нем — приемник. В остальном комната, как всюду: глиняный пол, небеленые стены, черные ребра балок на потолке, два оконных проема без рам и стекол, но зато с перилами, начинаются от самого пола.

На стене под потолком ряд красочных картинок религиозного содержания. На полу у стен справа и слева лежат узкие коврики, на один из них мне предложили сесть. Я села на поджатые ноги. «Ох как неудобно! Как я это выдержу?» — подумала я. Но хозяева, видимо, и сами сообразили, что мне неудобно, потому что вскоре появился колченогий венский стул. Теперь мне и видно было все лучше.

Нарайян Дасс сел со скрещенными ногами на другой коврик, принял позу лотоса и стал похож на большую статую Будды, так прям и неподвижен он был. Лицо его при этом оставалось глубоко серьезным и очень спокойным. Перед ним, прямо на полу, были нанесены узоры цветными порошками, крошками пищи и мелко изорванными цветами. В целом они походили на три пестрых квадратных коврика. В центре их укреплены ароматические палочки. Перед каждым квадратом лежат горкой бананы, лимоны, цветочные гирлянды. В стороне в медном тазике растертые в порошок краски разных цветов, рис сырой и рис вареный крашенный, воздушная

кукуруза, в крохотной плоскешке растительное масло, сухие фитильки, палочки.

Средний квадрат находится как раз перед Нарайяном.

Вернулась сестра Нарайяна и, слегка улыбаясь, грациозно стала хлопотать над «ковриками». В квадрат справа поставила бронзовую фигурку Ганеша, в квадрат слева — какого-то другого бога. Стало понятно, что средний «коврик» предназначен для Нарайяна.

Вот как чествует сестра своего брата! Она уподобляет его богу. Не самому высшему, но все же весьма почитаемому.

Затем сестра Нарайяна приступила к пудже. Во все квадраты по очереди, начиная с квадрата Ганеша, были брошены листья каннов, кусочки вареного яйца, рыбы, зерна риса. Тонкая рука зажгла везде промасленные фитильки и все побрызгала водой. Она делала подношения богам.

Мне казалось, что сначала женщина сопровождала все движения приговариванием, а потом все делала молча. Впрочем, включили приемник и комнатка сразу наполнилась индийской музыкой.

Вот к ногам фигурок богов брошен рис, крошки пищи, размочаленные цветы, облачком взлетела красная пудра, все побрызгано водой... Красной и желтой краской помазан лежащий в каждом квадрате лимон, зажжено по три фитиля...

Курятся ароматические палочки, качаются, коптя, язычки пламени, из приемника льется торжественно-заунывная музыка. Тонкая женская рука все что-то берет и бросает в квадраты, берет и бросает... Ганешу, Нарайяну, третьему богу... Вот эта рука подает Нарайяну щепоткой рис, кашеобразную пищу, цветы, он берет все это и бросает по очереди во все квадраты; берет горящий фитилек... воду...

Рука сыпала рисом голову Нарайяна. Потом бросила на нее лепестки цветов. Зажгла фитилек на ладони Нарайяна, а он приблизился к нему лбом, три раза побрызгала вокруг него водой... и еще... и еще что-то делала.

Музыка все завывает, завывает... Коптят горящие в масле фитильки, сильно пахнет благовониями, такими непривычными, дурманящими. Большая «статуя Будды»

передо мной расплывается в тумане. Трудно дышать. Когда же все это кончится?!

Наконец тонкая рука сделала тикку Ганешу. То же самое сделал Нарайян. Рука украсила лоб Нарайяна пятицветной тиккой. Затем накинула на Ганеша гирлянду из цветов... А на шее у Нарайяна уже две гирлянды: лиловая, как у Ганеша, и белая. Но этого было мало. Рука надела ему на шею еще толстую нитку с пучком цветных лоскутков. Это специальное украшение — свидетельство поклонения от сестры. Я уже раньше видела такие шнурочки на шеях у мужчин. Ну, думаю, теперь пуджа кончится. Но не тут-то было.

Принесли вареное очищенное яйцо, смазанное маслом, и несколько крохотных жареных рыбок. От всего понемногу бросили в каждый квадрат, остальное отдали Нарайяну, и он тут же все это с достоинством съел.

«Ну теперь-то пуджа кончилась!» — подумала я. Но чад фитилей и благовония остались. И музыка... Прямо какое-то наваждение.

Отуманенная, я поднялась со стула и стала благодарить хозяев, собираясь уйти. Но Нарайян не шевельнулся на своем месте. Он стал горячо упрашивать меня подождать еще минут пять, не больше. Только пять минут! Я поняла, что Нарайян еще не может покинуть своего места, он сидел все так же прямо, все в той же позе Будды.

Прошло действительно совсем немного времени, и в комнате снова появилась сестра Нарайяна в сопровождении другой женщины. Они принесли два подноса со снедью, большой и маленький. Большой поставили перед Нарайяном на пол. В углублениях подноса были разные кушанья, которых по-непальским нормам хватило бы на целую семью, может быть даже и не на один раз. Непальцы в обычные дни едят очень умеренно. Тут было пять мясных блюд, рыба, тушеные овощи, гороховое пюре. Горка крупобразной сухой массы заменяла традиционную горку вареного риса. Это был непальский праздничный обед.

Блюда приносили еще несколько раз. Под конец принесли в глиняной миске простоквашу. Перепачканными краской руками Нарайян ел, не меняя позы и не сдвигаясь с места. Не спеша, понемногу он отведал каждо-

го блюда. Покончив с последним, он встал, чтобы вымыть руки.

Маленький поднос предназначался для меня. Сначала сестра Нарайяна сделала мне тiku на лбу из красной рисовой каши, а потом предложила мне угощение. На подносе были два очищенных банана и мандарин, лепешка, хворост, сваренный в жире, полупрозрачный кренделек, шарик из темной массы, кусочек пирожного со следами серебряной бумаги. Потом еще принесли очищенное яйцо, блестящее от масла, и налили в стакан непальской водки, по виду похожей на разбавленное водой молоко.

Узнав, что водка у нас считается напитком для мужчин, хозяева быстро исправили положение. Из шкафа извлекли другой стакан и наполнили его вином собственного изготовления. Вино оказалось мутноватым на вид и кисловатым, сласти хорошо его дополняли.

Вот теперь можно и уходить. Нарайян, я вижу, стоит, но почему-то не уходит, ждет. Но вот вошли женщины и вручили нам по пакетику со сладостями на дорожку.

В моем пакетице были: леденец, несколько изюминок, три гвоздика гвоздики, желтые вермишелинки, несколько горошин и два кусочка твердого полосатого ореха. Кусочки ореха предназначены для очистки зубов, их перекачивают во рту, как бы жуют.

Да, я совсем забыла. В конце церемонии Нарайян в благодарность за чествование подарил сестре сари и несколько медных монет. Сестра взяла подарок, не глядя и не поблагодарив, как бы между прочим или как должное.

После церемонии Нарайян снял с шеи гирлянды цветов, а шнурок оставил и будет его носить еще несколько дней.

Брат и сестра расстались довольные друг другом. «Намасте! Намасте!»

Новый год

В Непале Новый год бывает несколько раз в году... потому что там живут не по одному календарю. Известно по крайней мере пять календарей. Викрам сам-

бат*, Непал самбат, Шакья (Шака) самбат, Трибхуван самбат и европейский, без него теперь тоже нельзя обойтись.

Год в непальских календарях разбит на 12 месяцев, но продолжительность их связывают с луной, поэтому в месяце от 28 до 32 дней.

Календарь, т. е. новый отсчет времени, начинался всякий раз в ознаменование какого-то важного события для страны или в память о достойном радже. И объявлялась новая «эпоха». О событии, которое послужило началом для наиболее распространенного календаря — Викрам самбат (Викрамадитья), рассказывает легенда.

Жил в Непальской долине раджа Дхармагат, он был очень набожным: каждую ночь совершал омовение в речке Манохара, что протекает восточнее города Катманду. А потом он поднимался на высокую гору неподалеку от городка Саху и там усердно молился богам. Особенно чтит он богиню Ваджрайогини — богиню грозы.

Многие боги спускались к нему, и была с ними богиня Ваджрайогини, но не внимали они молитвам раджи Дхармагата.

Однажды Дхармагат во время молитвы в отчаянии пообещал богам принести в жертву самого себя. На той горе, где он всегда молился, он развел огонь под большим котлом, котел наполнил маслом и, когда масло закипело, бросился в него.

Боги собрались и все попробовали это жаркое. Оно им понравилось, понравилось и богине Ваджрайогини. Она в благодарность оживила Дхармагата, а боги сказали ему: «Возьми себе столько золота, сколько сможешь унести».

Счастливый Дхармагат нагрузился золотом и пошел домой. Он стал самым богатым человеком в стране, так как продолжал ходить молиться на облюбованную гору, каждый раз приносил свое тело в жертву Ваджрайогини и получал за это золота, сколько мог унести.

Дхармагат построил город Бишальнагар и уплатил все долги всех граждан своего государства. И граждане боготворили его.

В это время из индийской страны Уджайн приехал

* Самбат — эпоха, эра.

в Непал раджа Викрамадитья для того, чтобы помолиться богине Ваджрайогини. Город Бишальнагар удивил его своей красотой и богатством, и вообще Непал ему так понравился, что он решил остаться здесь.

Викрамадитья стал часто бывать у раджи Дхармагата и, желая сделать ему приятное, дарил ему богатые подарки. Он думал, что удивит раджу Дхармагата, но удивился сам, увидев, как богат Дхармагат. Он заметил, что золота у него с каждым днем становится все больше. Откуда же оно? Любопытство не давало покоя Викрамадитье, и он решил проследить за Дхармагатом. И увидел он, как Дхармагат рано утром совершает омовение в священной реке, поднимается на высокую гору, помолившись, разводит там огонь под котлом и бросается в него и как боги, отведав жаркого из тела его, всякий раз его награждают...

Викрамадитья тоже захотел получить золото.

На другой день он встал раньше Дхармагата и проделал все, что делал и Дхармагат, а помолившись богине Ваджрайогини и разведя костер, он, прежде чем броситься в котел, долго натирал свое тело разными специями. Боги отведали этого жаркого, и оно понравилось им гораздо больше, чем прежде. И решили они тогда наградить Викрамадитью лучше. Они раскрыли ему тайну изготовления золота. «Овладев этой тайной, ты будешь самым богатым человеком на земле. А ходить тебе сюда на гору больше не надо», — сказали ему боги.

Тут появился Дхармагат и стал готовиться к жертвоприношению. Но боги сказали ему, что больше не нуждаются в его жертвах, ибо они вкусили лучшую жертву. «Идите оба к людям», — сказали боги.

Тогда Викрамадитья пал в ноги Дхармагату и стал просить прощения. Дхармагат велел ему встать и сказал: «Я всю жизнь посвятил богине Ваджрайогини, не жалел для нее и самой жизни, но ты оказался ей более угоден. Живи здесь в Непале и управляй государством, а я пойду в далекие края молиться».

Викрамадитья стал управлять государством Бишальнагар. От этого события и пошел новый счет годам. Угодного Ваджрайогини правителя боготворили и люди. В честь богини был построен храм на горе, чуть ниже того места, где Викрамадитья и Дхармагат приносили

свое тело в жертву богам. Храм этот и теперь стоит, внутри него золоченая статуя Ваджрайогини.

По календарю Викрамадितья непальцы жили много веков, пока не произошло новое событие, от которого начался новый календарь — Непал самбат и новая эра — Непальская. Легенду, которая рассказывает, как это произошло, напечатали одна из газет в Катманду перед очередным Новым годом — в октябре. Газета особенно подчеркнула, что всякая новая эра начинается только тогда, когда находится человек, который может и хочет уплатить все долги и налоги всех граждан страны. При наступлении Непальской эры это условие было соблюдено. Кроме того, уверяет газета, Непальская эра принесла непальцам «вдохновение», избавив от предыдущих тяжелых эпох Сака, Тхакури и Викрамадитья (?!).

Легенда о происхождении Непал самбат. Жил в Бхадгаоне ученый астролог. Книги помогли ему найти способ получения золота из песка. Нужный песок находился в определенном месте на реке в Катманду, а брать его надлежало в определенный час. О своем открытии астролог сообщил радже Бхадгаона. Тот поверил астрологу, и несколько кули отправились ночью за песком из Бхадгаона в Катманду. В нужном месте они наполнили свои кхарпаны и зашагали по дороге обратно. Казалось, все кругом спало, но вдруг их кто-то окликнул. Это купец Шанкхадхар из Катманду узнал в них пришельцев. Он очень удивился тому, что они делали.

«Нет у вас в Бхадгаоне песку, что ли, что вы несете его из такой дали?» — спросил он. «Таков приказ раджи», — ответил ему кули.

Шанкхадхар начал о чем-то догадываться: «Вы устали, наверно, зайдите ко мне, отдохните».

Он их накормил и угостил вином, а потом говорит: «И охота вам нести такую тяжесть? Песок как песок. Ссыпайте его сюда и идите налегке, а около Бхадгаона другого наберете. А мне как раз песок нужен». И он вытряхнул песок из корзины кули.

Кули принесли радже другого песка. Раджа ждал, ждал чуда превращения песка, не дождался и побежал к астрологу сказать об этом. Тот сильно опечалился. Бросил ученые книги в огонь, хотел и сам сгореть, да

видит, возвращается к нему раджа. «Ты, — говорит, — не совсем неправ, вот на дне корзины я нашел немного золота». И они оба повеселели.

А у Шанхадхара весь песок превратился в золото. Он очень обрадовался, но, будучи человеком религиозным, решил это богатство употребить не для себя. Он заявил, что уплатит все долги всех граждан Непала. И все люди обрадовались до такой степени, что увидели в этом новую эру, которую и назвали Непальской. И появился новый календарь.

Начало его невары отмечают как праздник Нового года. Это происходит сразу после Лакшми пуджи, 13 ноября, с восходом луны.

Итак, в настоящее время в Непале, по Викрам самбат, с 14 апреля 1971 года пошел 2028 год. По Непал самбат — 1092 год начнется 20 октября 1971 года. По Шакья самбат, идет 1893 год. По европейскому календарю — 1971 год. А Трибхуван самбат начался 18 февраля 1951 года. Это национальный праздник в Непале — день провозглашения демократии, день победы над тиранией семейства Рана. Настоящая революция. Поскольку произошла она при махараджадхирадже Трибхуване, то и получила название Трибхуван самбат.

Европейский календарь принимают во внимание только государственные чиновники, бизнесмены и, конечно, махараджадхирадж, т. е. люди, которые по роду своей деятельности сталкиваются с внешним миром, с иностранцами. Махендра шлет поздравления и добрые пожелания к Новому году в иностранные посольства, находящиеся в Катманду. По его примеру и государственные чиновники, как люди вежливые, тоже поздравляют своих друзей, коллег и иностранцев из делового мира. На поздравительных открытках торговцы магазинов канцелярских товаров в это время делают неплохой бизнес. Они быстро поняли свою выгоду и предлагают такой ассортимент открыток, который может удовлетворить покупателей всех национальностей и вероисповеданий. Здесь открытки, напечатанные и рисованные от руки, с инкрустациями, с аппликациями из соломы, перьев, блестящих чешуек, складные, одинарные, двойные, подмигивающие... Здесь и рождение Христа в яслях, приключения Будды и изображения индуистских богов и богинь, цветы, пальмы, елки, бело-

зубые пегры, босые индианки, обвешанные украшениями, и американские денди, пьющие вино и целующие красоток... А здесь среди диких гор над пропастью идет по паутинке мостика непальский кули.

Этим собственно и ограничивается все внимание к Новому году, принятому во всем западном мире.

Совсем по-другому отмечают непальцы свой Новый год. Это жертвоприношения, массовое уличное гулянье (хотя гулянье не самоцель), процессии, поклонения богам и религиозные ритуалы.

Задолго до праздника начинает оживать торговля, по улицам ходят медлительные горцы, женщины выметают сор из домов, собираются поближе к священным местам нищие.

В разных местах Непала Новый год празднуют по-разному, но особенно красочно он проходит у неваров в Бхадгаоне и в ближайших к нему деревнях: Тхимй и Бодэ. Праздник вычисляется по солнечному календарю, поэтому всегда приходится на 13—15 апреля по нашему календарю, а называется бискет.

Бискет в переводе с неварского значит «убийство змеи» (би — змея, шяк — убить). Объяснение такому названию есть в двух легендах.

Легенда первая. В давние, давние времена на Непальскую долину часто нападали кираты*. Страдал от них и Бхадгаон. И вот во время очередного набега киратов на город раджа Бхадгаона обратился за помощью к монаху-волшебнику по имени Шекхар Ачарья.

Шекхар обладал редким даром превращать одни вещи в другие. Он сделал тысячу тигров, и они прогнали киратов. Обо всем этом узнала жена Шекхара и стала просить его показать ей превращения, хотя бы на себе. Муж согласился, но при одном условии: жена должна бросить в него зернышко риса, которое он ей даст, тогда он снова станет самим собой.

Жена тут же согласилась и получила от мужа зернышко риса. И вдруг муж превратился в огромного питона. Это было так неожиданно, а змея была такой страшной, что глупая женщина очень испугалась, забывла о своем обещании и побежала куда глаза глядят.

* Кираты — одна из народностей, живущих в границах современного Непала.

Змея кинулась за ней, но этим напугала ее еще больше, женщина уронила рисовое зернышко, оно упало на нее и... она тоже превратилась в змею.

Теперь две змеи не могли сами вернуть себе человеческий образ.

«Вот если бы раджа помог! Он знает их тайну, и сам кое-что умеет...» Питоны надеялись, что раджа догадается, кто они, и выручит их. Они каждое утро приползали к дверям его дворца. Но напрасно. В одно прекрасное утро их убили.

И тогда ушли все змеи из долины. В долину пришла сильная засуха и вслед за ней голод. Народ стал роптать. Тогда раджа вспомнил о чародее и пошел к нему за помощью. Тут и узнал он, что чародей погиб в образе змеи.

И не было помощи людям, и наступил великий мор.

Собрал тогда раджа весь народ. Люди молились Змею, приносили ему жертвы и просили вернуться к людям и помочь им...

С тех пор это поклонение Змею в Новый год стало обычаем. Если в это время люди видят в долине змей, то считают это хорошим знаком. Это посланцы того убитого Змея — царя змей. Значит, засухи не будет: ведь змеи не любят засухи, не будет ни голода, ни болезней. Люди радуются. Еще большую радость вызывают облака на небе и дождик, хоть самый маленький, первый дождь.

Легенда вторая. Известно, что в давние времена Непальская долина была царством змей. Наверно, людям все же было не очень уютно в их обществе, и вот однажды тантристы* выгнали их, но не всех. Осталась дочь короля змей. Она приняла образ прекрасной девушки и вышла замуж за принца. Счастье принца длилось недолго: утром после брачной ночи его нашли в постели мертвым.

Принцесса-змея не хотела быть вдовой и снова вышла замуж. Наутро нового мужа тоже нашли мертвым. И так продолжалось долго. Много юношей погибло, и не было больше желающих стать мужем принцессы. На-

* *Т а н т р и з м* — религиозно-мистическое учение, смесь магии и поклонения шакти (женскому началу), распространено среди индуистов и буддистов.

конец, слуги нашли дурака, он сидел на дереве и рубил под собой сук.

— Эй, дурак, слезай, пока не упал. Хочешь быть принцем? Становись мужем принцессы.

Дураку такое предложение было очень лестно, и он согласился, хотя и был очень удивлен. Когда настала ночь, дурак решил, что не будет спать. Он не спал и все рассматривал принцессу. «Неужели это моя жена?» — думал он.

Вдруг среди ночи видит он, что у его жены из ноздрей появились две нитки. Нитки стали удлиняться, утолщаться и превратились в двух змей. Дурак взял да и отрубил их.

Утром пришли слуги с носилками за очередным покойником, а дурак им говорит: «Не трудитесь и не печальтесь, я жив».

Весть быстро облетела весь город. Все радовались убийству змей. Теперь не будут напрасно погибать мужчины. Дурака сделали раджей. И появился праздник в честь новой, светлой эры.

Главными в празднике являются два момента: поклонение Бхайраву и установление, а потом наклонение длинного столба. Впрочем, обе части вполне сочетаются. Столб есть, по существу, Шива (так как столб — это линга, а линга — воплощение Шивы и его символ), и Бхайрав — тоже одно из воплощений Шивы.

Праздник длится 8 дней (по другим сведениям — 11—13 дней). За четыре дня до Нового года из храмов — убежищ богов выкатывают три разохшиеся, пыльные колесницы и начинают готовить их к празднику. Колесницы — эти ступенчатые платформы на огромных деревянных колесах, с установленными на них храмообразными домиками, — украшают гирляндами из живых цветов и ярких флажков. Внутри домиков помещаются изображения Бхайрава, Ганеша и Нокінзу Азима. Самая роскошная колесница у Бхайрава, в золоченом храмике с трехъярусной крышей находится его изображение и меч — оружие Бхайрава, которым он вершит суд. Ведь Бхайрав считается богом правосудия.

Колесницы возят по городу. За последней колесницей с Нокинзу Азима несут бамбуковые носилки с «покойным» старым годом. Играет грустная музыка. На

нас она, правда, не производит такого впечатления. Барабаны, тарелки... да и процессия бежит бегом.

Накануне Нового года в Бхадгаоне на площади Есингхел устанавливают два высоких деревянных столба с короткой перекладиной. С них спускаются два широких и очень длинных полотнища с изображениями змей. Сами полотнища тоже символизируют змей. Согласно первой легенде — это два убитых царственных питона, согласно второй — это те змеи, которые выползли из ноздрей жены принца. Некоторые непальцы утверждают, что и сам столб изображает змею, но большинство все же считает, что столб — линга.

В первый день Нового года, 13 апреля, столб наклоняют вниз. Наступил Новый год. А праздник продолжается еще четыре дня, во время которых народ развлекается как может.

По городу возят колесницы, приносят жертвы, почитают разных богов, отдыхают, вкусно едят, курят...

В 1969 году я наблюдала празднование Нового года в Бхадгаоне и в деревнях Тхими и Бодэ.

В Бхадгаоне — городе благочестивых. Город Бхадгаон находится на восточном конце долины Катманду, километрах в двенадцати от столицы. Дорога, выйдя из Катманду по Дилли базар, оставляет чуть в стороне Пашупатинатх, Боднатх и аэропорт Гаучар и пробирается по рисовым полям, ступени которых то разливаются полого, то поднимаются на холмы. Тут и там на них видны одиночные кирпичные домики без ограды, отдельные деревья. На горизонте же кругом — мощные горы. Пейзаж в это время года (конец сухого сезона) беден красками, преобладает серый цвет. На голых полях ходят, что-то выискивая, белоснежные птицы, похожие на аистов.

Вот вдоль дороги с двух сторон зигзагами извивается кирпичная стена — подарок какой-то иноземной страны. Стена считается сейсмически устойчивой, но она так тонка, что, не будь зигзагов, завалилась бы и без землетрясения.

Проезжаем по узкой торговой улице; в лавчонках торгуют: в одном квартале снедью, в другом — гончарными изделиями. Горшки, кувшины, лохани стоят у самой дороги. Это деревня Тхими.

После Тхими дорога снова идет по полям и скоро

подходит к серому глухому забору, ограждающему большой четырехугольный бассейн. Только бассейн Рани Покхари может поспорить с ним своими размерами. Но дело не в этом. Говорят, что многие жители деревни Тхими, особенно женщины, за всю свою жизнь ни разу не побывали в Бхадгаоне, хотя до него меньше пяти километров. Они боятся ходить мимо этого заросшего бассейна, так как верят, что в нем живет чудовищный змей, который способен напасть на человека и утащить под воду. Всякий непалец знает легенду о нем.

Жил в Бхадгаоне мудрец, или колдун, который мог принять облик любого животного. Жена у колдуна была родом из деревни Тхими. Узнала она о способности мужа и пристала к нему: покажи да покажи свое искусство. Муж согласился наконец, но с условием, что она не испугается и бросит в него вот это зернышко риса. Жена обещала. Но, когда муж превратился у нее на глазах в змея, женщина испугалась и с криком побежала прочь. Змей кинулся за ней и напугал ее еще больше. Женщина потеряла рисовое зернышко. И у змея не стало возможности снова превратиться в человека.

Между тем приближалось утро, скоро проснутся люди. Змеям надо прятаться от людей. И пришлось змею кинуться в этот большой бассейн. Он и теперь живет там. Страшно тоскуя по своей человеческой жизни, змей, говорят, по временам покидает бассейн, выходит на дорогу и всматривается в людей. Он хочет найти свою жену.

Вот женщины и боятся ходить мимо бассейна.

Эта легенда похожа на ранее рассказанную — о происхождении новогоднего праздника бискет в Бхадгаоне. Но что делать? Такова фантазия непальского народа.

Солнце стояло еще не высоко, когда мы въехали в Бхадгаон, город с планировкой в виде раковины — эмблемы Вишну. Считается, что город построен во времена раджи Ананда Дева, т. е. приблизительно в 889 году нашей эры, и жили в нем люди верующие истово — бхактасы, отчего и назван он был Бхактапуром, городом благочестивых. Позднее стали его называть Бхадгаун, а потом — Бхадгаон.

Белая арка перекрывает узенькую улицу, которая упирается в пару огромных каменных львов. Слева стена ярко освещена солнцем, в нее вделана большая лин-

га, свежепокрашенная красной краской. Справа широкая тень скрывает искусные узоры решеток на маленьких оконцах покосившихся домов. Еще немного — и улица расступается, мы въезжаем на просторную дворцовую площадь, поросшую зеленой травой. Кругом невысокие постройки из малинового кирпича. Слева — дворец, справа — казармы, а впереди крыши с загнутыми углами в несколько ярусов и белые изящные башни, похожие на сахарные головы, с чуть выпуклыми боками, в белых кружевах, с золочеными наборными шпильками и какие-то высокие платформы, и лестницы с каменными фигурами...

Вопреки ожиданию, площадь пуста и кажется еще не проснувшейся. Кругом тихо-тихо, только щебечут птицы. Как заколдованные, стоят дворцы и храмы.

Слева между двумя дворцами блестят знаменитые Золотые ворота. Они действительно золоченые. Невысокие, двусторчатые, с массивным овальным верхом, точно в кокошнике. И створки, и «кокошник» — все покрыто выпуклыми фигурками. Их надо долго рассматривать; здесь и символика, и сцены из жизни людей и богов.

Правее Золотых ворот находится Дворец пятидесяти пяти окон. Окон действительно пятьдесят пять, они смотрят из-под ребристых ставен, как из-под опущенных век, на дворцовую площадь. Перед окнами возвышения. На одном из них висит на перекладине Собачий колокол, прозванный так якобы за то, что, когда в него ударили, все собаки Бхадгаона начинали выть.

На высокой колонне золоченая фигура раджи Бхупатиндра Маллы. Он сидит, скрестив ноги, и с умилением смотрит на Золотые ворота. Руки молитвенно сложены. Он должен бы сказать: «Какую красоту могут создавать люди!», но говорит: «Как славен Я, что создал все это!» Золотым воротам и перестроенной дворцовой площади около трехсот лет (раджа Бхупатиндра Малла родился в 1674 году).

Самый большой храм-пагода на Дарбаре называется Пашупатинатх и посвящен Шиве. У него в отличие от других подобных храмов нет высокого фундамента, и это делает его более доступным. Легче рассмотреть раскрашенную резьбу на подкосах. Содержание украшений в общем-то на всех храмах одно и то же: боже-

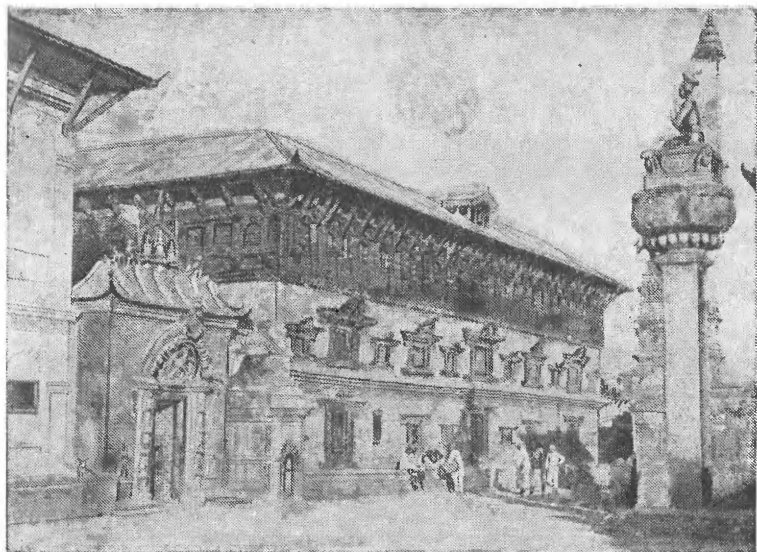


Рис. 23. Дворец пятидесяти пяти окон и Золотые ворота
(Бхадгаон)

ства, богини с человеческими головами и с головами животных. Большинство голов устрашающего вида: вытаращенные глаза, оскаленные зубы, рога... Особо подчеркнуты признаки пола. И конечно, есть «защитные картинки», целых два пояса, по низу подкосов обоих ярусов крыши. «Защитные картинки» — это изображения эротических сцен. Назначение их непальцы объясняют по-разному, самое распространенное заключается в том, что они защищают храмы от разрушения молнией. Молния — девица, она стыдится эротики и обходит храмы стороной.

Другое толкование «картинок» говорит, что они, встречая проходящих в храм, как бы спрашивают: «Смущает ли тебя это? Если нет — входи». Но есть и противоположное толкование: эротические сцены представляют собой завет от богов людям, один из путей достижения нирваны. Эти действия естественны и просты, как дыхание или прием пищи, и доступны всем.

У нас сложилось впечатление, что завет этот непальцы выполняют. Семья, в которой четыре-пять детей, не считается большой.

Мы обошли храм кругом. Он только что освободился от лесов, в которых долго находился. Фигурки подкрашены свежей краской, а тройные двери с каждой стороны храма, ведущие внутрь кубообразного помещения, кажется, еще больше обветшали: отвалившаяся резьба, сломанные перила... Через двери видна сокровенная внутренность храма. Там, в центре на постаменте, стоит каменная линга в круге с желобком, украшенная с трех сторон лицами. Линга намазана красной и желтой краской, посыпана лепестками цветов и рисом.

Появившийся рядом непалец любезно предлагает войти в храм. Я удивилась. Ведь обычно иностранцам не разрешают входить в святилища индуистов.

Внутри храма находилась только линга, и было видно, что здесь ухаживают только за ней. Стены, балки и пол покрывали пыль, паутина и мусор.

Вдруг снаружи послышалась музыка — дудочки, тарелки, барабан. Из-за угла вышла группа босоногих музыкантов. Они шли по улице и играли. Для кого? Для чего? Слушателей вокруг не было.

Мы пошли туда, откуда шли музыканты. Узенький каменный переулок спускался к другой площади. Кругом красный кирпич, с двух сторон поднимаются пагоды, одна приземистая, другая очень стройная и высокая — красавец мандир (храм) Ньятапола. Его пятиярусную крышу видно отовсюду, даже издали с проезжей дороги.

Высокая лестница с парными фигурами по сторонам поднимается сначала на холм, потом по ступенчатому основанию храма. Самые нижние — огромные сидячие фигуры богатырей Джайячала и Пхатты, выше них — слоны, еще выше — львы, потом — грифоны и, наконец, барельефы богинь Симхини и Вьяхини. Внутри же находится изображение Бхайравы — богини-покровительницы, которой и посвящен этот храм.

Фигуры говорят о том, что вот силен человек, но в десять раз сильнее его эти богатыри. Богатырь силен, но в десять раз сильнее его слон. Но львы в десять раз сильнее слонов, а грифоны сильнее львов. Однако как

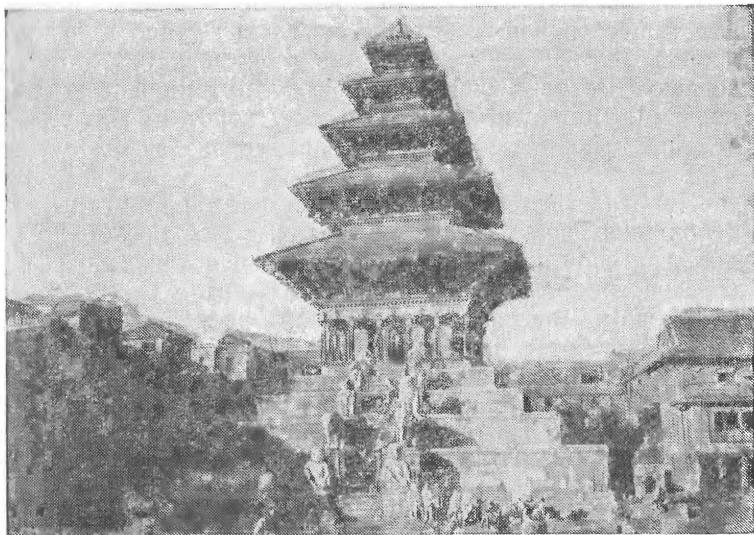


Рис. 24. Храм Ньятапола (Бхадгаон)

ни силен грифон, а богини сильнее. Но всех сильнее богиня Бхайрави. Почитайте же ее и поклоняйтесь ей!

На площади кипит базар. Плетеные корзинки с птицей, привязанные козлы, бараны, кучки дров, миски с кислым молоком... Невозмутимые сидят продавцы. Бегают дети. Горланят петухи. Всюду солома. Густо пахнет людским потом и животными. В поисках поживы бродят запятнанные кровью собаки. Кровь видна на двух врытых в землю столбиках, на священных изображениях, вделанных в углубления в земле. А сколько колоритных лиц, фигур... Видно, что это люди пришлые, хотя по одежде они мало отличаются от жителей Бхадгаона. Правда, на женщинах больше массивных, тяжелых украшений — в ушах тарелочки, на груди серебряные коробки с добрый портсигар — и больше пренебрежения к уходу за собой. Зато лица людей еще больше склонны таять в улыбке по всякому поводу.

Поняв, что на этой священной площади к празднику сегодня имеет отношение только базар, мы пошли дальше.

Из соседнего дома двое мужчин вынесли толстое блестящее «полено», которое на глазах стало провисать и вытягиваться, превратилось в толстый канат, потом в веревку. Веревка свивалась на затоптанной мохнатой рогоже и, наконец, приняла форму коротких палочек — леденцов. Их тут же стали продавать, а мы пошли дальше.

Квартал ресторанов. Отодвинутые двери открывают небольшую закопченную комнатку, в ней несколько голых столиков и табуреток. Вмазанный в очаг котел, отверстие топки выходит на улицу. В котле кипит масло, рядом на камне разделявают тесто, раскатывают в блины и бросают в котел, они шипят, раздуваются. Раз, два — и готово.

Идем дальше. Навстречу нам по дороге шагает вереница людей. Намасленные причесанные волосы, бантики, живые цветы, красные нитяные кисти в косах, бисер, бусы, желтые украшения на ушах, в ушах, на ноздре, под носом, ряды пластмассовых браслетов, серебряные коробочки, бляхи, жирно подведенные глаза... и, как правило, босые ноги. На мужчинах одежда носит следы недавней стирки. Несмотря на жару, многие мужчины закутали шею и плечи шарфом, другие надели теплый свитер, у многих под шапочку заткнута зеленая веточка. У большинства женщин в качестве юбки закрученное по спирали домотканое черное полотнище с красной каймой — характерная одежда неварок, но много женщин и в ярких сари. Традиционный шарф закутывает шею и плечи и прикрывает плетеное блюдо с подношениями богам. На многих блюдах вместе с яйцом и цветами лежит отрубленная голова петуха. Многие несут под мышкой живых петухов.

Узкая каменная мостовая с лилово-черной жижей в канавах по обеим сторонам, извиваясь, спускалась все ниже и скоро вывела на обширную площадь Льясингкхья. Перед нами была людская река, которая — вся в движении — переливалась красками и солнечными бликами. Тут были свой фарватер, завихрения и заводи. Слева люди на балконах домов, в окнах, на крышах казались волнами и брызгами, выброшенными на берег. Главный поток устремлялся туда, где площадь обрывалась к реке. Здесь на холме друг против друга стоят храмик и галерея — помост, где сейчас сидели на скре-

ценных ногах музыканты. На небольшой площадке между ними толпится и суетится народ. У многих (если не у всех) в руках безглавые петухи. Люди рвутся поскорее обмазать свежей кровью какого-то бога, барельеф которого стоит на земле. Кругом кровь... и музыка, музыка. Несколько оркестров играют то одновременно, то порознь; музыканты группами, скрестив ноги, сидят на земле. Музыка простая, но мелодичная.

Тут же среди них «мясник» ловко обезглавливает петухов (видимо, за деньги). Монах, присев на корточки перед игрушечным столиком, читает священные листы. Ползает полуголый ребенок, собака лижет свежую кровь, возле плотной группы людей у храма к колышкам привязаны два козленка... Черный жертвенный козленок с блестящей длинной шерстью и мягкими, висячими ушами был очень мал. Хозяин бился над ним, прося у него согласия быть жертвой. На козленка плескали воду, норовя попасть в уши, но он стоял как изваяние, ни на что не реагируя, был весь мокрый, но не встряхивался. И вдруг рванулся и побежал...

Перед холмом, на котором стоят храм и галерея, в гряде камней наклонно стоит высокий столб с маленькой перекладиной, весь обмотанный веревками, с него до земли спускаются два длинных полотнища. Это и есть линга, и жертвы приносят в ее честь.

Левее столба среди толпы возвышаются две колесницы. Массивные, размалеванные и украшенные цветными лоскутками и гирляндами увядших цветов. На дальней колеснице храмик с двухъярусной крышей, на ближней — с трехъярусной, впереди нее загнутое кверху толстенное дышло. Вверху к нему примотан травяными веревками идол в рост человека, по его лицу стекают струи свежей крови. Вокруг большая толпа, плотность которой по мере приближения к идолу увеличивается. Над головами поднимаются руки, одни стремятся передать «мяснику» петуха, другие — принять трепещущее тело птицы, передают траву и цветы, получают их обратно. Траву и цветы, которые коснулись идола, благоговейно поднимают с земли и укрепляют на себе. Мужчины затыкают эти реликвии под топи или за ворот — на счастье.

На каких-то приступках на колеснице закрепились над толпой несколько «мясников», они непрерывно при-

нимают из толпы петухов, запрокидывают им голову и со знанием дела равнодушно ее отрезают. Кровью мажут идола, жертву бросают хозяину. Хозяин жертвы, принимая ее от «мясника», сначала делает такое движение, как бы мажет себе лоб кровью, затем голову жертвы кладет на блюдо, а тело небрежно берет и несет, шагая важно и с достоинством.

Невдалеке лежат на земле обезглавленные козлы, значит идол принимает жертвы и покрупнее.

У дороги стоит на открытом месте странная фигура, вроде чучела, вся увешанная бусами-четками, гирляндами цветов, веревками, бубенчиками. Подо всеми украшениями не сразу увидишь оранжевую тогу. Монах! Ох и здоров же! Хотя он и вымазан пеплом, но тело чистое, незагорелое. Ноги даже розовые, без трещин, не как у простых непальцев, которые ходят босиком. На щиколотках — серебряные браслеты и шерстяные нитки. На бицепсах — массивные желтые браслеты, а на голове — лисья шапка, нависшая над глазами. Поверх оранжевой тоги надет жилет из шкуры леопарда. Длинная кисть из шерстяных ниток и бубенчиков спадает до колен. Монах стоит и перебирает ногами, кисть от этого подпрыгивает и ударяется то об одно, то о другое колено, бубенцы гремят и привлекают публику. Непальцы бросают в выдолбленную чашку «святого» по нескольку зерен риса, цветы или мелкую монету, получая взамен тiku на лоб.

Группа женщин поровнялась с коровой. Женщины по очереди ухватывали корову пальцами около хвоста, затем прикладывали пальцы, сложенные щепотью, ко лбу, т. е. брали прах от хвоста коровы. Корова священна, и об этом, видимо, вспоминают в праздник.

Принеся жертву Бхайрави, линге и другим символам или божествам, нагулявшись в толпе людей, жители Бхадгаона с чувством исполненного долга возвращаются в свои жилища. Еще несколько дней отдыха, вкусной еды, встреч с родственниками и друзьями, и наступят будни. Надо будет думать о предстоящей посадке риса, основе питания. Муссон на подходе.

В Тхими. Чтобы увидеть праздник в Тхими 14 апреля, мы выехали из дому в 7 часов утра. Оказалось, что мы не одиноки, у нас было много попутчиков на машинах и пешех. По главной улице в том же направлении

после серых колючих обочин шли гуськом небольшие группы мужчин и женщин. Ярко светило солнце. На огромных деревьях не шевелился ни один лист.

Вот и Тхими — эта старинная большая деревня, по внешнему виду ничем не отличающаяся от города. В той ее части, где дома стоят возле шоссе, низ домов — сплошные лавки. Торгуют бакалеей, ситцем (это как везде), а главное — глиняными сосудами. Рядами стоят вдоль дороги горшки, кринки, корчаги, лохани, сосуды в рост человека. Такое увидишь только здесь. Прямо в тесноте узеньких переулков можно наблюдать, как на вращающемся круге рождаются из серой глины горшки, а потом обжигаются под кучей земли и соломы. Здесь живет подкаста гончаров.

Оставляем машину и идем туда, где, извиваясь, спускается к знаменитому храму богини Бал-Кумари длинная улица. Улица очень узкая, без тротуаров. Каждый дом стоит так, как ему удобнее, выступая углами. Иногда эти красные дома с подкосами, деревянной резьбой, связками перца расступаются для того, чтобы тут встали храмик, часовенка или чайтъя, а чаще — группа подобных построек, одна возле другой, без всякого порядка, нередко загораживая дорогу.

Сегодня вся улица кишит народом. Одежда, головы, лица многих мужчин густо обсыпаны оранжевой пудрой; у некоторых в руках длинные, украшенные резьбой, темные от времени палки с раструбом.

Люди сидят на всех оградах, на храмиках, часовенках, даже на крышах домов, высовываются из всех окон. Все ждут, устроились поудобнее. Мы же на ногах. К счастью, ждать пришлось не так долго.

Послышалась мелодичная музыка. Конечно, барабаны и тарелки выделяются, но не заглушают пения дудочек. Парадное шествие началось и приближалось к нам. Оно двигалось снизу, от храма Бал-Кумари. Музыканты головной группы врезаются в толпу зрителей. Холщовые рубахи, черные безрукавки и шапочки, босые ноги. За ними такие же непальцы несут на плечах бамбуковые носилки с храмиком. Это носилки бога Ганеша. И без того почитаемый как бог удачи, здесь, на этом празднике, он особенно важен. Ведь это он загнал Змея-чудище в дырку под землю. А дырка эта находится как раз в Тхими, метрах в пяти выше храма Бал-Кумари.

Ганеш — Сидхи-Ганеш* — один из сыновей богини Бал-Кумари. Он не требует кровавых жертв, в дар ему приносят ладу (сласти), редиску, рис, цветы и «кашу» — смесь из сои, самогонки и измельченной сушеной рыбы.

Тускло блестит позолота храмника, мелькают мишура, лоскутки, гирлянды цветов. За носилками несут несколько цветных тяжелых зонтов и вращают их, взлетают парчовые ленты и кисти. За зонтами — новая группа музыкантов. Дальше еще носилки, еще.. По морю голов плывут храмики-пагоды и огромные зонты.

Всего в параде богов участвует тридцать две штуки носилок, еще больше зонтов, много оркестров, факельщики и просто сопровождающие. В процессии нет никакого порядка, все идут как хотят. Выделяются группы оранжевых мужчин, осыпанных пудрой от самой макушки. Оранжевые лица, оранжевые рубахи, оранжевое пламя факелов при оранжевом свете солнца. Им весело. Многие жуют бетель, качаются на ходу, шумят, что-то кричат, смеются, бросают друг в друга горсти пудры, вытаскивая ее из карманов штанов. Оранжевые комья полетели и в нас... Смех усилился. Толпой овладело озорное чувство, но в нем ничего не было враждебного.

Громче музыка, неистовее вращение зонтов, веселее лица... Музыка и вращение притягивают к себе, завораживают, поднимают настроение...

Шествие направляется в другую часть Тхими, называемую Накадеш (Новый город). Там носилки с Ганешем оставят на сутки возле храма, а потом унесут в дом Ганеша, где он и будет находиться со всеми своими атрибутами до следующего праздника.

Часть процессии достигла шоссе, которое соединяет Катманду с Бхадгаоном, пересекла его, спустилась на рисовые поля и направилась к деревне Бодэ, стоящей вдаль, среди ступенчатых полей. Там сегодня в середине дня будет свой собственный праздник. Мы обязательно будем на нем, а пока поедem домой отдохнуть.

В Бодэ. Деревня Бодэ знаменита тем, что во время празднования Нового года там приносят в дар богам особенные жертвы. Не животных, не птиц... а страдания людей.

* У богини Бал-Кумари есть еще сын Инако-Ганеш.

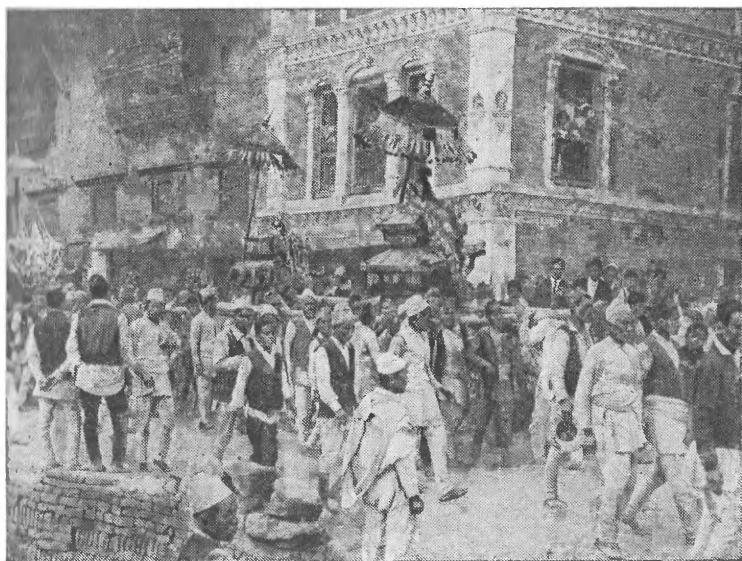


Рис. 25. Праздничное шествие в первый день Нового года в деревне Тхими

Говорят, что когда-то давно в Непале приносили в дар богам человеческие жертвы. Об этом говорят легенды, устно передающиеся из поколения в поколение. Достаточно вспомнить, как Дхармагат угощал богиню Ваджрайогини жарким из собственного тела. Или любимый эпизод из «Рамаяны», который по праздникам разыгрывают на непальских подмостках полупрофессиональные актеры. В нем рассказывается о том, как Рама пожалел тигрят. Он убил тигрицу, а потом увидел ее маленьких тигрят. Было ясно, что они без матери умрут голодной смертью. Рама стало их жаль, он взял кхукри, отрезал от своего бедра большой кусок мяса и накормил им тигрят.

Так вот, в Бодэ сегодня можно будет увидеть проявление самого большого религиозного рвения и почитания богов. Мы боялись пропустить что-нибудь важное и торопились. В какое время будет происходить это и что именно, мы не знали, да и никто как следует не знал.

Мы перешли через поля и попали на запорошенные соломой улицы Бодэ. Здесь под упругими лучами солнца все дремало в ожидании. И серые кирпичные дома с провалами маленьких окон, и пересохшая серая земля, и люди, пестрая одежда которых одна оживляла преобладающий серый цвет. Людей много, но шума не было, все ждали безразлично, равнодушно... Одни устроились на корточках на глиняных заборах, другие прямо на земле. Высовывались изо всех окон. Ждали зрелища, но спокойно, о нем не было нужды говорить.

Ждать пришлось долго. Мы побродили по деревне. Центральная площадь с ее домом богов и каменным серым столбом с надписями пустынна. А вот другая площадь с большим квадратным совершенно пересохшим прудом — многолюдна. Значит здесь будет проходить шествие. На земле сидят группами мужчины и женщины и бегают ребятишки.

Мы остановились в тени дома. Сильно пахло навозом. Около нас остановился носильщик с маленьким морщинистым, обветренным лицом. Он снял с плеча бамбуковую палку, разложил на земле серые глиняные плоски, трубки и деревянный ящичек с рубленой травой. Одну трубку набил травой и протянул мне, показывая, что с ней надо делать.

— Гашиш? — спросила я.

Непалец подтвердил, покачав головой из стороны в сторону.

— Но! — сказала я, — нарамро*.

Непалец широко улыбнулся и повторил: «О, нарамро!» Он был согласен со мной, вздохнул и больше не настаивал на покупке. Но мы с ним побеседовали еще, отлично понимая друг друга при минимуме понятных обоим слов.

Кто-то из нашей компании предложил пойти в дом, стоящий напротив, и из окон второго этажа с комфортом наблюдать процессию, которая, как уверял хозяин дома, каждый год проходит здесь под окнами. Хозяин, худощавый невысокий крестьянин в домотканой одежде (светлые полотняные штаны, длинная рубаха, черная безрукавка и топи), пропустил нас вперед. Мы оказались

* На рам ро — нехорошо (непальск.).

в гостиной на втором этаже. Глиняный пол, кирпичные со следами глины стены, ребристый из черных неровных балок потолок, два окошечка без стекол начинаются от пола. В комнате ничего не было, кроме старого шерстяного пледа, прикрывающего половину пола.

Мы опустились на плед — от усталости и чтобы не стукнуться головой о балки. Из окон хорошо была видна улица. Мы разговорились с хозяином дома, потомственным крестьянином из касты крестьян (и торговцев) — бейшо. Безволосое лицо хозяина оживилось, в нем не было никакой робости, и держался он с достоинством.

Этот трехэтажный дом достался ему по наследству от отца, а построен он был около ста лет назад. В доме живет несколько семей, все родственники. В нижнем этаже, как обычно, хлев. Сам хозяин занимает с семьей эту комнату, и вон ту, рядом, — спальню. Кухня находится выше.

Как живет? Да ничего — не голодает. Земли мало, конечно. Обрабатывает землю сам, как все, мотыгой*. Удобрений нет. «У нас плохо работает панчаят. Не тех людей выбирают. Кругом обман», — говорит он.

Мы все же решили выйти из дома и с удовольствием вдохнули горячий воздух пыльной улицы. И было как раз время. По переулку к площади трусцой бежала группа людей, над их головами возвышался веер из бамбуковых палок, на концах которых трепетали бледные огоньки.

Когда группа поровнялась с нами, мы увидели впереди человека в белой чалме и с желтым полотнищем, перекинутым через левое плечо. Из его открытого рта высовывался язык, проткнутый толстой иглой с треугольным концом, сантиметров двадцать пять длиной. Группа обежала вокруг высохшего пруда и остановилась у одного дома. Видимо, здесь полагалось отдыхать. К страдальцу подошел мужчина, смочил ему водой из чайника язык и губы, а потом чем-то помазал язык вокруг иглы. Шествие двинулось дальше.

Многочисленные зрители очень спокойно смотрели на страдальца, мальчишки даже проявляли к нему любо-

* Суеверие крестьян этих мест не позволяет им впрягать в плуг животных. Животные, особенно быки, — создания божьи, любимцы главных богов, поэтому крестьяне не заставляют их работать, а обрабатывают землю сами мотыгой.

пытства меньше, чем к иностранцам в другие дни. Никто не бежал за процессией, не кричал, не становился на дороге... не считая иностранцев, щелкавших фотоаппаратами.

Шествие закончилось около храма Маха Лакшми, где у избранника вынули иглу, а язык помазали грязью, взятой у подножия статуи богини.

Позднее я узнала, что зрелище подготавливают местные брахманы. Они стовариваются с добровольцем и платят ему за труд. Теперь этот труд обходится общине недешево. Нам сказали, что страдалец, видимо, получит рупий четыреста, а это месячный заработок государственного чиновника с высшим образованием.

Наверно, деньги не уменьшают оценки религиозного рвения, не подрывают веры в искренность почитания богов и не уменьшают шансов страдальца попасть в рай, который ему обещан за страдания.

Паломничество к богине Ваджрайогини

Меня позвали к телефону. Звонил Партиб. Не хочу ли я поехать на прогулку к храму богини Ваджрайогини с ним, его женой Малати и приятелем-профессором, заведующим кафедрой в университете Трибхувана?

— Конечно, хочу.

— Но это далеко, можно ли рассчитывать на Вашу машину?

— Думаю, что можно.

— О'кей!

Начало января в Катманду, пожалуй, самое холодное время. Днем температура поднимается только градусов до 16—18, а ночью близка к нулю. Непальцы становятся малоподвижными. Что за охота пришла Партибу ехать на прогулку теперь? И вчера в нашем офисе двое непальцев попросили отпуск на неделю... Ах, вот оно что! Наверно, наступает время поклонения каким-то богам. Ну что же, превращусь и я в почитательницу богини Ваджрайогини, женщины-йогини, богини грозы.

Дорога все время идет на восток, через деревню Тхими, мимо Бхадгаона, мимо голых серо-бежевых ступенчатых холмов и гор, все ближе и ближе подступающих

к дороге. Вдали на большой высоте среди деревьев то вспыхивает, то гаснет яркая «звезда».

— Это и есть цель нашей поездки, — говорит Партиб. Блестит золотой шпиль на храме богини Ваджрайогини. Но до него еще неблизко, мы успеем выслушать, почему храм построен именно здесь.

— Вы помните легенду о радже Викрамадितье, который по примеру раджи Дхармагата принес себя в жертву богине Ваджрайогини: бросился в котел с кипящим маслом и изжарился, а перед этим натер свое тело специями... И как богине Ваджрайогини это жаркое понравилось больше, чем жаркое из тела Дхармагата. И как богиня наградила Викрамадитью лучше, чем Дхармагата. Помните, да?

Так вот эта легенда имеет продолжение.

Став очень богатым, Викрамадитья сначала уплатил все долги своих подданных, и в Непале тогда не стало ни одного должника, никто не боялся, что станет рабом ростовщика. Потом Викрамадитья начал делать другие богоугодные дела, строить храмы и водоемы. Храм Нараяна недалеко от дворца Махендры, который виден слева, когда Вы едете домой от центра, построен именно им. В стене этого храма есть золотой кран, из которого еще с тех пор течет вода...

Но Вы знаете, что в давние времена кран вдруг стал сухим, знаете, какая жертва потребовалась, чтобы вода в нем появилась вновь. Сын раджи Мандев отрубил голову своему отцу, не зная, конечно, что это отец...

Так вот, отрубленная голова вырвалась из рук Мандева и полетела на восток. Она упала на то место, где когда-то приносил себя в жертву богине Ваджрайогини Викрамадитья. Там со временем люди построили дом для паломников. В одной комнате этого дома стоит голова Бишвадева. В честь его самопожертвования рядом горит неугасимый огонь. Чуть ниже этого дома, на холме, люди построили богатый храм богине Ваджрайогини. Сегодня Вы все это увидите своими глазами.

Дорога поднималась в гору и становилась все хуже; скоро она превратилась в широкую тропу между склонами песочно-серых гор. Только по временам низкое солнце пробивалось через тяжелые облака и делало их рыжеватыми.

Машина как-то сразу оказалась на просторной ров-

ной площади среди серых домов в два-три этажа с маленькими окнами. Деревня Санкху. Та самая, которая упоминается в легенде. Не знаю, изменился ли ее внешний вид с тех пор, но люди явно изменились немного. Наш приезд не вызвал любопытства у местных жителей. Не была для них диковиной и машина, хотя в Непале они появились не больше десяти лет назад.

В нескольких шагах от нас стояла еще машина, раскрашенная под тигра. Машины-тигры с полосатыми боками, изображенном головы на капоте и хвостом на багажнике — это непальские такси. Они появились недавно в качестве сюрприза для Махендры ко времени возвращения его в Непал из заграничной поездки. Тигр — любимый его зверь, вот министры и увеличили поголовье этого зверя в стране.

Зато моих спутников полосатая машина заинтересовала, они стали ее рассматривать с любопытством. Подошла и я. Корпус нестарой еще машины был цел, если не считать небольших вмятин, а внутренних у нее не было совсем. Все стекла были так тщательно выбиты, что не осталось нигде ни малейшего кусочка. Все, за что можно было уцепиться в машине, было вырвано с корнем: сиденья, обивка, приборы, руль... Машина стояла на подстилке из мелко разбитого стекла.

Можно было представить себе толпу остервенелых фанатиков, которые за что-то мстили машине. Так это и было. Но об этом потом. Теперь мы пойдём к святыням.

Мы стали подниматься в гору по извилистой просторной тропе, местами представляющей лестницу из каменных неровных ступеней. Прохладная погода делала этот долгий путь менее утомительным.

Группа женщин, обмотанных по спирали черным полотнищем с красной каймой, сверкая голыми пятками, легко обогнала нас. Несколько мужчин, подпрыгивающих на ступенях, попало нам навстречу. Далеко впереди виднелось лиловое сари Малати. Партиб последовал за ней. Вскоре они остановились возле каменного сооружения в виде скамьи с толстой спинкой, на которой под слоем красной краски едва выступал какой-то барельеф. Супруги благоговейно поклонились барельефу и, взяв от него прах, приложили его к своим лбам.

Там, где дорога делает последний поворот и подни-

мается особенно круто, каменная лестница заключена в толстые глухие парапеты. Двое рослых тибетцев с лохматыми косичками съезжали по парапету задом наперед. Партиб счел необходимым сделать им выговор, а мне пояснил: «Это пришлые горцы, народ некультурный, дикий». Я же видела в них больших детей, у них и лица были такие же безмятежные, какие бывают у наших ребят.

Последний участок пути — крутые ступени — кончался у колонны, на верху которой сидит бронзовое животное, похожее на льва. Мы на ровной кирпичной площадке. За глухими перилами справа — обрыв. Вид на долину и бесконечные гряды неприветливых гор. Слева гора, уходящая ввысь мощной стеной, за ней поднимается гора еще выше, а у следующей голова скрылась в серых тучах...

Площадка, где мы находимся, лишь пяточок на вершине одной из гор. Справа на площадке — навес для паломников, слева стоят рядом две пагоды с двумя ярусами золоченых крыш. Это их набранные из шаров шпильки звездами блестят на солнце, они и были видны из долины.

В ближнем храме за ограждением совсем нестерпимо блестят свежей позолотой барельеф и большая сидячая статуя. Богиня Ваджрайогини! Она так блестит, что рассмотреть черты ее лица трудно, хотя я набралась смелости и подошла близко к ограждению. От статуи исходит сноп солнечных зайчиков, глазам больно.

Видно, что богиню чтят. Перед ней россыпь приношений: крошки пищи, лепестки цветов, рис... Мои друзья тоже благоговейно почтили богиню, хотя и недолго.

Я думала, что храмы на этом пяточке и есть конечная и единственная цель нашего путешествия, но оказалось, что здесь есть и другие объекты поклонения. Побыв на этой площадке очень недолго, мы стали подниматься в гору выше храмов.

— А вот и место, где Дхармагат и Викрамадитья разводили огонь под большим котлом с маслом, чтобы потом броситься в него, — сказал Партиб. — Это место тоже считается священным.

Перед нами, вернее, вокруг нас был большой старый дом из серого кирпича. В плане он представляет собой

не совсем замкнутый квадрат. Три этажа обветшалых галерей, подпертых тонкими столбиками, выходят в пустой просторный двор. Дом принадлежит религиозной общине и по существу является монастырем. В нем живут люди из касты, которой предназначено ухаживать за святынями. Здесь всегда находят пристанище паломники. Заходи на галерею и располагайся. Крыша над головой — твоя крыша.

В настоящее время в галерее расположились несколько овец, а возле ступенек на солнышке спит собака. Людей во всем обширном внутреннем дворе не видно. Только на балконе второго этажа показалось несколько взлохмаченных голов.

В левом крыле дома не живут, оно отведено для священных реликвий. Поднявшись по ступенькам, мы попали в комнату, низкий потолок и стены которой покрыты черным бархатом сажи.

Резкий запах дыма. Справа у стены дымит «вечный огонь» — тлеет длинное бревно. Налево дверь в другую комнату. Видна небольшая каменная чайтъя, возле нее на земляном полу стоит большая бронзовая голова, типичная голова Будды. Одни непальцы считают ее головой Викрамадитьи, другие — головой Бишвадева. Правее опрокинут над камнями вверх дном большой закопченный, клепаный из листового железа котел полусферической формы. И камни, и котел с заклепками — «вещественные» доказательства подвигов Дхармагата и Викрамадитьи.

Над этими комнатами на втором этаже находятся покои богини, которая приходится старшей сестрой Ваджрайогини. Видеть ее можно только индуистам. Мне сказали, что выглядит она невзрачно, так как очень старая, и дерево, из которого она сделана, совсем почернело. Но, видимо, именно потому, что статуя очень древняя, за пять дней до нашего посещения ее пытались похитить вооруженные грабители, приехавшие на тигровом такси, которое мы и видели в растерзанном виде внизу. Действовали грабители грубо, лезли прямо напролом: снаружи в решетке окна второго этажа подпилили два прута и отогнули их... Но на этот раз, как писала потом газета, «идола удалось отбить у грабителей», а одного из воров — даже задержать...

Поговорив о случившемся с сухощавым мужчиной

в полотняной одежде, который сокрушенно, но сдержанно дополнял свою речь движением головы и характерной для непальцев жестикуляцией, Партиб предложил осмотреть еще одно место.

Мы спустились вниз по тропинке, круто огибавшей дом с «вечным огнем». Здесь в горе устроены две смежные каморки; из одной на площадку перед ними выходят двери, из другой — продолговатое узкое окошечко, приблизительно 35 на 20 сантиметров, находящееся от земли на уровне груди человека.

Это не простое окошечко. Тот, кто пролезет в него, попадет в рай, независимо от усердия, с которым он молится и поклоняется богам. Некоторое время мы наблюдали, как двое непальцев со всею серьезностью пытались проташить свое тело через это окошечко, но тщетно. Попытал своего счастья и Партиб. Ему удалось высунуть наружу только одно плечо с рукой и голову. Вся наша компания дружно вместе с Партибом посмеялась.

Вслед за Партибом в каморку зашел один из служителей при доме с «вечным огнем», высокий и худой настолько, что полосатая рубашка висела на нем, как на вешалке. Из окошечка показалась правая рука, плечо, голова. Затем его тело как-то все осело вниз, уплотнилось и в окошечке показалось левое плечо, а все остальное проскользнуло уже без труда.

Уж этому-то человеку рай обеспечен! Но я не заметила у моих друзей зависти к нему. Бренное существование в настоящем, как видно, их беспокоило больше; спустившись вниз, они пошли подкрепиться знаменитой в здешних местах простоквашей.

Всю обратную дорогу моих спутников не покидало хорошее настроение, ведь они исполнили свой долг.

В ТЕРАЯХ



Узкая зеленая полоса ровной земли у подножия Сиваликских гор — первой ступени Гималаев, переходящая в Великую Индо-Гангскую низменность, — вот что такое тераи. Жаркое солнце, ливневые дожди летом, зеленое буйство джунглей, раздолье для мошкар, пресмыкающихся, птиц и диких животных... Здесь живет около четверти населения Непала. Весь джут, сахар и около 80% риса производится здесь. Здесь зародилась и промышленность.

Закладка первого камня

Приближался день рождения махараджадхираджа Махендры. К этой дате приурочивали торжественную церемонию закладки первого камня на строительстве завода сельскохозяйственных орудий, который сооружается с помощью СССР.

Этот завод станет первым современным металлообрабатывающим предприятием в стране. Здесь будут изготавливать плуги, бороны, простейшие молотилки, мотыги, серпы и другие сельскохозяйственные орудия. А в общем-то оборудование завода позволит изготавливать и более сложные изделия. Здесь можно будет ковать, штамповать, вытачивать, шлифовать, отливать, обрабатывать термически, даже с нагревом токами высокой частоты.

Строители к этому времени уже проделали огромную работу, включая обучение непальцев некоторым, пока только строительным, специальностям. Завод сооружается в тераях, вблизи города Бирганджа, рядом

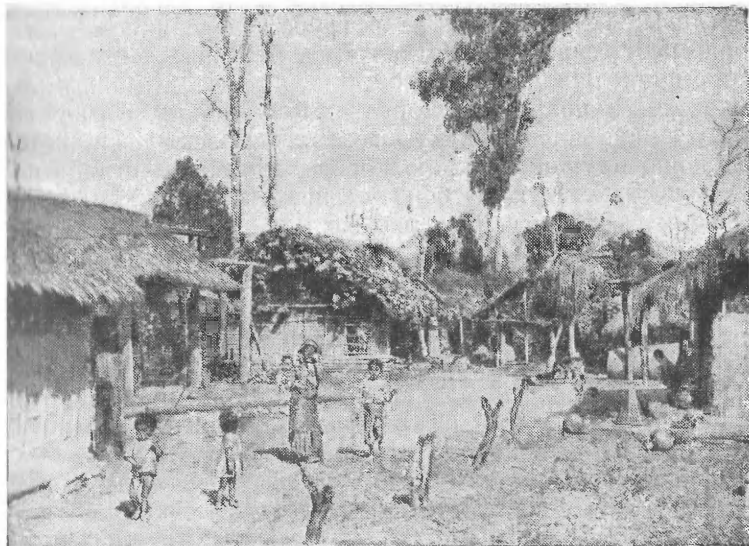


Рис. 26. Деревня в тераях

с сахарным заводом, совсем недавно построенным тоже при экономической помощи Советского Союза.

Церемония назначена на 9 июня. Мы решили ехать только в день церемонии, чтобы быть в тераях как можно меньше, потому что стоит страшная жара, муссон в этом году запаздывает.

Утром маленький самолет «Дакота» поднял нас с аэродрома в Катманду и уже через двадцать минут приземлился на выжженной траве аэродрома в Симре. Это в тридцати километрах от Бирганджа. Уже садясь в «Волгу», которая нас встречала, мы почувствовали, что такое 42 градуса в тени в 9 часов утра. Жара почти лишила меня способности двигаться, но не убавила любопытства. Через окно машины в клубах ржавой пыли можно было рассмотреть серую равнину с редкими огромными деревьями, тоже серыми. Кое-где виднелись хижины из глины и прутьев или просто навесы из пальмовых листьев. Бедность, бедность...

По дороге еле-еле тащатся двухколесные повозки, запряженные парой грязно-белых быков. Эти крупные

костлявые животные даже в грубом деревянном ярме гордо несут свою голову с острыми рогами. Все это живо напоминало Индию. Впрочем, здесь по-индийски выглядело все: и полуголые коричневые мужчины в тюрбанах, едущие на высоких повозках; и босые женщины, медленно идущие по краю дороги, прямые и стройные, похожие на статуи, в своих бесцветных одеждах, спадающих складками с головы до пят, на голове поклажа — плетеная плоская корзина или узел, согнутая темная рука поддерживает ее. А уж пыль и жара были подлинно индийскими. Но это и не удивительно: Индия рядом. Меньше двух километров отделяют Биргандж от Раксаула, а Раксаул уже в другом государстве.

До церемонии, назначенной на час, близкий к закату солнца, у меня было много времени, но нельзя было и подумать куда-то идти и что-то смотреть. Жара увеличивалась, теперь в тени было уже 48 градусов. Все прокалилось под безжалостным солнцем и лежало бездыханно под слоем пыли. Трудно дышать, трудно смотреть, все время хочется пить...

Дом, где нам предстояло прожить одни сутки, непальское правительство арендовало для советских специалистов-строителей. Он принадлежал одному из отпрысков семейства Рана и имел собственное имя — Индра бхаван. Этот дом (в плане двутавровая балка) с кружевной сеткой галерей на первом и втором этажах был виден издали. Крылья дома огибали ступени широкой лестницы. Сквозной коридор соединял эту лестницу с такой же лестницей на другой стороне дома. Там был запущенный сад. Пальмы, магнолии, сал и трава в человеческий рост. «Раздолье для змей», — подумала я. И не ошиблась. Только за день до нашего приезда строители во дворе дома нашли семью кобр и хотели с ними расправиться, но не успели... о сохранении жизни змеям позаботились индийцы — повара и сторож.

Изнутри дом был так же неуютен, как привлекателен снаружи. Цементный пол, черные неровные балки на потолке, частая железная пропыленная решетка в оконных рамах. Отведенная нам комната была угловой и представляла собой куб. В каждой ее стене было по три двери, некоторые из них играли роль окон, другие были ложными. В доме вообще было очень много дверей. Это делается для того, чтобы злые духи не находили доро-

ги внутрь, запутывались бы в дверях. Нам это не очень важно, но злым духам, видимо, яснее.

В комнате полумрак: окна завешаны грубой тканью. Под ногами хрустит песок, толстый слой пыли покрывает железную мебель: стол, стулья, шкаф. Только кровати деревянные, но это дерево не легче железа. Кровати почему-то стоят вкривь и вкось, далеко от стен, москитные сетки на них кое-как укреплены на рамах, что делает их похожими на катафалк...

По сравнению с улицей в комнате прохладно, да еще и кондиционер стоит около двери. Хочется сесть, но ни до чего нельзя дотронуться, придется сначала повоевать с пылью — в жару, без ведра, без тряпки. В первые же минуты работы я почувствовала, что у меня есть «помощники»: маленькие черные комары дружно напали на меня и одновременно кусали ноги и руки, спину и лицо... А руки грязные и заняты. Хочу включить вентилятор, огромные лопасти которого свисают с потолка, ветер будет отгонять комаров, но выключателя нет. На его месте змеиными языками висят голые провода, я побоялась к ним прикоснуться. Нельзя было включить и кондиционер. А пить хочется!

Вышла на галерею. Жарко, как в печке. Кругом — ни души, дом как будто необитаем. Вернулась в комнату, взяла книжку, легла на кровать. Мозги, кажется, еще не совсем расплавились, но в текст книги вчитаться никак не могу. Лежу и думаю, долго ли мне придется здесь мучиться от жажды, жары, комаров, пыли и безделья.

Вдруг дверь без стука открывается, и я вижу бородатого индийца в марлевом дхоти. В руках у него большой термос, он ставит его на стол и уходит. Я накидываюсь на термос... вода в нем оказывается со льдом. Трогательное проявление внимания к русским...

Наконец пришел муж и двое специалистов. Включили и кондиционер и вентилятор. Комната наполнилась шумом, со стола полетела бумага, на дверях стали взлетать тяжелые занавески. Если сидеть около кондиционера, то с одного бока чувствуешь прохладу. Но охлаждаться уже некогда, надо ехать на строительную площадку, скоро начнется церемония.

У дороги, по краю лоскутков полей, уходящих к пальмам на горизонте, темнеет и слегка шевелится тол-

па людей. Справа над ней на высоких шестах два огромных фотопортрета — махараджидхираджа Махендры и Н. В. Подгорного.

Начался митинг. Говорят на непали, русском, английском... Мы собрались здесь, чтобы стать свидетелями закладки первого камня... для сельскохозяйственной страны, какой является Непал... огромное значение... важный вклад в экономику... в отношения между Непалом и Советским Союзом... Большая страна... миролюбивая политика... бескорыстная помощь... бескорыстная дружба... Благодарны Советской России, великому русскому народу... поддержку... прогресс и процветание... доносилось до меня. ... Сахарный завод... сигаретная фабрика... электростанция, госпиталь... Биргандж... Джанакпур... Панаути... Катманду... Советский Союз... Подтверждение подлинной дружбы... Да здравствует... живет и крепнет вечно!

Когда речи смолкли, в толпе появились завихрения, из центра поток устремился к портретам. Здесь лежит фундамент будущего фасада заводского корпуса. В одном месте поднялась невысокая кирпичная кладка, рядом — горка кирпичей, ведро с раствором цемента, инструмент.

Министру промышленности Непала подали мастерок, он зачерпнул им раствора и сбросил в углубление, приготовленное в кладке. То же самое сделал и посол СССР в Непале. На цемент опустили мемориальную плиту.

Негромко зазвучал непальский гимн, вслед за ним почти без перерыва — гимн Советского Союза.

Над землей стремительно сгустились сумерки.

Теперь все пошли к деревянному бараку, где участников церемонии ждало угощение. Я вдруг почувствовала, что страшно голодна, с утра ничего не ела. Маленькие треугольные пирожки, от которых во рту запыхало огнем, и кофе показались мне восхитительными.

Наступила ночь. Дорога, по которой мы ехали в дом специалистов, шла как будто по пустынному полю: все поглотила тьма и тишина. Лишь громко, со звоном пилили на своих «пилах» цикады. Индра бхаван виднелся вдали расплывчатым белым пятном на черном фоне. Вблизи его белые стены не казались белыми, они были

сплошь усеяны черными жесткими жучками, среди которых в разнообразных позах замерли раздувшиеся ящерицы. Пища сама лезла им в рот, но они наелись и больше не обращали на нее внимания. Эта пища просвечивала через их тонкую розовато-зеленую кожу и проступала бугорками... Вокруг электрических лампочек серыми облаками висела мошкара.

Наконец, мы снова в нашей комнате.

Возимся с москитными сетками. Вся имеющаяся в комнате техника включена на полную мощность. Надо хоть несколько часов поспать, завтра утром рано подниматься. Моя кровать под вентилятором. Теперь понятно, почему она стоит так нелепо. Вентилятор гудит и обдаёт меня упругой струей. Я не выдерживаю, прошу мужа переключить вентилятор на меньшее число оборотов, а то я не усну. Но заснуть так и не удалось до самого утра, мы только измучились от жары и комаров, которые находили где-то лазейки, пробирались под сетку и звенели над ухом.

В Катманду я вернулась совсем больная и от бессоницы, и от угощения. Наша квартира показалась мне раем, а о тераях я вспоминала с ужасом.

Прошло немало времени, прежде чем я решилась схать в тераи снова. Муссон давно прошел. В Катманду стали холодными ночи и очень холодной вода в водопроводе. Все мы стали шмыгать носами, в домах на каменном полу зябли ноги. Особенно неприятно было ложиться спать в холодную сырую постель. Захотелось погреться. А тут дорожники приглашают в гости.

Дорожники — это советские специалисты, приехавшие в порядке безвозмездной помощи строить в Непале шоссейную дорогу Восток — Запад протяженностью более тысячи километров. Дорога пройдет через весь Непал, по южной его части, от восточной до западной границы. Она будет частью большой трансзиатской автомагистрали, а точнее — войдет в ответвление этой магистрали, дорогу А-II. Вся система автомагистрали имеет длину 63,5 тысячи километров, главными в ней являются две дороги: А-I и А-II. Дорога А-I (длина 10 800 километров) пролегает южнее, чем дорога А-II, и пересекает Иран, Афганистан, Пакистан, Индию, Бангладеш, Бирму, Таиланд, Камбоджу и Южный Вьетнам. Дорога А-II (длина 12 985 километров) проходит по не-

пальским тераям. Начинается она на ирано-иракской границе и заканчивается в Индонезии, к берегу которой автотранспорт будет переправляться на специальных пароммах. Дорога в основном уже готова. Когда будут построены некоторые отставшие участки дороги А-II (в Бирме и в Непале), она свяжет между собой следующие страны: Иран, Пакистан, Индию, Непал, Бангладеш, Бирму, Таиланд, Малайзию, Сингапур и Индонезию.

В строительстве дороги кроме СССР принимают участие Индия и Англия. Дороге уже дано имя — «Махендра раджпат». Наш участок длиной около 116 километров начинается от местечка Патлая вблизи Симры в тераях и идет к городу Джанакпуру (Восточный Непал). Этот участок дороги для Непала очень важен. Он свяжет центральный район страны с восточным. В настоящее время восточные и западные районы страны не имеют сообщения между собой (если не считать объездного пути через Индию), от этого очень страдает их экономика. В восточных районах, например, выращивают рис, а избыток его не могут продать в Непале, тогда как жители западных районов остро в нем нуждаются.

Название Патлая русский поселок строителей-дорожников получил от небольшого поселения вблизи. А в общем-то он находится в джунглях. Мне хотелось посмотреть настоящие джунгли и горную дорогу «Трибхуван раджпат», построенную индийцами около десяти лет назад. И вот в конце ноября 1966 года мы поехали в Патлаю на машинах.

От Катманду до Патлаи по прямой километров 60. По тропе, пролегающей через горы, — не больше 80, а по дороге Трибхувана — около 150. Сначала дорога идет на запад, потом поворачивает на юг под углом 90 градусов, короче говоря, делает огромный крюк. На пути надо преодолеть три перевала: на первом подняться на высоту до двух километров, спуститься в долину, снова подняться на 2,2 километра, спуститься, пересечь большую долину Полунг и подняться на высоту 2,8 километра. Крутой спуск с этого перевала по серпантинам дороги ведет на Великую Индо-Гангскую низменность. Тераи — ее кромка.

Из Катманду мы выехали в 10 утра. В этот час в долине было уже тепло и удивительно тихо, как бывает

идея зимой. С ясного, ярко-голубого неба светит сверкающее, но незнойное солнце. У открытых дверей домов неторопливо возятся женщины, чем-то тихо забавляются полуголые ребятишки, на самой дороге, развалились, как мертвые, спят после холодной ночи собаки. В этой прочной тишине, не нарушая ее, раздаются горластые крики каких-то крупных птиц.

Иногда по улице прошуршит машина или пройдет прохожий. Вот гуськом идут полуголые кули, согнувшись под связками изогнутых дров, килограммов по сорок, не меньше.

Мы пересекли город. Узенькая улица перешла в дорогу, возвышающуюся над рисовыми полями, которая умиралась в громаду зелено-синих бархатных гор.

Остановка. Контрольный пункт. После проверки паспортов, людей и машин кривая лесина, перекрывающая дорогу, поднялась, разрешая ехать дальше. Дорога, добросовестно огибая горы, пошла на подъем.

С одной стороны стена, с другой — обрыв. Начались повороты: направо, налево... Нас прижимает то к одному, то к другому борту машины. Машина то наклоняется к стене, то заглядывает в обрыв. Иногда мы долго не отрываемся от какой-то стороны — значит, делаем поворот на 360 градусов, есть и такие.

Крутые срезы гор, спускающиеся к дороге, позволяют заглянуть в глубину их. Здесь они словно сложены из громадных кубов, выступающих одним углом. Там выпирают огромные валуны. Этот навис над дорогой и, кажется, готов рухнуть. Но чаще видны слоеные, круто изогнутые пласты, уходящие вниз. Поражают пласты, стоящие почти вертикально. Какая силища их перевернула!

Тут, в тени, все прикрылось ковром — по зеленому полю разводы черного серебра, лиловатых крохотных цветов, тонких длинных былинки или выпуклых темных букетов кустарника. Кое-где из стен сочится вода, в распадах шипят и пенятся потоки, местами они каскадом падают с валунов, там и сям перебегают через дорогу. Из обрыва к дороге поднимаются верхушки деревьев, кусты и пучки высокой травы. Некоторым деревьям удалось забраться на самый край дороги, и они красуются на фоне неба или дальних гор. Тени перекрывают дорогу. Тишина. Повороты, повороты...

За каждым поворотом своя панорама гор со своим передним планом, перспективой, небом, своим цветом и освещением. Нет конца разнообразию гор. Они то грозно наступают, давят своим величием, то отступают и мнутся чистыми красками... Перед нами глубоко внизу рыжеватая чаша долины. Ступенчатые рыже-серые корявые поля. Рис собран, теперь очередь за овощами, пшеницей.

Горы прикрылись белыми облаками. А одна стеклянная вершина проткнула их, и кажется, что она поконится на облаках. Вспомнилось, что у непальцев некоторые боги живут на горах. На самой высокой горе — Сагарматхе (Эверест) живет сам Шива. В этом есть своя логика. Горы реальны, прекрасны и недоступны, они выше облаков.

Встречный автобус, до отказа набитый людьми, узлами, корзинами, которые как-то удерживаются и на крыше, проносится мимо, прикрывшись смрадной завесой. Машины только успевают увертываться. Можно в стену врезаться, можно в обрыв скатиться... Водитель автобуса, как правило, индеец, ничего не боится, так как верит в свое бессмертие. Со своего высокого сиденья он смотрит вперед и жует бетель.

Следов этого ухарства на дороге немало. Нет-нет да и увидишь далеко внизу бесформенный предмет, который когда-то был машиной. А здесь горячая встреча двух машин произошла недавно. Одной машины уже не видно, а другую, наверно, еще не скоро удастся снять, она прыгнула на выступ скалы почти на двухметровую высоту и повисла правым боком над дорогой. Снимут машину и снова забудут об осторожности на этом месте. Предупреждающих знаков на дороге нет. Да и зачем они? Вся дорога — сплошное предупреждение.

Несколько поворотов, подъемов — и горизонт опять раздвигается. Теперь перед нами обширная долина Полунг. Значит мы на втором перевале. Долина усыпана темными сферическими бугорками. Быстро спускаемся вниз. Заметно теплеет. Теперь видно, что все вокруг усеяно валунами разной величины. Двухэтажные глиняные домики, окрашенные в два разных цвета, разбросаны среди полей. Вода в реке едва покрывает дно. Возле камней семья непальцев ловит голыми руками крохотную рыбешку.

Теперь дорога все время идет на подъем. На северной стороне под кручами лежит снег. Быстро бегут низкие серые тучи. Очень холодно, надеваем фуфайки. Скоро и перевал.

Остановились. Туман бежит на нас. Мы расположились на маленькой площадке, на ребре, каких немало отходит от вершины перевала. Внизу гигантский кипящий котел. Все вокруг только черное и серое, серое и черное. Силуэты огромных деревьев, то резко черные, как обугленные, то расплывшиеся, поднимаются из серых клубов «пара». «Пар» извивается, вздувается, опускается, но... в полной тишине.

У деревьев, которые забрались выше всех, нет верхушек. Их кто-то обглодал или опалил. Торчат острые черные зубцы, жесткая листва на длинных жилистых руках растет клубками. Рядом свисают седые бороды лишайников. Тучи цепляются за них и становятся их продолжением. Эти огромные бороды некоторое время дымятся, затем быстро соскальзывают вниз, в котел. Котел кипит, но вокруг зловещая тишина. Может быть, там, за клубами тумана, находится чистилище!..

В этом мрачном, по величественному месту мы молча и на этот раз без свидетелей пообедали. Котел все дымился и кипел.

Но вот на мгновение через тучи прорвался луч солнца и задымился. Он осветил кусок рыжего склона; на ближнем дереве заалела гирлянда листьев; сейчас же защелкали какие-то птицы... Волшебное хорошо!

Надо ехать дальше. Спускаемся. Серый клубящийся туман. Кусок дороги и призрачные тени по сторонам. Повороты, повороты... от них тупеешь. Скалы и зелень, зелень и скалы круто уходят вниз. Вот сквозь деревья стал виден знаменитый серпантин из тринадцати петель. Их видно почти все сразу. Все ниже, ниже... У последней петли невольно поднимаешь голову вверх, чтобы посмотреть, откуда же мы съехали. И видишь: высоко-высоко на этом огромном склоне бежит светлая машина, она не больше детской заводной игрушки.

После серпантина дорога идет по ущелью. Громады гор справа и слева. Внизу белое русло реки, тонкий ручеек пробирается под дальним берегом. Дорога становится спокойнее, меньше поворотов. Наступают сумерки. Кажется, в Патлаю до темноты приехать не успеем.

Впереди равнина. Сильно потеплело, несмотря на близость ночи. Возле дороги вкривь и вкось стоят шалаши и навесы — жилища крестьян. А вот и сами труженики в серых одеждах сидят у костров. Козы, буйволы, коровы... поля, поля. С них доносится сильный запах цветущей горчицы. Густые поросли сахарного тростника. Теперь мы едем быстро по прямой дороге, но уже с зажженными фарами. Въехали в джунгли. По обеим сторонам дороги немо и таинственно стоят деревья. Свет фар выхватывает из темноты стволы, то серые, голые, то перевитые лианами, то огромные, вывернутые из земли комли. В одном месте дорогу перебежал небольшой зверек с пушистым хвостом, в другом — группа шакалов оторопело смотрела на машину, стоя у опушки. Глаза их еще некоторое время светились в темноте. Попались две встречные машины. И снова тишина джунглей. Лишь гравий шуршит под колесами машины.

Вдруг слева среди деревьев мелькнул свет. Да, несомненно, это был электрический свет от целой грозди лампочек. Это неожиданно и тем более приятно. Оазис человеческой культуры в джунглях!

Машина круто повернула влево, почти не снижая скорости, и мы оказались у большого белого здания, из окон которого лился свет... и музыка. Прямо сказка! Нет, не сказка, а Патлая.

Патлая

Патлая! Это нерусское слово у меня вызывает прежде всего представление о русской сердечности и теплоте, потом — о физическом тепле: теплый воздух, теплая вода в водопроводе, теплая баня — русская баня в джунглях. Все в меру теплое, приятное. Это зимой. А с конца февраля в Патлае, как и везде в тераях, тепло начинает прибывать с каждым днем. Уж жарко, хватит! Нет, ртуть в термометре поднимается все выше и выше. В мае—июне земля жжет ноги через подошву обуви, а босые непальцы отказываются работать на трассе. После первых дождей температура сразу снижается градусов на десять (но это все равно больше тридцати), воздух становится густым и липким, прилипнет и не отходит, так же как и черные мелкие комары. Но это бывает летом, а теперь зима.

У дорожников закончился подготовительный период: строительная база была готова. Построен склад для прибывающих грузов, подъездные пути, мастерские для ремонта механизмов, пилорама, налажена дизельная электростанция, пробурены три артезианские скважины, построено здание конторы, к которому прилегает большой зал столовой и кухня. А напротив, через дорогу, достраивается поселок. Для русских специалистов три больших двухэтажных дома, поставленных в виде буквы «п» и коттеджи для непальской администрации и специалистов. Внутри двора большой бассейн, площадки для спортивных игр, открытый кинозал. За оградой, в джунглях, баня на колесах и прачечная.

К этому времени дорожники получили необходимые машины и механизмы, а главное — подготовили из непальцев рабочих, которые будут работать на этих машинах. Несколько десятков неграмотных крестьян научились водить автомашины и тракторы, управлять бульдозерами, экскаваторами, автогрейдерами. Другие вяжут металлические сетки для укрепления берегов рек, заготавливают щебень. А третьи — еще совсем «сырой материал», на строительство дороги они пришли недавно и еще ничего не умеют. Эти рабочие сейчас выравнивают площадку около столовой. Худые коричневые тела едва прикрыты. Выгоревшая, длинная, почти до колен, рубашка да тряпка на голове — вот и вся их одежда. Двое-трое из них еле-еле шевелят лопатой, а остальные, человек двадцать, даже не делают вида, что работают. Но вот словно по команде они все начали ковырять землю. Появился человек, одетый «роскошно»: дхоти*, светлый пиджак, чалма и черные ботинки на босу ногу. Человек в чалме очень важно проследовал до площадки, которую благоустроивали рабочие, и опустился на корточки с края. Теперь рабочие будут работать, это пришел бригадир-надсмотрщик.

Рабочие — в основном индийцы, непальцы еще раздумывают — стоит ли работать? Если сегодня у них есть горсть риса, то они о работе думать не будут.

А вот этот молодой фронт понял выгоду работы, он уже позволил себе удовольствие и роскошь: все верх-

* Д х о т и — кусок тонкой белой материи, из которой мужчины в Индии делают род штанишек, обматывая вокруг талии и пропуская один конец между ногами.

ние передние зубы пробуравил золотыми гвоздиками и теперь, то и дело улыбаясь, их показывает.

Дом у рабочих далеко, в Индии, они уходят или уезжают домой только на субботу, а остальные дни живут в кое-как сколоченных маленьких лачужках, окружающих поселок строителей. Ночью от холода или от страха рабочие жгут костры и сидят вокруг них. Естественно, что они не высыпаются и на работу выходят как вареные. Тем не менее эти люди, получающие две-три рупии в день, считают себя счастливыми. Но это не мешает им при приближении праздника (а их в Индии тоже очень много) бросать свои лопаты и кайлы, где попало, и уходить, не спросив разрешения.

Каждую ночь приблизительно в одно и то же время вблизи поселка в джунглях «дают концерты» шакалы. Они воют плачущими человеческими голосами, затем тьявкают по-собачьи и снова воют, выворачивая душу.

Дорожники сообщили последние местные новости. Летом, перед муссоном, стояла страшная жара, как обыкновенно бывает здесь в это время, около 50 градусов в тени. Не только ручьи, но и многие реки совсем пересохли, в джунглях нет травы, а от подлеска остались только голые прутья. На территорию поселка часто заходили пятнистые олени. А однажды пришел леопард.

«В самый разгар зноя мы устраивали перерыв, — говорил рассказчик, — все прятались от солнца, и двор, тогда еще не огороженный, был пустым. Леопард вышел из джунглей и, как будто по знакомой дороге, сразу подошел к бассейну. Вода в бассейне не доходила до бортов сантиметров на сорок-пятьдесят. Леопард лег на борт, опустил свою широкую мягкую лапу в воду, сжав когти, вытащил и обсосал ее, снова опустил в воду. Один из рабочих-непальцев увидел пьющего леопарда и страшно закричал. Выскочили другие непальцы, зашумели, стали бить в жестянки, тазы. И леопард не спеша, с сожалением ушел в джунгли».

А на прошлой неделе возле склада убили огромного красивого удава. Длина — четыре метра, тяжелый и толстый, как бревно. Теперь, когда золотисто-коричневые кольца удава не могли сдавить в своих объятиях, женщины наперебой хотели сфотографироваться с ним. Сгибаясь под тяжестью, вешали его себе на шею, держали за хвост...

Нас разбудили птицы. Щелканье, щебетанье, свист. Утро уже не раннее, но еще бодрящее, в тени на кустах роса. Я вышла на веранду, в пяти метрах от нее забор, и забором джунгли. Огромные прямые деревья, одни с гладкими, другие с шершавыми стволами; у одних листья мелкие, у других — с две ладони, но те и другие растут очень густо. Листва шуршит, там кто-то копошится. С треском полетел вниз сучок. С одного дерева на другое перемахнула обезьяна. Я еще не видела обезьян в их стихии, захотелось посмотреть поближе.

После завтрака мы с женщинами пошли осматривать Патлаю и ее окрестности. Прошли сначала по узкоколейке, потом вдоль шоссе, по которому мы вчера приехали. Теперь под ярким солнцем в джунглях ничего таинственного не было. Лес походил на наш, только деревья крупнее, и сверху он как бы прикрыт толстым лохматым одеялом.

На обочине дороги молодое дерево стоит, как стог сена. При нашем приближении с него взлетела огромная стая зеленых попугайчиков, как будто вентилятор взметнул тучу листьев, покружил ими и снова втянул в зеленую шапку дерева.

С насыпи дороги виднеется что-то вроде просеки в лесу. Спускаюсь. Только одна женщина неуверенно пошла за мной. Затаившийся полумрак и сырость. Вверху зашумела листва. За нами следит любопытная мордочка. Вон еще, еще... Одна обезьяна вскрикнула и перемахнула на другое дерево, другая повисла вниз головой на хвосте, чтобы лучше нас рассмотреть. Это не те обезьяны, каких много во всех священных местах. Эти обезьяны серые, длиннохвостые. Говорят, они более агрессивны, великолепно владеют своим хвостом, могут им с большой точностью швырять камни... Мне не советуют углубляться в джунгли, выхожу на солнце. Оно уже припекает, температура не меньше тридцати градусов.

Мы заглянули на пилораму, в мастерские и в Дом дружбы. Дом дружбы — это небольшой обыкновенный дом под скатной крышей, стоит среди деревьев у дороги, недалеко от ограды поселка. В нем одна просторная комната. Здесь на столах книги и газеты на английском и хинди, шахматы, шашки, приемник. Стенды с фотографиями, которые рассказывают о нашей стране: о труде, отдыхе, искусстве.

При клубе есть совет, куда входят, как и положено при Доме дружбы, и русские, и непальцы. Совет организует мероприятия, подсказываемые самой жизнью.

Работают кружки по изучению языков: русского, непали, английского. Непальцы — инженеры и техники повышают свою квалификацию, для них советские специалисты читают лекции. Спорт в Патлае стал обычной составной частью жизни. После пяти часов дня, когда солнце уже не обжигает, до темноты взлетает волейбольный мяч, постукивают по столу целлулоидные шарики, грохочут городошные биты...

А в праздничные дни — и по случаю годовщины Великой Октябрьской революции, и по случаю Дурга пуджи, Индра джатры, словом, по любому подходящему случаю — устраиваются соревнования между командами советских строителей и непальцами. Волейбол, футбол, теннис, настольный теннис. В теннисе непальцы чувствуют себя уверенно, и призы на соревнованиях часто достаются им. Некоторые непальцы научились играть в наши русские городки, но здесь дело до «международных» соревнований еще не дошло.

Соревнования всегда привлекают много зрителей. Приезжает иногда и сам мэр города Бирганджа мистер Гхош. Непальцы — народ общительный. Кроме того, они чувствуют доброе отношение к себе русских, отношение дружеское не на словах, а на деле. Основа дружбы, конечно, закладывалась в совместной работе. Русские работают бок о бок с непальцами. Крестьяне окрестных селений, нанявшиеся работать на строительстве дороги, на глазах веселели. Они могут учиться. Как в сказке! Они бесплатно приобретают профессию. И обучение простое, доходчивое. Наши инструкторы сначала сами учились непальскому языку. Это они обучили уже много десятков молодых непальцев управлять экскаваторами, бульдозерами, автомобилями, забивать сваи...

Для внешнего проявления дружбы иногда требуется какая-то необычная ситуация, какая-то особая причина. Такой причиной для проявления чувств непальцев к советским дорожникам послужил отъезд из Непала домой инженера по автомобильному транспорту Владимира Ивановича Усенко.

Свой коллектив провожал Владимира Ивановича,

как обычно: был товарищеский ужин с тостами и песнями и много частных прощальных встреч — длительных и совсем коротких — посошок на дорожку. А вот как провожали Усенко непальцы: непальская администрация устроила в честь Владимира Ивановича для всего коллектива дорожников ужин с концертом. На концерт пригласили профессиональных индийских артистов из Раксаула, танцоров и певцов. Кроме того, была приглашена специальная «музыкальная» машина, оборудованная проигрывателем и усилителем. Такие машины состоятельные индийцы (и непальцы в тераях) нанимают на свадьбу. Музыка заполняла все паузы в программе ужина и слышалась всю ночь. Владимиру Ивановичу, да и всему коллективу строителей-дорожников, было высказано — неторопливо и с чувством — много похвал и добрых пожеланий. А чтобы Владимир Иванович не скоро забыл непальских друзей, ему вручили на память подарок.

В день отъезда Усенко непальцы, работавшие с ним, не явились на работу. Все они оказались на аэродроме в Симре. Такого количества автомашин и такого множества людей на травяном поле аэродрома здесь еще, пожалуй, никогда не видели. Тут была вся колония русских: строителей дороги и строителей завода, их жены, персонал непальской администрации, специалисты-непальцы, представители местных органов управления, сам мистер Гхош и много рабочих-дорожников и крестьян из соседних деревень. На Владимира Ивановича и его жену надели столько цветочных гирлянд, что они образовали хомут, поднимающийся сзади до макушки. Оказавшийся здесь американец с любопытством спрашивал: «Кого это провожают?» Услышав, что провожают русского специалиста, сделал постную мину.

Самолет в этот день по обыкновению опоздал часа на полтора, но никто не уходил. Наконец, началось прощание с отъезжающими. После русских к Владимиру Ивановичу потянулись с рукопожатиями все непальцы. Сначала они прощались по-непальски: говорили «намасте» и, сложив ладони, кланялись, а потом с чувством трясли ему руку. Самолету давно была пора подниматься в воздух, пилот был в кабине, все пассажиры на местах, кроме одного русского, но самолет ждал. И надо сказать, ждал вежливо и терпеливо.

Вот уже Владимир Иванович на лестнице у люка в самолет. Последний прощальный жест провожающим... И в этот момент вдруг все поле загудело. Протяжно и громко заревели все автомашины. Это был настоящий плач. И плакали не только клаксоны. Многие непальцы утирали лицо. Впереди плотной толпы стоял, устремив взор к самолету и безжизненно опустив руки, шофер Нарайян, по его щекам катились крупные слезы.

Самолет взлетел. Сейчас он чуть-чуть повернется, возьмет курс на горы и исчезнет. Но... пилот, видимо, понимая всю важность момента, развернул самолет и прежде, чем лечь на курс, сделал над аэродромом широкий круг, круг почета. И все это время с земли сотни рук посылали ему прощальный привет.

Местное население, зная о хорошем отношении к себе русских, часто обращается в поселок с разными просьбами. Главным образом это просьбы об оказании медицинской помощи. Иногда — о строительном материале. А не так давно к дорожникам обратились жители деревни, расположенной километров за пятьдесят от Патлаи, в районе новой базы дорожников на реке Багмати, где будет строиться самый большой из мостов на дороге. Они просили провести дорожку от трассы дороги к школе в их деревне. Не к деревне, которая была тут близко, а именно к школе. Наши специалисты пошли посмотреть, где стоит эта школа, определить, какой длины требуется дорожка. Они пришли... к дереву. На утопанной площадке под ним скрестив ноги сидело с десяток учеников разного возраста. Одни писали на грифельных досочках, другие что-то повторяли хором.

Строители сделали дорожку к этому месту, да еще и домик поставили. Этот небольшой дощатый домик из трех комнат будет школой. Строители на общественных началах любовно оборудовали ее по-своему: сделали парты, повесили в классах черные доски, купили тетради и карандаши. Они позаботились, чтобы парты ученикам пришлись впору.

Школу передали местному данчаяту. По этому случаю состоялась торжественная церемония в присутствии множества местных чиновников. Наши советские специалисты еще раз услышали от непальцев слова благодарности и в адрес своей Родины, и в свой лично. В за-

ключение главный инженер строительства дороги П. А. Кравцов передал членам панчаята ключи от школы и пожелал юным непальцам успехов в ученье.

Биргандж и окрестности

В Биргандже. Биргандж по внешнему облику — город больше индийский, чем непальский. По его главной улице проходит спустившаяся с непальских гор дорога в Индию. Улица, довольно широкая, загруженная воловьими повозками на двух огромных колесах и обильно замусоренная, оглашается криками разносчиков товара и погонщиков волов, гудками машин и велосипедными звонками. Дома индийской архитектуры: кружевные панели балконов на тонких колоннах. С обеих сторон сплошные магазины, лавки, харчевни и портновские мастерские. Все максимально приблизилось к покупателю: товары, ремесленники, их изделия и отходы. Товары в витринах, на стенах лавок, на открытых дверях и над головами прохожих. Швейные машины стоят у мостовой, прямо на асфальте стегают ватные одеяла, жарят в жаровнях земляные орехи, сюда же выкидывают отбросы и выплескивают помои...

Обхождение с покупателями тоже индийское: вас зовут, усаживают, предлагают воды или чаю и заваливают товарами. Стараются понять, что вам может понравиться, хвалят товар и «испытывают» его у вас на глазах, то есть растягивают, рвут, трут.

От главной улицы в обе стороны отходят темные, залитые помоями переулочки с низкими, тесно поставленными домами. Где-то среди них находится несколько начальных школ, Общество непало-советской дружбы, клуб, где иногда можно посмотреть кино, склады перевалочной базы грузов, поступающих из Индии... Вот и весь Биргандж.

На сахарном заводе. Это недалеко от Бирганджа. В настоящее время завод начал свой третий рабочий сезон. Уже издали видна очередь повозок с сахарным тростником, растянувшаяся перед заводом километра на полтора. Крестьяне, привезшие тростник, прочно обосновались на пустыре в ожидании своей очереди. Варят на маленьких кострах рис, спят...

Заводом управляют уже непальцы и работают на

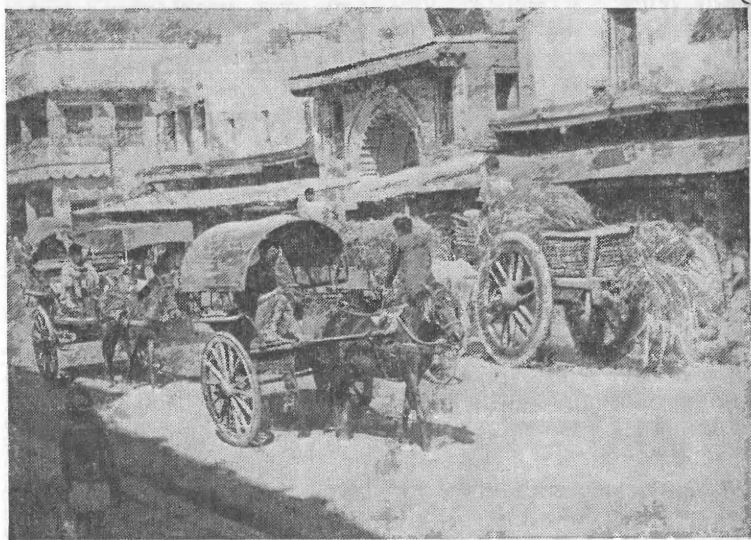


Рис. 27. Биргандж. Главная улица

нем непальцы. Только двое советских специалистов и один чех еще контролируют процесс работы. Технолог показывает нам завод по порядку, начиная от железных челюстей конвейера, которые непрерывно жуют жесткие палки тростника, до складского помещения, в начале которого по желобку сбегает белый чистый сахарный песок. Удивительно, что чистый, несмотря на высокие сладкие наросты грязи внизу и белые заросли паутины на потолке. Впрочем, спасают механизация и автоматизация процесса. И непальцы в общем справляются с новой техникой, хотя в их генах еще не заложен опыт индустриализации. Правда, бывают и курьезы. Вот несколько эпизодов, рассказанных нашим специалистом.

Летом, когда завод стоит, все механизмы и аппараты его приводятся в порядок. И вот в комнате для механиков и слесарей мы увидели Тулси, рабочего-непальца, который сидел на полу и притирал большой вентиль, зажав его между колен.

— Милый! Да ведь тебе неудобно. И толку от такой работы мало.

Мы взяли и устроили этому слесарю хорошее рабо-

чье место: стол, на нем привернули тиски, инструмент разложили... все как надо. «Теперь, Тулси, все будет радро!» Ему все показали, вентиль зажали в тиски и ушли. Через некоторое время видим: наш Тулси работает, как и раньше, только забравшись на стол с ногами и зажав между колен вентиль вместе с тисками...

Потребовалось вбить крюк в стену. Рабочий Багван стал вбивать его в цементную стену, но, конечно, безуспешно. Ему подсказали: «Ты сначала вбей в стену деревяшку». Пошел Багван во двор, нашел большую чурку и стал выбивать для нее соответствующее гнездо в стене. «Зачем такое большое гнездо делаешь, Багван? Меньше надо». — «Я не нашел другой деревяшки».

Взяли мы у него чурку, раскололи и обтесали в два счета. Стоит Багван и языком щелкает...

Бригада непальцев взялась делать небольшой навес во дворе. Закончить работу обещают через две недели. «Тут дела ровно на два дня, — говорят им, — сделайте за неделю и получите в два раза больше денег».

Посоветовались, посоветовались непальцы, и бригадир их отвечает: «Не надо нам лишних денег, работать быстрее мы не будем, сделаем через две недели».

Не любят непальцы торопиться. Зачем? Через неделю работы не будет. А так целых две недели они будут заняты.

Нас, русских, здесь на заводе две семьи, был у нас общий повар, получал 100 рупий в месяц. Через некоторое время мы прибавили ему еще 20 рупий. Видим, на кухне все время торчит какой-то мальчишка. «Что это значит?» — спрашиваем повара. «Это мой помощник, — отвечает он. — Вы мне добавили жалованье, и теперь мне не надо самому работать руками».

Новый сахарный завод — не предприятие, а заводная современная «игрушка», но в первое время он работал нерентабельно, так как его рабочий сезон продолжался только два-три месяца в году, не хватало сырья — сахарного тростника. Непальцы его для промышленных нужд еще не сажают, не привыкли, и завод в основном перерабатывает то, что привозят индийские крестьяне из прилегающих к Непалу районов. Граница между Непалом и Индией открытая. А непальские рупии можно легко обменять на таможне на индийские и наоборот. Вот и везут крестьяне свой тростник туда, куда ближе.

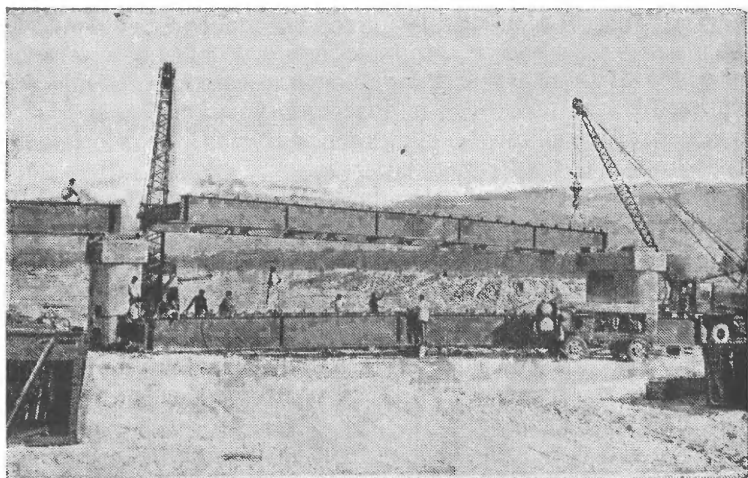


Рис. 28. На строительстве дороги Симра—Джанакпур.
Сооружение моста через реку Бакея

Озеро удавов. Субботу, выходной день, мы решили провести на Озере удавов. Есть ли непальское название у этого озера, я не знаю, а назвала его так потому, что советские дорожники, так сказать, отбили его у удавов. Два огромных удава (один был четырехметровый) заплатились жизнью. Озеро находится недалеко, километров в двадцати от Патлаи, и стало местом отдыха.

От поселка Патлая на восток берет начало новая дорога, которую еще строят. Несколько десятков километров ее готово: отсыпано земляное полотно, покрыто щебнем и пропитано битумом. Дорога строится на совесть, доброту. Широкая просека, прямая, как стрела. Нам кажется, что мы едем по Подмоскovie. Но это впечатление было недолгим.

Доехали до первой речки. Объезд по джунглям. Высоченный лес с серыми стволами далеко просматривается вдаль. Мрачно. Солнце сюда не пробивается. Толстыми канатами свисают голые лианы, перекидываются с дерева на дерево, причудливо обвивают стволы деревьев.

Дорога делает поворот. Этот поворот не предусмотрен проектом. Виновник — вот это раскидистое дерево с

листьями почти как у нашего тополя. Это пипал — дерево священное. Непальцы не позволили его выкорчевывать, а оно как раз оказалось на трассе дороги. Что поделаешь? Оставили.

Едем по белой, окатанной гальке сухого русла реки Дудхауры. Хоть бы узенький ручеек от нее остался. Дорога и дорога, только очень широкая, около трехсот метров, и сыпучая. Здесь предстоит соорудить большой мост. Вот в этих котлованах поставят высокие опоры. Река во время муссона бывает не только полноводной, но бурной и капризной. Тут и там по ней далеко, насколько хватает глаз, на белой гальке чернеют вывороченные с корнями деревья, кусты и целые островки земли... Это следы необузданной стихии. Река способна за несколько часов отделить большой кусок берега, перенести с одного места на другое тысячи тонн песка и гравия, образовать большую мель.

К руслу подступили джунгли. Справа по каким-то приметам шофер нашел в них «ворота», и мы оказались на заросшей просеке, прямота которой еще указывает, что она сделана по шнуруку. Это один из участков первого варианта трассы дороги, который был потом заменен другим.

Лес притих. В подлеске много веерных пальмочек, напоротник, деревца с листьями-лопухами, напоминающими дубовые, растут кусты высоченной слоновьей травы, часто попадаются рыжие пики термитников. В нескольких местах из-под машины выбегали дикие куры. Проскакал заяц. «А вон — тигр!» — тихо сказал шофер. И действительно, метрах в пятидесяти мы увидели тигра, неторопливо пересекающего просеку. Мы все легкомысленно смотрели на него так же, как в зоопарке, совершенно не думая, что он может быть опасен. А ведь этот хищник у себя дома.

Скоро мы повстречали чету крестьян, они были явно возбуждены, что с непальцами бывает очень редко. Эти крестьяне здесь в лесу пасут скот, и они тоже видели тигра. Я представила себя на их месте. Ведь они совсем беззащитны.

Дорога сделала поворот и стала подниматься в гору. Гора неожиданно круто спускалась прямо в озеро.

Красиво! Зеркальная гладь среди камышей в рамке кудрявых джунглей. На воде лодка и плот на бочках.

«Малёк» — написано на лодке по-русски. Объяснений не надо. Приехали.

День провели прекрасно, хотя к середине дня в тени было больше тридцати градусов. Ловили рыбу, варили уху. Уха напоминала нашу уху, хотя рыба была не та — с острыми колючками и кусалась. А некоторые рыбки пищали и угрожающе ощеривались, когда их хотели взять в руки.

На обратном пути на просеке нас застал закат солнца. Сначала оно золотило верхушки деревьев, потом тушью вырисовывало причудливую сеть ветвей на багряном фоне, потом несколько раз проглянуло карминными лучами между стволами деревьев и пропало. Небо сначала стало серым, а потом черным. Еще чернее были безмолвные джунгли, в которых наш джип небыстро пробирался вперед, касаясь боками кустов и травы. И мы все молчали, то ли устали, то ли чувствовали себя немножко виноватыми: задержались на озере дольше, чем было решено. Уж очень хорошо было возле озера после того, как солнце стало садиться.

Но все обошлось без приключений. Мы только много раз видели во тьме джунглей светящиеся глаза. Чьи они были, кто знает?

На выезде с просеки машину остановил вооруженный патруль. Нас спросили по-непальски, что мы везем. Нет ли с нами ружей или охотничьих трофеев? У нас ничего этого не было, и мы поехали дальше без задержки. Было даже приятно, что мы встретили живых людей.

А еще через полчаса мы были уже в другом мире, в Патлае. И джунгли уже не были властны над нами. Здесь люди смотрели кино, и репродуктор всей своей мощью обрушивался на зрителей по обе стороны экрана. Сегодня было очень много зрителей-непальцев, сидевших прямо на земле. Они бурно выражали свои чувства, одинаково радуясь и победе и поражению героев.

Нам было не до кино. Спать пора, завтра — в обратный путь, домой.

* * *

Тераи кончились. Дальше дорога уходила в Сиваликские горы — первую ступень Гималайского хребта. Под утренним солнцем эти массивные, отвесно поднимающиеся

ся над равниной горы были живописны и веселы. Гряды да грядой уходила к горизонту, каждая идеально раскрашенная в свой цвет. Местами нежнейшая сиреневатая дымка поднималась между грядами, тогда горы были полосатыми: кромка резких зубцов незаметно переходила в дымку и скрывалась за новыми зубцами. На ближних вершинах на фоне неба выделялись силуэты деревьев.

Дорога идет по краю обрыва, который спускается в белое русло реки. Противоположный берег поднимается отвесно, местами гладкой стеной, в других местах на склонах между грязно-белыми известковыми пролысками клубится зелень деревьев.

Круче подъем. Над дорогой повисают скалы. Здесь в виде грота с сосульками, здесь в виде множества ромбов, тут — слоями, опрокинувшимися градусов на восемьдесят... А здесь гигантский валун под зеленой скалтертью выпирает своим боком так, что невольно думаешь: «О, Вишну! Убереги и пронеси!»

По расселинам, рокоча и шипя, пробирается между валунами белая пена, обнимет большой валун и затем упадет с него стеклянной стеной. В тени огромных деревьев блестят, покрытые тонким зеленым «стеклом» камни. Далско внизу шумит невидимая речка. Она, наверно, кипит, над ней, цепляясь за курчавые деревья, поднимаются и несутся в сторону густые белесо-серые клочья тумана. Вот они добрались до дороги, бегут по ней, лезут по скалам, устремляясь к небу, словно притягиваемые им.

Дорога врезается в туман. Выше и выше... Машина пыхтит, дышит с трудом. Впереди на повороте встречный автобус остановился, пропускает нас, здесь машинам не разъехаться.

Вдруг солнце скрылось. Пропыленное ватное небо сразу сделало все вокруг серым и зловещим. Близко перевал. На перевале мы вышли из машины. Здесь полагается отдохнуть и пообедать. Не так уж много мест на этой длинной дороге, где можно это сделать.

Здесь есть харчевня, шофер воспользуется ею. У нас же пища и питье с собой, мы постелили плед на маленькой площадке между валунами под огромным деревом с лакированными колючими листочками. Высота — почти три километра. Пустынно. Тихо и красиво.

Вокруг из серого тумана выступают отдельные деревья: гигантские и рукастые, почти все без верхушек. С «рук» клочьями спускаются лишайники, как будто это сгущенный туман зацепился за сучья и повис, не отрываясь от неба...

Однако туман пробирается и под фуфайки, начинаем дрожать. В машину садимся с удовольствием, в ней теплее. Теперь спуск, и повороты, повороты.

Вдруг на склоне горы появилось солнечное пятно — ярко-желтое. Туман расступается. Машина быстро спускается вниз. Вот уже и дорога под ярким солнцем, а рядом с нами, над обрывом, плывет двухсторонним мохнатым одеялом туча: серая снизу и золотистая сверху. Еще и еще повороты. Теперь каких-нибудь три тысячи поворотов — и мы дома.

Первенец индустриализации

В 1968 году мне представился случай жить в терях около двух месяцев. Строительство завода сельскохозяйственных орудий подходило к концу — монтажники уступили место эксплуатационникам. Среди них не было термиста, и мне предложили на общественных началах поработать на заводе. И вот уже вместе с главным инженером строительства завода Леонидом Семеновичем Кравченко лечу в Симру. Там нас ждала машина, и минут через сорок мы были на месте, у дома Индра бхаван. Километрах в четырех от него, у дороги, стоит светлое здание с зубчатой стеклянной крышей. Это и есть завод сельскохозяйственных орудий.

— Хотите сегодня же посмотреть завод? — спросил меня Леонид Семенович.

— Да.

— Тогда после обеда поедем вместе. Я Вас представлю мистеру Сувалу, а завод покажу сам и с ребятами познакомлю. Да в столовой уже всех увидите. Кстати, сегодня будет не просто ужин, двоих специалистов провожаем в Москву.

Так я влилась в коллектив строителей. Для меня потекли совсем другие дни, не такие, как в Катманду. Наиболее интересные из них описаны в моем дневнике.

8 февраля. Мне предстоит жить в Индра бхаван, в том самом доме с кружевными галереями, который сто-

ит на краю полей и где почти два года назад я провела ужасные сутки.

Теперь у меня другая комната, на втором этаже, очень узкая. Под высоченным потолком сильный вентилятор, две двери, одна напротив другой, позволяют устраивать сквозняк, кровать под сеткой, платяной шкаф, железные стол и стул, за занавеской полки, там термос и утюг. Но самое главное — у меня отдельный туалет, где кроме умывальника есть и душ. Вода, правда, не только из душа, но и из умывальника сначала льется прямо под ноги, а уж потом через дырку в стене по желобку стекает в сад. Желобков из стены выходит несколько, и таким образом деревья внизу ежедневно поливаются.

9 февраля. Уже три раза была на заводе. Познакомилась с нашими специалистами и с непальской администрацией: главным инженером Шрестхой и директором завода Сувалом. Мистер Сувал сказал, что приятно удивлен тем, что я инженер. Выразил желание присутствовать на моих лекциях по термообработке, которые и собираюсь читать для рабочих. Он по образованию геолог. Не так давно побывал в Москве, говорят, интересный человек.

Коллектив наших специалистов и рабочих небольшой, меня приняли хорошо.

10 февраля. Работа у меня на заводе самая разная, поскольку здесь организационный период. И проверка оборудования, и составление технологических карт и инструкций по технике безопасности, оснащение рабочих мест инструментом и материалами, термообработка небольших партий первой продукции, а главное — обучение работе термиста всего одного ученика — Николая Алексеевича. Мы с ним готовимся обучать группу непальцев, уже не за горами время, когда на заводе не будет русских. Но непальская администрация думает иначе. Рабочих никаких специальностей не готовят, а тех, которых наши специалисты по своей инициативе научили чему-то, недавно всех с завода уволили.

Говорят, что судьба рабочего зависит, во-первых, от принадлежности к касте, во-вторых, от взаимоотношения его с начальством. Достаточно небрежного (не очень почтительного) приветствия, чтобы вызвать немилость. А если ты родился в семье шудра и тебе положено быть

мусорщиком, то на заводе тебе доверят только голик и тачку, хотя бы ты научился обращаться, скажем, со станком лучше, чем другой непалец из касты вайшья. Ты будешь ухаживать за станком: обтирать и смазывать его, убирать стружку, а тот, другой, — работать на нем. Старые традиции уже переселились на совсем новый завод.

Леонид Семенович рассказал: хозяйка дома, в котором мы живем, принадлежит к семейству Рапа; она, дама предприимчивая, построила вокруг старого дома-дворца несколько современных домов и выгодно сдает их в аренду. Сама постоянно живет в Катманду, но здесь у нее есть молельня, перед нашим домом, за кустами. Эта дама очень набожна, но самой ей молиться, наверно, некогда, и она наняла молельщика. В Непале это допускается. Молельщик каждое утро до работы приходит в молельню, звонит в колокольчик. (Внимание! Я пришел и буду говорить с тобой, божество!) Он приносит богам подношения: рис, крошки другой пищи, лепестки цветов; все разместит, побрызгает водой, зажжет фитилек и помолится. После этого молельщик идет в дом к дочери хозяйки, которая живет рядом, благословляет всю ее семью, ставит им тики на лоб, а затем идет на работу. Работает он на заводе кладовщиком. Хозяйка платит молельщику рисом — 360 килограммов в год.

11 февраля. На заводе занимаюсь мелочами. Мистер Сувал завтра едет в Катманду решать в департаменте промышленности некоторые вопросы. Сама администрация, оказывается, даже многие мелкие вопросы не может решить без санкции департамента. Тем более это относится к набору рабочих. Все «казенные» места на учете.

На заводе положение такое: наши инженеры и рабочие трудятся, как говорится, на совесть. График работ опережается; в смету укладываются. А когда дело зависит от непальской администрации, то приходится проявлять настойчивость. Наши темпы ей не подходят. Торопиться и волноваться — нехорошо, дурной тон. И администрация не волнуется, не торопится. Каждое утро на оперативке представители администрации соглашались с требованиями, предъявляемыми нашими инженерами, записывают их, но выполняют с большим скри-

ном, как будто не они будут хозяевами этого аккуратного завода.

Леонид Семенович обратил мое внимание на человека, который стоял внизу на широкой лестнице, спускающейся в сад. Это был худощавый, не слишком молодой человек. Нам жарко (днем сегодня температура в тени тридцать один градус), а непальцам кажется прохладно. На человеке широченные серо-белые полосатые штаны из ситца, огромный синий пиджак с русского плеча доходит ему почти до колен, голова повязана теплым шейным шарфом, узел под подбородком, а ноги босые. Это шофер. Теперь шофер, а полтора года назад он не умел делать ничего, был принят на строительство чернорабочим. Он сам никогда не забывает, кому обязан своим счастьем, и всячески хочет показать, как он благодарен русским вообще и главному сапу*, мистру Кравченко, особенно. Вот и теперь он знает, что Леонид Семенович его видит, и старается ему угодить. Шофер картинно стоит с толстой бамбуковой палкой, занесенной над головой. Через двери дома ему видна собачонка, намерения которой он хорошо понимает, она пробирается к задним дверям кухни в надежде поживиться чем-нибудь. Лицо шофера горит отвагой, сейчас он обрушит палку на бедную собачонку...

Перед закатом солнца шофер, не дожидаясь темноты, сядет с другими непальцами возле костра и будет петь монотонно и долго под аккомпанемент дробы, которую старательно будет выбивать на дне ржавой консервной банки коричневый подросток. Слушатели почтительно слушают песню, которую сочинил, видимо, сам шофер. Это песня о том, как он, неграмотный и жалкий человек, стал человеком счастливым. Теперь он управляет машиной, и она его слушается, и у него всегда есть рис. И все это только потому, что есть на свете такие хорошие люди, русские люди, и у них такой хороший сап... Слушатели полностью разделяют его мнение, потому что у одних почти такая же судьба, а другие мечтают о ней.

На работу шофер приходит немного раньше других и молится баранке своего джипа.

* Сап — то же, что и сахиб (господин) в непальском произношении.

13 февраля. У нас на кухне работают два повара и помощник. Это молодые индийцы-мусульмане. По законам своей религии они не едят свинины и не могут к ней прикасаться. Поэтому, когда приходят выписанные из Советского Союза свиные консервы, этикетки с них приходится заранее срывать, чтобы не осквернять религиозных чувств поваров. Повара, молодые ребята, мясо очень любят и, если бы не огласка, ели бы, кажется, и свинину. Но они этого никогда не делают, как никогда не станут есть пищу, побывавшую на тарелке, предназначенной другому, они очень брезгливы.

Два месяца назад повара были очень озабочены, они боялись потерять место. Их вызывали в мусульманскую общину в Раксауле, где «прорабатывали» целых пять часов, а скоро еще предстоит «проработка» в местной общине за то же самое. В общину поступил донос, в котором говорилось, что повара, работающие у русских, оскверняют себя, прикасаясь к свинине. Подал жалобу уволенный за нерадивость помощник повара.

15 февраля. Живу, как в доме отдыха. В семь тридцать в столовой вместе со всеми меня ждет завтрак, в восемь от дома отходит машина, и через пятнадцать минут мы все на заводе до часу дня. Затем обед и отдых до трех часов. Снова работа на заводе два часа. В семь часов вечера — ужин, а дальше все время твое. Правда, скоро становится темно.

Это счастье, что не надо самой думать о еде, но буффало * — на завтрак, буффало — на обед, буффало — на ужин... уже надоело.

Сегодня ездила к дорожникам прививать оспу, так как оспа гуляет и в Раксауле, и здесь, в Биргандже.

Вечером одни играют в теннис, в домино, в карты, другие читают, ходят за покупками в Биргандж. Иногда смотрим кинофильмы, в которых каждая реплика героев всем известна наперед. Перед сном идем прогуляться. Ночи здесь стоят совершенно изумительные. Полная луна освещает притихшие деревья, дома и поля сквозь серебряную пыль, которая наполняет все пространство. Никогда раньше ничего подобного мне видеть не приходилось. Вокруг словно картина, исполненная серебряными точками. Резких контуров нет, все размыто, про-

* Б у ф ф а л о — буйвол.

грачно и загадочно... Там, где дорога лежит в тени, идти немного жутко. Гулять можно только по дороге, в траве могут быть змеи и скорпионы. Дорога тускло серебрится, ноги утопают в теплой мягкой пыли, воздух не обжигает, как днем, и хочется идти и идти...

Из лагун, стоящих у дороги, через щели в стенах пробивается красный свет. Иногда из темноты слышится тихий говор. Костров уже нет, дымом не пахнет. Даже собаки лают редко. Но нет-нет и раздастся издали какой-то странный гортанный крик, очень похожий на крики, которыми оглашаются дома, где появился покойник...

Однажды неожиданно из переулка вышли четверо вооруженных полицейских и подошли к нам. Они доброжелательно и настойчиво что-то говорили нам на непали. Мы все-таки поняли, что ходить ночью не надо. Теперь, видимо, гулять придется только на крыше дома, там, где устроен душ.

16 февраля. Пришла почта. В доме стоит тишина. Не стучат внизу под балконом пластмассовые шарики. Никто не вызывает Пышку, чтобы покормить с рук. (Пышка — пышнохвостая рыжеватая мангуста, которая живет где-то под домом, она стала ручной, знает свое имя.) Все превратились на одни сутки в писателей. Получили кучу писем, теперь отвечают на них. Времени мало, завтра почта уходит в Катманду. И у меня много работы, получила одиннадцать писем.

28 февраля. Вчера поздно ночью вернулась из поездки по Индии. На заводе не была почти неделю, но там в моих владениях ничего не изменилось. В общем все оборудование подготовлено к работе, только работать некому. Партию кхукри, предназначенную для подарков, мы вместе с Николаем Алексеевичем давно обрабатывали. Он термистом стал поневоле, но эта работа ему нравится, он говорит, что по возвращении домой переменит свою специальность. Он внимательно слушает объяснения и охотно исправляет ошибки. С ним работать одно удовольствие.

29 февраля. Церемония передачи завода назначена на 11 марта. Теперь это точно, утверждено самим махараджадхираджом Махендрой.

4 марта. Неожиданно вместе с Кравченко лечу в Катманду. Немного отдохну от жары. Здесь теперь днем температура в тени тридцать шесть градусов, солнце

сверкает так, что без очков ходить невозможно. Пыли стало еще больше, она постоянно висит в воздухе, прилипает к телу, раздражает. Ночью уже не требуется одеяла, но спать еще можно, если хорошо отгородиться от комаров.

8 марта. Сегодня мы вместе с Леонидом Семеновичем вернулись в Биргандж. Наши мужчины много потрудились чтобы доказать, как они уважают женщин (по крайней мере 8 марта). Ужин был обставлен торжественно. Вино, речи, цветы... Женщин в этой маленькой колонии (вместе со специалистами сахарного завода) всего три. Нас поздравили и всех вместе, и по отдельности, и устно, и письменно: перед каждой из нас лежал поздравительный конверт с красочной открыткой и подарок. Вскоре ужин перешел в концерт. Леонид Семенович пел под гитару, хорошо, задушевно пел. Другие декламировали, рассказывали, загадывали загадки, танцевали, плясали, шутили.

10 марта. На завод прилетели посол Советского Союза в Непале, представитель из Москвы и другие гости, много гостей. Только теперь наконец на заводе засуетились: все трут, обвешивают цветными флажками, ставят шатры, готовят какое-то подобие сцены, на ней — специальное место для Махендры. Неподалеку на кострах что-то варят и жарят. Завтра — церемония передачи завода непальцам.

11 марта. С самого утра на заводе полно людей. Черно-белые фигуры непальцев, белоснежные рубашки русских, нарядные платья и сари женщин. Одни ходят празднично, осматривают завод, другие — озабоченно, проверяют, все ли в порядке. Люди в защитной одежде заглянули даже под столы и стулья, под помосты и за занавески. Но, кажется, все нормально и все успели сделать. Что завод сегодня именинник, видно сразу при въезде на его территорию. Везде цветные флажки — над головой, по сторонам, на стенах здания. Журчит фонтан, зеленеют только что посаженные кусты и цветы. За углом, вдоль заводского корпуса, под открытым небом приготовлен «приемный зал». В голове его — сооружение на помосте под большим балдахином. Огромные фестоны из белого шелка. Вблизи — маленькая трибуна, в глубине синий бархатный диван для Махендры и кресла для прочих почетных гостей.

Перед головным сооружением на некотором расстоянии просторный цветной шатер защищает от знойного солнца ряды стульев для всех остальных присутствующих.

Вот эти ряды стали заполняться. Непальцы и русские, мужчины и женщины. Женщин-непалок немного, мужчины предпочитают оставлять их дома, когда идут к иностранцам. Чиновники столичные и местные из Бирганджа, сотрудники советского посольства, аппарата экономического и торгового советников, корреспонденты многих газет, непало-русская администрация завода и, конечно, все другие работники завода. Из Катманду в Симру прилетел специальный самолет. Дорожники из Патлаи приехали на торжество в полном составе на нескольких автобусах. Торжество большое. Металлообрабатывающий красавец-завод построен. Здесь под одной крышей все отделения: заготовительные, обрабатывающие и отделочные. Только два года! Для советских специалистов это были два долгих тяжелых года работы в непривычных условиях. Теперь от большой их группы осталось всего шесть человек.

Солнце палит. Время идет медленно. Ждут Махендру, все разбрелись. Вдруг под шатром стало многолюдно, шумно и суетно. В небе появился вертолет. Сверкнув на солнце и взметнув пыль и мусор, он мягко опустился на территорию завода за складом. Из вертолета вышел в светлом национальном костюме и черном топи махараджадхирадж Махендра Бир Бикрам Шах Дева. К нему уже приближались встречающие непальцы и охрана. У Махендры хорошее настроение. Свободный широкий шаг, кому-то посылает приветствие рукой. Красная дорожка ведет к сооружению под балдахином. Здесь, выстроившись в ряд, Махендру ждут представитель СССР, имеющий полномочия на передачу завода, посол, другие руководители советских учреждений и высокие непальские чиновники. С русскими Махендра поздоровался по-русски, за руку, с непальцами — по-непальски, на расстоянии.

Все усаживаются на свои места. У микрофона выступают директор департамента промышленности Непала, потом — мистер Сувал. Он коротко рассказал о заводе, ему важно было оценить, чего же стоит подарок. Подарок был достойным. Затем выступали русские: со-

ветник по экономическим вопросам, главный инженер строительства завода, посол. В заключение выступил министр промышленности Непала.

Щелкали фотоаппараты, шипели кинокамеры, щедро сверкало и жарило солнце...

Теперь надо было осмотреть подарок. Вслед за Махендрой и его свитой все двинулись толпой к главным воротам, которые ведут в заводской корпус со стороны шоссе.

Махендра разрезал ножницами ленту и отодвинул занавеску с мемориальной доски, вделанной в стену: «Завод сельскохозяйственных орудий, построенный с помощью Союза Советских Социалистических Республик, открыт Его Величеством королем Махендра Бир Бикрам Шах Девои 11 марта 1968 г.».

Высокое, просторное помещение мягко освещено через фонари в потолке. Махендру ведут в заготовительное отделение. Молоты и прессы заинтересовали его. Завод показывают в рабочем состоянии. Из нагревательных печей вырывается пламя, пресс, вздыхая, выдает почти готовые детали для плуга. Управляют прессом, нажимая на педаль. Махендру просят наступить на педаль... и он сделал одну деталь собственной ногой. Нагрев металла током высокой частоты тоже обратил на себя внимание Махендры. Быстро прошли по литейному отделению, мимо отделения гальванических покрытий, мимо станков. Впрочем, здесь немного задержались. Станки разные, современные: металлорежущие, шлифовальные.

Через другие ворота вышли во двор, к сооружению под балдахином. По наружной лестнице поднялись на второй этаж в кабинет директора завода. Здесь полумрак и кажется прохладнее. На столе угощение по-непальски. Гости держатся свободно, шутят, улыбаются, с удовольствием закусывают.

Махендре и представителям непальского министерства и департамента преподносят подарки: кхукри, изготовленные на этом заводе. Непальцы снимают чехлы с ножей, пробуют лезвия, любят зеркальной их полировкой, изящной формой, щелкают языком. Подарок очень нравится.

Русским тоже преподносят подарки: литые барельефы из красной блестящей меди.

На столе появилась папка. Наступил момент подписания акта о передаче завода, построенного Советским Союзом в дар непальскому правительству и народу. Текст этого акта написан на двух языках: русском и непали.

Потом провожали Махендру к вертолету. Вертолет, взлетев, снова обсыпал всех землей и мусором. Остальные гости разъехались до вечера.

Вечером на заводе был прием. Основную массу составляли непальские чиновники в черных пиджаках поверх белых национальных костюмов, в черных топи и черных ботинках. Под тентом на столе богатое угощение. Гости в шуточных разговорах вновь выражают восхищение заводом, объясняются в любви к русским людям, к нашей Родине, такой благородной, богатой, большой и холодной. Некоторые спрашивают: «А что вы еще нам подарите?»

12 марта. Сегодня на завод никто не ездил. Объявлен выходной. Я отправилась с Л. С. Кравченко и его женой на прогулку в джунгли. Мы уехали далеко за Хетауру к слиянию двух рек.

Недалеко от дороги стоит гигантский утес, похожий на нос корабля. Густой, почти без листьев лес на нем напоминает мачты. А сам «корабль» словно из песка с цементом, стоит отвесно и не рассыпается. Рядом прозрачная нитка ручья; стайки крохотных рыбок снуют в горячей мелкой воде. Остальная часть русла — просто сухая голубоватая крупная галька. Вот здесь мы и погуляли. На крутых берегах заросли лысых деревьев с белесой корой и голый кустарник, рыжими клочьями топорщится трава. А кое-где цветущие деревья, крупные кисти соцветий нежатся под солнцем.

По руслу можно гулять, не так опасно, место открытое, чистое... но солнце! Оно жарит беспощадно. Перед глазами мелькают желтые и зеленые круги... Надо идти в тень.

Смотрите, обезьяны! Стая длиннохвостых обезьян заметила нас и сопровождает, передвигаясь немного выше нас по деревьям. На вид эти чистенькие серебристые зверушки с белой грудью очень приятны, но мы не «заговариваем» с ними, нам известен их прескверный характер. Не без труда мы нашли полоску тени под песочным утесом и здесь отдохнули, поели. Двигаться не

туда слышалась однообразная несложная музыка. Барабан и бубны. В стороне плясали под стая музыка — однообразно и несложно. На улице было много пьяных. Не от вина в основном, а от жевания какого-то наркотика. Казалось, что все, кто ходил по улице, были перепачканы краской. И сами они были в любую минуту готовы достать из кармана горсть краски и швырнуть ее.

Когда стемнело, мы пошли посмотреть на праздник с крыши. Огромные костры и вокруг них тени пляшущих. Загадочно и тревожно. И эта музыка, как молоток по голове, все одно и то же, одно и то же...

19 марта. Вчера и сегодня читала лекцию по термообработке. Вчера моим слушателем был только один Шрестха, а сегодня пришел и Сувал. Он сказал, что заглянул ненадолго, но просидел до самого конца, все два часа. Хороший у нас переводчик — Николай Николаевич, с ним работать легко.

Вчера вечером на заводе был снова прием в честь Леонида Семеновича, его проводы. Присутствовала вся местная и неместная непальская знать. Был мэр Бирганджа Гхош, комиссар зоны и другие. Непальцы устроили прием на русский манер: все гости сидели за столом и угощение было почти русским. А какие хвалебные речи говорили в адрес Леонида Семеновича! Сколько было высказано прекрасных пожеланий! Право, надо иметь каменное сердце, чтобы не расплакаться. Леонид Семенович был очень тронут. Те, к кому эти прекрасные тосты не относились, тоже были захвачены патриотической волной. Некоторым хотелось целоваться с непальцами, другим — кричать ура.

20 марта. Вот и знакомый аэродром Симры. У кромки его необычно много машин: легковые, джипы, лендроверы и даже автобус. Черно от людей на поле. Так здесь бывает нечасто. Здесь и все работники завода, русские и непальцы: администрация, рабочие, шоферы, повара и чуть не все дорожники и непальцы-чиновники. Провожают Леонида Семеновича. Об этом говорят гирлянды из живых цветов на шее у него и его жены. Тут же на аэродроме фотографируются на память.

Жарко. Все устали, говорить уже не о чем, но никто не уходит. Все ждут посадки на самолет, который неиз-

хочется. Жарища, не меньше сорока градусов. Все кроме Леонида Семеновича разморились и молчат, один он, этот могучего телосложения мужчина с усами, не перестает шутить. Сегодня он прощается с джунглями. Скоро распространится и с Непалом.

На обратном пути остановились в Хетауре, зашли в лучший ресторан, чтобы напиться, но не все отважились на это.

По улице Хетауры шла свадьба: толпа людей, сопровождавших молодую чету. Время от времени в воздух взлетало облачко красной пудры. Но ни песен, ни плясок, ни шума.

13 марта. Были на заводе. Новые хозяева его не пьют трудовым рвением. Кругом мусор — следы прошедших торжеств, все рабочие бездельничают. Не стучит молот, стоят станки... Я дописывала конспект лекции, которая обещана непальской администрации.

14 марта. Снова выходной день. Теперь по случаю праздника Холи. Непальцы мажут (и поливают) друг друга краской. До обеда провела время на крыше, это хорошее убежище от охотников красить людей во что бы то ни стало.

15 марта. Праздник продолжается. Не выходим из дому. Вчера заводские знакомые непальцы врываются в дом, стучали в каждую комнату, охотились за каждым. Мужчин вымазали даже на крыше. Намерения, конечно, у непальцев самые хорошие, вымазать, посыпать или облить краской — значит желать человеку самого хорошего.

Но не всем нам хочется быть вымазанными. Догадливые мужчины встретили эту перспективу в трусиках и у них все было хорошо, а те, кого непальцы поймали внизу в хороших костюмах, сопротивлялись, была беготня, крик, шум. Меня же, когда я была на крыше, спросили, можно ли обсыпать красной пудрой, я ответила отрицательно, и меня не обсыпали. Но вечером, когда я выходила из столовой после ужина, два шофера, Сиам и Мухты, загородили мне дорогу: «Мимса! Литл, литл тика!» Они показали на ноготь своего мизинца и так смотрели на меня, что невозможно было их огорчить. Они оба поставили на моем лбу тилу, очень аккуратно и след в след.

Вечером местные жители жгли огромные костры. От-

вестно, когда еще будет, так как, говорят, он сломался и где-то его чинят.

Я не только провожаю Кравченко, я возвращаюсь домой в Катманду. Прощайте, тераи, завод и друзья!

Торжества на сигаретной фабрике

В 1965 году при экономической помощи Советского Союза в Непале появилась первая собственная сигаретная фабрика. Ее построили в старинном городе Джанакпуре, который находится в тераях. К четвертой годовщине своего существования, в феврале 1969 года, сигаретная фабрика впервые подсчитала не убытки, а прибыли, и прибыли немалые — семь миллионов рупий. Поэтому фабрика собралась в этом году отметить свои «именины», 21 февраля, более пышно, чем всегда.

В газетах печатались статьи о фабрике, в кинотеатрах рекламировались сигареты фабрики. (В непальских кинотеатрах на западный манер сеансы начинаются с рекламы.) Издали буклет, который знакомил с фабрикой. В продажу поступил новый, юбилейный сорт сигарет в изящной упаковке. И само собой разумелось, что на фабрике будет устроен банкет. На него приглашались: министр промышленности Непала, секретарь министерства финансов, весь состав совета директоров фабрики, члены местного панчаята, руководители разных местных организаций, посол СССР в Непале, советники посольства, советские специалисты-дорожники и другие, а также вся администрация и рабочие фабрики.

Фабрика откупила рейсовый самолет (Катманду — Джанакпур), который предназначался для доставки высоких гостей в Джанакпур.

Мы с мужем были в числе приглашенных, но в Джанакпур не прилетели, а приехали на машине. Выехали мы из Катманду заблаговременно, 17 февраля, и 20 февраля под вечер благополучно приехали в гостевой дом в Джанакпуре. Все четыре дня мы были в пути. Побывали в Патлае, в Патне, в Барауни, проехали Мазаффарпур и много других индийских городков и селений.

Да, и Патна, и Барауни, и Мазаффарпур находятся в Индии. А мы и ехали по Индии. Из Катманду в Джанакпур на машине можно попасть только через Индию. Для нас это было интересное путешествие, и мы его да-

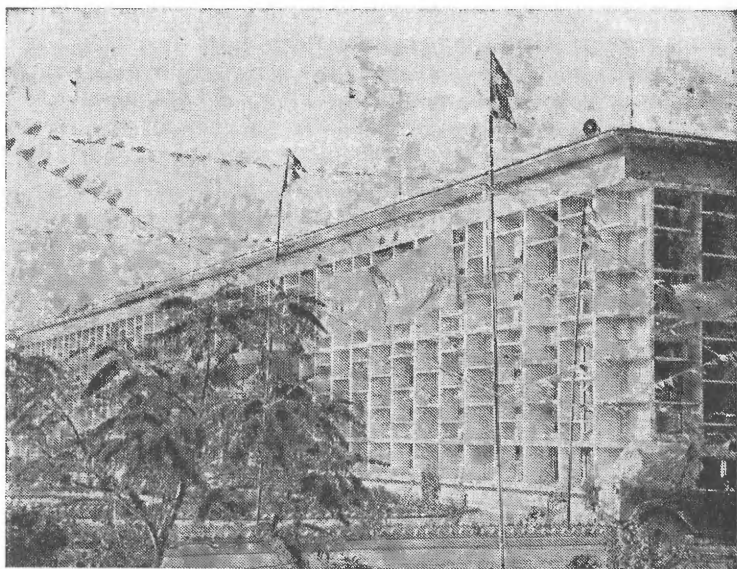


Рис. 29. Сигаретная фабрика,
построенная при экономической помощи СССР (Джанакпур)

же удлинители немного. Но жителям Непала для того, чтобы попасть из одного его района в другой, в объезд по чужой стране даже и самой короткой дорогой неудобно и дорого.

Итак, наше путешествие в Джанакпур началось 17 февраля. Благополучно преодолев три перевала, к концу первого дня мы по знакомой уже читателю дороге Трибхувана приехали в Патлаю. Здесь у нас теперь есть «своя» квартира, где мы всегда останавливаемся.

Утром 18 февраля мы отправились в дальнейший путь, который теперь лежал через Биргандж и Раксаул по Индии.

Сразу же за Раксаулом вдоль дороги появились пальмы, этакие своеобразные стройные колонны с пучком вееров наверху. За дорогой — лоскутки полей. Поля более ухоженные, чем в непальских тераях. Дорога проходит по деревням, то есть мимо хижин-лачуг, которые теснятся к самой дороге. Большинство хижин —

это сараюшки из соломы, а то и просто один навес на кривых невысоких палках. Дальше пошли хижиньки-мазанки из глины, очень маленькие, стогообразные с дырками вместо окон. Коричневые люди с белыми зубами, в серой одежде. Полуодетые и голые дети. Возле домов сидят на корточках мужчины и женщины, кажется ко всему безучастные. Рядом привязанная скотина: коровы или буйволыцы покорно стоят или лежат в навозе.

Навстречу черепашым шагом движутся повозки, нагруженные сахарным тростником. Два огромных деревянных колеса без ободов и два равнодушных ко всему вола, чаще всего белых. Тростник, несомненно, везут в Биргандж на новый сахарный завод.

Пейзаж очень скучный. Во всяком случае, такое впечатление он производит на меня. И пальмы не спасают, только подчеркивают эту плоскую скуку. Плоская земля уходит к горизонту, где на фоне неба вырисовываются пальмы разной высоты. Тихо, зелено и пустынно. Я знаю, как много здесь живет людей, вижу их в страшной тесноте возле своих жилищ, вижу землю, всю превращенную ими в поля, в эту лоскутную мозаику, а впечатление пустыни не пропадает.

В этот раз дорога по Великой Гангской низменности мне нравится больше, чем год назад, когда мы проезжали по этим же местам в первый раз. Мне кажется, что нынче все зеленее. Правда, пыли много и теперь. По мере того как день клонится к вечеру, в пыли, как в тумане, за четыреста метров уже ничего не видно. Не поэтому ли на людях здесь редко встретишь яркую одежду?

Мы едем по штату Бихар. С дороги пейзаж изредка разнообразится тонкими трубами фабрик. К вечеру, когда на землю уже спускалась темнота, мы въехали в город Патну.

Это неуютный, большой, но тихий город, типично индийский. Дома — от больших, казенного вида, до лагучуг. Рикши на велосипедах, нищие. Под ногами мусор, битый кирпич, ямы, бугры. Полутьма.

Мы переночевали в гостинице «Отель Рипаблик». В номере очень рациональная планировка. Есть все необходимое и ничего лишнего. Уют создают ярчайшие занавески из грубой ткани. Ими задрапированы и наглухо закрытые окна (в номере есть кондиционер), и проем между двумя отсеками помещения, который одно-

временно служит кабинетом и будуаром, и кресла. Полумрак и прохлада.

Утром выехали из Патны. До Джанакпура так далеко, что надо думать о новом ночлеге. Ночлег в гостиницах маленьких городков нас не прельщает, мы хотим до ночи добраться до Барауни. Это тоже небольшой городок, но в нем есть поселок советских специалистов — строителей нефтеперегонного завода.

Вдали на плоской равнине контуры огромного промышленного предприятия. Оно слегка дымит, как будто дышит серое гигантское живое существо. Еще немного — и асфальт привел нас в просторный кирпичный городок. К машине подходят русские... здесь, за тридевять земель, где все, все не такое, как у нас. Они были рады нам не меньше, чем мы им.

Нам предоставили для ночлега целую квартиру, предназначавшуюся для специалиста с семьей. Дело в том, что теперь в поселке живет только двадцать советских специалистов, завод уже построен, а когда строилась, то их было триста, и теперь помещения пустуют.

Поселок индийцы строили специально для русских специалистов. Мне показалось, что, строя его и желая, чтобы специалисты чувствовали себя как дома, индийцы при этом руководствовались тем, что знали о русских: страна их огромна, богата, люди в ней живут широко, привольно, много едят, холода не боятся, жару не переносят... а живут коллективно.

И вот что у них получилось.

Под одной крышей — огромное здание в три этажа из пяти крыльев. Длинные и высокоушистые коридоры-галереи, просторные лестничные клетки. Каблуки гулко отбивают каждый шаг. Чтобы попасть из одного крыла в другое, надо изрядно пробежаться. В доме есть столовая и клуб.

Площадь квартиры, где нас поместили, не менее семидесяти квадратных метров, высота метров пять. Поперечные плоские балки опоясывают квартиру, отделяя комнаты, расположенные анфиладой. Только дальняя комната-спальня отделена от других кирпичной стеной (впрочем, только до высоты опоясывающей балки), все остальные комнаты отделяются занавесками. Все в квартире рационализировано. Никакой прихожей. Попадаешь через плотно пригнанную дверь сразу в гости-

ную, рядом с ней за занавеской направо — столовая, налево — крохотная кухня, отделенная встроенным шкафом, за столовой — детская спальня, за ней спальня главы семьи, там кондиционер. Второй кондиционер установлен в гостиной. В стены гостиной встроены гардероб, полки и полочки, в стены кухни — раковина для мытья посуды, стол и полки. В просторном санузле только унитаз и душ.

В квартире все было в порядке, были свет и вода, и мы хорошо отдохнули. Утром запаслись продуктами на дорогу, наполнили термосы чаем, попрощались с новыми друзьями и снова в путь.

Часу в пятом вечера асфальт индийских дорог сменила мягкая белая пыль. Машина, переваливаясь, плыла, по ступицу утопая в мягком лёссе и волоча за собой густой белесый шлейф. Индия кончилась, начался Непал. Тут мы оценили меткость определения, которое раньше слышали: «Непал начинается там, где кончаются дороги». Зато пейзаж теперь не такой унылый, по сторонам дороги все больше и больше деревьев. Вот и контрольный пункт в местечке Сита Мари. Пока продолжают таможенные формальности, индийский чиновник предлагает чай.

Отправились дальше, закрыв почти все окна в машине. Но все равно, когда мы остановились недалеко от Джанакпура, чтобы стряхнуть пыль с одежды и с машины, у нас был вид грузчиков на мельнице.

Непал встретил нас у первого же селения огромной толпой. Тут и палатки, и выступления танцоров на повозке, и море людей, одетых в яркие одежды. Все толпятся на дороге, что-то грызут, смотрят товары, разложенные на песке... Что же это за праздник в Непале? Ах да! Третий день празднования Национального демократического дня. Наша машина потихоньку ползет дальше.

Наконец-то Гэст хауз.

Нам отвели комнату на втором этаже. Она фонарем выпячивалась во двор, и с трех сторон в ней были окна. Сейчас они пропускали не свет, а холод. Свет давал красный волосок электрической лампочки. Цементный пол, железный шкаф, железный стол и стулья. Куда ни повернешься — ушибешься. Кровати под дырявыми москитными сетками, на них по жесткой думочке и по-

крывало. Но все это не смущало, у меня нашлись и игол-ка, и нитки, и тряпки для пыли, и постельные принадлеж-ности, и посуда, и кое-какая еда. (Вот преимуще-ство езды на машине!) Мы предусмотрели и комаров, а вот холод...

Все говорили, что в Джанакпуре уже жарко, мы по-верили этому, ведь этот город на юге Непала, и оста-вили свои теплые фуфайки в Патлае. В Индии мы о них не вспоминали, а вот теперь здесь, когда солнце село, мы начали стучать зубами. Чем тут поможешь? Так и пришлось стучать зубами в Джанакпуре две ночи и один долгий вечер. Первую ночь из-за холода мы почти не спали. Слушали лай собак и плачущее завывание шакалов.

Наконец через щели ставен стал пробиваться свет. Под окном неторопливо затюкал топор (конечно, не то-пор, а кхукри), и через каких-нибудь два часа бой при-нес нам в комнату завтрак — маленькие вареные яйца, соль, серый чай с запахом дыма и печенье.

После завтрака мы спустились вниз, где нас уже ждали женщина и необычно высокий для непальцев мужчина со спокойным красивым лицом. Это был ге-неральный управляющий фабрикой Гопа Мадав Девко-та с женой. Жена Девкота, болезненная и очень скром-ная женщина, говорила только на непали, поэтому все знакомство с ней ограничивалось улыбками. С Девко-той же мой муж был давно знаком по долгу службы, и я о нем немало слышала. Это человек, который живет не для себя, не ради своего благополучия и своих ин-тересов. Он по-настоящему любит свою страну и свой народ и, когда ему представляется возможность, дока-зывает это.

Года два назад Девкоту назначили генеральным уп-равляющим фабрики, дела которой были в плачевном состоянии. Девкота — человек образованный — прило-жил много труда и энергии, чтобы сделать фабрику не только рентабельной, но и процветающей.

Все предыдущие управляющие не смогли поставить новую фабрику на свои ноги. Девкота же как-то сразу вошел в ее дела, сжился с ней так, что не мог не думать о ней все время. Он, казалось, только о ней и говорил. А главное — он планомерно претворял в жизнь то, что сам же намечал. Интересно, что эти улучшения каса-

лись не только чисто технических или экономических вопросов. Девкота заботился и о рабочих фабрики.

Он разработал проект дальнейшего развития фабрики на несколько ближайших лет, в котором предусматривались, кроме увеличения производства и улучшения качества сигарет, и другие крупные мероприятия: бесплатное амбулаторное лечение рабочих, оплата фабрикой расходов на лечение рабочих в больнице в течение десяти дней в году, постройка школы и спортивных сооружений, а также домов для инженерно-технических работников и квалифицированных рабочих.

Девкота ввел на фабрике систему, которая заинтересовывала рабочих в состоянии дел на фабрике, в эффективной ее работе. Одно из мероприятий этой системы — отчисления на персональный счет рабочих. Отчисления делаются двух видов: отчисления из заработной платы (какой-то небольшой процент) и отчисления от доходов фабрики (эти отчисления значительно больше отчислений первого вида). При уходе с фабрики рабочий получает все накопившиеся на его счету деньги. А по мере того как они накапливаются, у рабочего остается все меньше желания уйти с фабрики.

Девкота предложил нам осмотреть город, пока еще было время до встречи гостей на аэродроме. Он хотел, чтобы мы осмотрели трикотажную фабрику, которая работала на японском искусственном волокне. По пути он говорил о городе. Говорил не так, как говорят многие непальцы, которые тоже любят свою страну. Те, другие, всегда гордились прошлым и обращали наше внимание на памятники старины: дворцы, храмы. Девкоту же интересовало настоящее, интересовало то, что могло способствовать развитию Непала. Не зря же он вез нас осматривать не храм, которым славится Джанакпур, а новую фабрику. Мне очень жаль, что нам не удалось ее увидеть.

Мы ехали все мимо каких-то пустырей, ведь Гэст хауз стоит на окраине. Вот и фабричные здания. Ржавые глухие стены за забором. Мы ищем подъезда к фабрике. Возле нее все разворочено: ямы, бревна, откуда-то взявшаяся грязь, когда полгода не было дождей... Так, покрутившись вокруг, мы повернули назад, пора было ехать на аэродром.

Дальше все пошло по расписанию. Встреча гостей,

размещение их в Гэст хаузе, отъезд на сигаретную фабрику, осмотр фабрики и обед, отдых, снова на фабрику...

Сигаретная фабрика стоит на зеленой лужайке. Сама — хорошенькая игрушка, и вокруг нее опрятно, прибрано. Рядом построена сцена в виде раковины и ряды стульев перед ней.

В цехах фабрики тоже все было в порядке. Фабрика работала. Посетителей восхищали автоматы: набивка сигарет, упаковка. У рабочих веселый вид, никто не болтается без дела.

Гостей пригласили обедать, одних — наверх, других — в специально приготовленное помещение внизу. Вверху, в светлом кабинете управляющего, середину занимал длинный стол, накрытый простынями, по стенам — стулья. На столе в эмалированных мисках угощение: салаты и мясные блюда под разными соусами, гороховая подливка. Бери тарелку и накладывай огромной поварешкой.

Гости расселись по стульям с тарелками и повеселели.

Здесь было совсем мало женщин. Моей соседкой оказалась пожилая княгиня, вдова. Она родилась в Непале, замуж вышла за индийского раджу небольшого княжества. Раджа вскоре умер, и она сама управлялась с «хозяйством» до тех пор, пока земли княжества не были присоединены к другим землям, объединившимся в единую независимую Республику Индию. Княгиня за конфискованную землю получает компенсацию и живет теперь в Варанаси. В Непал она приезжает каждый год, чтобы навестить родственников, а сюда на прием попала с одним из них...

Вечером под открытым небом возле фабрики, где была построена сцена, состоялось короткое торжественное собрание и большой концерт. Ораторов было много, но они не утомили слушателей, говорили недолго и живо, не по бумажке. Наиболее серьезным было сообщение Девкоты. Цифры, факты... А остальные ораторы-непальцы, казалось, соревновались между собой в остроумии. И публика, сидящая на стульях и на земле, не раз громко смеялась. Министр промышленности вообще построил свою речь на шутках: «Сам я не курящий, но теперь, кажется, буду курить, потому что новая фабрика выпускает очень вкусные, хорошие сигареты» и т. д.

После речей, в которых упоминалась и бескорыстная помощь Советского Союза Непалу, и доходность фабрики, было награждение работников фабрики — участников недавних спортивных соревнований — подарками. (Прямо как на каком-нибудь заводе у нас дома!) Затем начались выступления артистов — приглашенных со стороны и артистов-любителей, своих фабричных. Публике очень нравились шуточные номера — пантомима, дурачества, фокусы. В заключение показали наш цветной фильм о Советском Союзе.

Мы смотрели на сцену, судорожно кутаясь в пыльники, не способные согреть. Непальцы, сидящие на земле, были одеты не теплее, но никто из них не думал покидать свое место и после того, как концерт кончился.

На другой день с утра мы поехали осматривать знаменитый храм Джанаки, или храм Сита-Рама, этого блюстителя былой славы Джанакпура.

В настоящее время Джанакпур — город и по непальским понятиям небольшой. «Небольшая деревня», — говорят о нем непальцы. Старинная его часть — всего одна улица, искривленная во всех трех измерениях. По черневшие, прижавшиеся друг к другу типично непальские дома. Подкосы, нависшие крыши, маленькие окна с деревянными решетками. Торговая улица, где нижний этаж — сплошные двери. Другая часть города раскинулась широко, состоит из невзрачных домиков, не имеющих стиля. Кое-где стоят коттеджи, несколько искусственных прудов с разрушенными стенками, базарная улочка с кое-как построенными лавками, стоящими вкривь и вкось.

Если по базарной улице и старинной торговой мысленно провести условно прямые линии, то в их пересечении окажется обширная, ровная площадь, это площадь перед изумительным творением рук человеческих — храмом Джанаки.

Понятие «храм» здесь охватывает все священное место — крепость-монастырь с ее квадратным внутренним двором, где и стоит собственно храм Джанаки.

Трудно описывать такие сооружения, которые строились многие десятки лет. Некоторое представление об этом священном месте дает фотография фасада крепости. В Непале такой храм один, от типично непальского он далек. Когда смотришь на него, сразу представ-

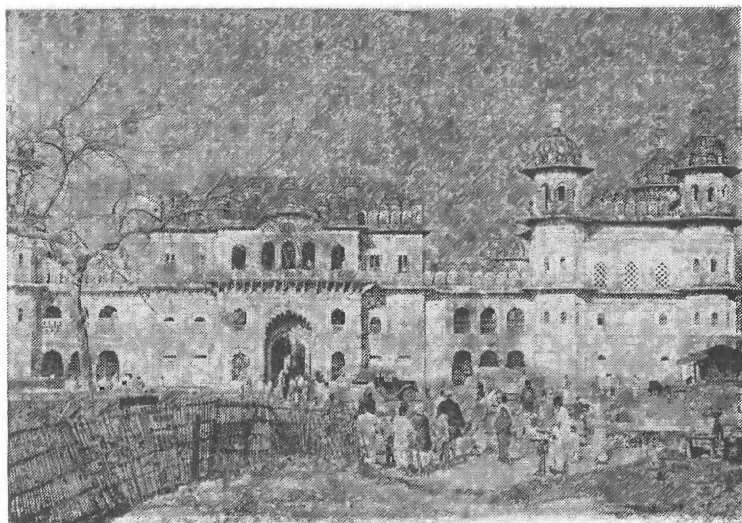


Рис. 30. Храм Джанани (Джанакпур)

ляется Северная Индия: ее бескрайнее чистое голубое небо, на фоне которого красуются высоко поднятые характерные купола, беседки, башенки величественных памятников архитектуры, оставшихся от времен владычества Великих Моголов — резиденция-крепость шахов Красный форт (в городах Агре и Дели), усыпальница Тадж Махал (г. Агра), усыпальница шаха Акбара и др. И здесь, в Джанакпуре, башни (правда, не такие легкие и прозрачные), накрытые «шляпой» с полями, фестоны на крыше, балконы и балкончики и галереи с тонкими колоннами, стрельчатые проемы входов, окон, ниш; цветная керамика, цветное стекло, искусный пестрый рисунок украшений и кружево решеток.

Сам храм Джанани — это вычурная и пестрая постройка. За основу взят куб, который потом украшали всеми элементами восточной архитектуры и отделявали и цветным стеклом, и яркой цветной керамикой, и мозаикой, и узорными решетками до тех пор, пока хватало фантазии и пока ни на стенах, ни на крыше уж не оставалось места. Впрочем, по углам храма как-будто есть еще свободное место. Все четыре угла его резко

выделяются среди сверкающей пестроты своей белизной. Углы храма словно четыре квадратные белоснежные башни под своим замысловатым куполом, облепленным украшениями. Башни двухэтажные, на каждом этаже с двух сторон стрельчатые ниши. Колонны между нишами и их верх имеют цветную отделку, но это не мешает «башням» оставаться белыми. При солнечном освещении белые части их нестерпимо сверкают, сами излучают свет, и лучшего украшения им не надо. Кроме того, они резко подчеркивают все богатство соседних украшений.

Внутри храм разделен на две части: переднюю, доступную свету и ветру, и заднюю — глухую, темную. Пол, стены и потолок облицованы прекрасно отполированным светлым мрамором. Пол уже сильно истерт босыми ногами посетителей, углы, которые служат местом для приношений богам, испачканы остатками пищи и птичьим пометом. С потолка свисают в обеих половинах огромные хрустальные люстры. А больше в храме ничего нет. Зато есть обитатели. В глубине храма на скрещенных ногах сидит длинноволосый садху, прямой и сосредоточенный, с потупленными глазами. Другой садху бойко подбегает к каждому из нас и просит пожертвовать на храм, протягивая черную чашку. По верху всех построек, как бывает обычно и в других священных местах, бегают ловкие обезьяны, а внизу ходят вялые, тощие собаки.

В народе храм больше известен как храм Сита-Рама. Сюда, особенно в праздник Рамнавами, индуисты приходят ежегодно, чтобы поклониться идеальной паре героев «Рамаяны», Сите и Рама. Приходят для того, чтобы «вспомнить и гордиться» тем, что Сита, эта идеальная женщина, родилась здесь, в Джанакпуре. Вместе с этим вспомнить и о том далеком идеальном времени, когда все были счастливы на непальской земле, и именно в этом районе.

В то время Джанакпур был столицей крупного государства Видеха, которым управляли раджи династии Джанака. И соседнее с Видехой государство было знаменитым, это было царство Кошала, которым управлял Дашаратха, отец достославного Рамы. Оба государства разделяла только река Гандаки. И было в них обоих много схожего, хорошего.

О Джанакпуре той поры и теперь непальцы рассказывают (и пишут) со множеством подробностей.

Город тогда был очень большим. У него были широкие улицы, много садов и прудов, возле которых паслись коровы, а дома отличались красивой архитектурой. С четырех сторон в город вели ворота, и возле каждого ворот был большой базар.

На улицах было много повозок, и всегда можно было видеть воинов из касты кшатриев, одетых в шкуры леопардов, на которых они охотились в ближайших лесах. Впереди важно шествовавших воинов носильщики несли их штандарты.

Джанакпур был центром арья дхарма — «благородного учения» (т. е. индуизма), из которого черпала знания вся Индия. Сами высокообразованные раджи династии Джанака с уважением относились к ученым мужам из других мест, приглашали их к себе и брали под свое покровительство, поэтому при их дворе всегда было много мудрецов и философов. Здесь звучали ведические гимны, а брахманы, одетые в лучшие в мире шелка из Варанаси, украшенные золотом и разрисованные сандаловой пастой, устраивали религиозные диспуты, в которых могли участвовать и женщины.

Науки и искусство спорить поощрялись раджами, иногда победителю диспута назначался приз. Однажды приз состоял из тысячи коров, причем к рогам каждой коровы был привязан кусок золота.

Так вот, в ту пору, когда в соседнем княжестве Кошале у раджи подрос старший сын Рама, в Джанакпуре во время правления раджи Сидхвайя Джанакки подрастала красавица Сита. Рама и Сита полюбили друг друга...

Вся история их любви и жизни, полной приключений, подробно изложена в «Рамаяне». Для индуистов имена их священны. Они верят, что в то золотое время, когда Рама и Сита поженились, народ соседних царств, Видехи и Кошалы, жил в мире и благополучии. Непальцы верят, что в «Рамаяне» под видом борьбы Рамы с Раваной описана действительная история борьбы ариев с людьми, жившими на юге, предводителем которых был Равана. Во всяком случае все истории, описанные в «Рамаяне», индуистам близки и дороги.

Мы еще любимся храмом Сита-Рама. На обширной

площади перед ним бродит много коров. У ворот полу-
голый садху самозабвенно без передышки повторяет:
«Ситарам, Ситарам!..»

* * *

Еще один обед на сигаретной фабрике, и мы снова
в машине. Едем по новому, более короткому маршруту
без остановок. Очень торопимся и глубокой ночью до-
бираемся до Патлан. Пропылились насквозь, затекли
ноги, хочется есть и спать... Как же мы были обрадова-
ны и признательны дорожникам за их заботу: в нашей
комнате было тепло, на столике стояла холодная за-
куска и термос с чаем, а на полу — ведро горячей воды
и кипятильник. Спасибо, друзья!

НЕПАЛЬСКИЙ КАЛЕЙДОСКОП



Непальская жизнь — тесное переплетение реального с мистическим. Простота реальности и таинство, неколебимая вера в богов, духов добрых и злых, одинаково могущественных. С ними приходится все время поддерживать отношения. Обряды, ритуалы... Со дня рождения — власть мистической силы, поэтому поступай, как велят священные книги, мифы. Наивно-простые мифы, легенды удовлетворяют всех: темные люди понимают их буквально, а образованные видят в них аллегории, полные глубокого смысла.

Свадьба

В начале декабря у нас были в гостях друзья-непальцы. После просмотра фильма был ужин. Обычно за ужином завязывается долгая живая беседа, гости не торопятся уходить, с удовольствием пьют и едят. Русская кухня им нравится, впрочем, и собственная также. Но на этот раз наши гости довольно скоро стали прощаться. «Нам надо еще успеть на одну свадьбу. О, сегодня это уже третья свадьба!» — объяснили они нам. Мы не очень удивились, так как было время свадеб.

На улицах города попадались маленькие процессии, сопровождавшие носилки в молчании или под музыку медных тарелок и дудок. На бамбуковых палках укреплена деревянная коробка с бортами или плетеная корзина. Иногда у такого паланкина есть затейливая крыша на тонких столбиках; между столбиками висят цветные занавески; гирлянды живых или бумажных цветов, тряпичных флажков и блески украшают его.

Четверо носильщиков с концами палок на плечах полубегом несут в паланкине невесту, всю одетую в

красное с блестками. Если жених состоятельный — а свадебное сари покупает он, — то невеста одета в шелк или нейлон, но чаще попадаются невесты, у которых резко намалеванное лицо просвечивает через фату из крашеной марли, а блестящего в процессии всего одна-две нити елочной мишуры. Иногда над невестой держат тяжелый цветной зонт.

Женихов, совсем безусых мальчишек, несут в открытых паланкинах или в обычных корзинах для переноски тяжестей. Вид транспорта не мешает жениху чувствовать себя барином, героем... он сидит, важно развалиясь.

С наступлением темноты в привычную тишину нет-нет да и ворвутся посторонние звуки. Проехала раскрашенная лентами, цветами, флажками свадебная машина или свадебный поезд из нескольких машин, до отказа набитых людьми. Однообразно повторяющаяся, но торжественная мелодия, льющаяся из фанфар, всколыхнув тишину, быстро замирает. Опять все тихо, только цикады стрекочут, да изредка взвывает собака...

Вот опять послышалась музыка, но не та. Глуховатая россыпь медных тарелок и барабана да гудение дудочек. Пробежали носилки с женихом...

По непальскому календарю свадьбы разрешаются в определенные дни определенных месяцев. По календарю Викрамадितья на 2026 год, который начался в Непале 13 апреля 1969 года нашего календаря, свадьбы праздновались в месяцах: байсах (с середины апреля до середины мая), джештха (май — июнь), ашадх (июнь — июль), мансир (ноябрь — декабрь), пауш (декабрь — январь) и фалгун (февраль — март). Остальные дни в году считаются неблагоприятными для свадеб.

Много народностей живет в Непале, все они фанатично религиозны, но ответить, какую религию они исповедуют, многие затрудняются.

— Ты буддист? — спрашивают их.

— Ес, сап, буддист.

— Да ведь ты приносил жертву богине Дурге?

— О, ес, ес!

— Так ты, наверное, индуист?

— Ес, индуист.

Затруднения в определении религии происходят, видимо, потому, что в Непале буддизм и индуизм так переплелись, так проникли друг в друга, что отделить их

трудно, да, пожалуй, и нет необходимости: они совершенно не мешают друг другу. И по существу, этот конгломерат двух религий является «новым» видом религии. В соответствии с этим свадебные церемонии у разных народностей, хотя и имеют свои отличия, иногда довольно резкие, все же сохраняют много общего.

По традиции в Непале брак своих детей устраивают родители и думают об этом задолго до свадьбы. В настоящее время жених и невеста обычно знают друг друга, а раньше целиком полагались на выбор родителей.

После того как родители жениха и невесты договорились между собой и при помощи двух «районных» брахманов определили день свадьбы, вернее, ее начало, жених посылает невесте десять орехов бетеля. Если орехи приняты, значит свадьба состоится, предложение принято.

Орехи, принятые от жениха, невеста спрячет где-нибудь у себя в сундуке. Если их извлекают и возвращают мужу, значит, женщина хочет разорвать брак. Надо сказать, что в Непале это бывает чрезвычайно редко. Возвратом орехов супругу кончаются все формальности развода. Разведенная женщина может снова выйти замуж, так же как и после смерти мужа. Больше того, женщина-непалка даже не бывает вдовой, когда у нее умер муж, так как вступление в брак с мужчиной не считается ее основным браком, это ее второй брак. Главным супругом является фрукт бел.

Лет семи-десяти непальские девочки «венчаются» с этим фруктом на церемонии бел-бибах.

Венчание коллективное. Девочки собираются на специально отведенной площадке за загородкой. Перед загородкой остаются родственники девочек и зрители. Много детей. Мальчишки так и снуют туда-сюда. Их интересует все в одинаковой степени, и как куклы разодетые девочки, сидящие на земле за загородкой, не больше, чем что-то другое. А юные невесты чувствуют себя не очень ловко, некоторые смотрят исподлобья. Перед ними на земле россыпь всего, что необходимо для церемонии, — подношения богам, фрукты, вода... все то же самое, что бывает при всякой религиозной церемонии. На них великоватые атласные цветные платья (платья, а не сари) и блестящие украшения в ушах, на ушах, на ноздре, под носом. Нас поражают браслеты на

детских маленьких ногах, тяжелые, литые. Как только смогли их надеть? Я видела, как надевают пластмассовые и стеклянные браслеты на руку. Продавец браслетов долго разминает и сжимает кисть руки, постепенно продвигая браслет. А здесь стопа и пятка, да и браслет из металла.

В намасленных, по такому торжественному случаю причесанных волосах бантики и цветы. А лица! Искусно подведенные черной краской огромные глаза словно подтянуты к ушам, на щеках малиновые кружки, рот — раздавленная малина. Красные ногти на руках и на ногах, у некоторых девочек выкрашены красной краской и ступни ног.

Церемония бел-бибах бывает раз в году, о ней извещается в газетах. В 1970 году в Катманду она состоялась 3 марта.

После обручения с этим жестким фруктом, который будет мирно лежать затем в укромном месте, девочки считаются замужними. В этом странном для европейцев обряде есть большая мудрость. Это благодаря ему непалка-буддистка может избавиться от ига замужества, если брак оказался неудачным; благодаря ему она не бывает вдовой. Муж-человек может умереть, но всегда остается муж-фрукт, по существу — бог. Какое это имеет значение, можно понять, если вспомнить участь вдов в Индии. Там до недавнего времени женщины-индустки после смерти мужа должны были сжигать себя на его погребальном костре, совершать обряд сати. Если они этого не делали, то становились предметом презрения всех окружающих: близких родных и соседей. Мало того, их еще лишали и всех материальных благ, которыми они пользовались при жизни мужа. В Непале этого нет, хотя в основном религии соседних стран, Индии и Непала, одинаковы. Обряд сати в Непале существовал. Он был отменен сто двадцать пять лет назад.

Да, лучше уж повенчаться с фруктом. О происхождении обычая обручения с фруктом бел рассказывает легенда.

Однажды богиня Парвати, жена Шивы, спустившись на землю, увидела растрепанную женщину, которая, рыдая и причитая, рвала на себе волосы. «Разнесчастная я, покинул ты меня-я-я! Мой дорогой, мой единственный!»



Рис. 31. На церемонии бел-бибах

Парвати захотела узнать, в чем дело. Ей объяснили, что у этой женщины умер муж. Теперь и ей незачем жить.

— Ах как жаль, что люди смертны! — воскликнула богиня и захотела помочь людям. Она попросила могущественного Шиву сделать так, чтобы и у земных женщин был муж, который бы не умирал. Тогда не будет вдов и не будет такого горя, какое она недавно видела.

Шива подумал и изрек:

— Хорошо. Пусть все земные женщины сначала заключают брак с богом Вишну. Вишну бессмертен.

— Да. Но он теперь пребывает в образе фрукта бел, — возразила богиня.

— Вот и прекрасно. Теперь всякая женщина может хранить его у себя до конца дней своих. Пусть она потом выходит замуж за человека, муж-человек будет ее вторым мужем, и что бы с ним ни случилось, у нее всегда останется первый муж, муж-бог. Она никогда не будет вдовой.

С тех пор непальские девочки и заключают божественный брак с фруктом бел.

Другая легенда рассказывает о том, как Вишну стал фруктом бел.

В давние времена жил (да и теперь живет) на свете Черт, разумеется с рогами. Большой силой он обладал, а отсюда — и большим зазнайством. Однажды задумал он соблазнить прекрасную богиню Парвати.

Черт принял облик Шивы и явился в чертоги Парвати. Много слышал он о ее красоте, но все описания оказались бесцветными в сравнении с тем, что он увидел. Он опешил, обалдел, ослеп и, наконец, потерял сознание от ее красоты.

Тут-то и поняла Парвати, что перед нею не Шива.

Вскоре явился и сам Шива. Парвати все ему рассказала. Рассвирепел Шива. Задрожали горы. Велел он позвать Вишну и приказал ему убить Черта во что бы то ни стало. Не являться без этого к нему на глаза.

Вишну очень старался, но Черту от этого нисколько не было худо, потому что его хранила любовь его жены Заландар. Ведь, по непальскому поверью, невозможно убить мужа, которого верно и сильно любит жена.

Тогда задумал Вишну соблазнить Заландар, чтобы ослабела ее любовь к Черту и стал бы он уязвимым. Он превратился в красавца и начал ухаживать за Заландар. Но недаром Заландар была женой Черта, она сама была хорошей колдуньей и быстро разгадала замысел Вишну.

— За твое коварство и обман, Вишну, — сказала Заландар на свидании, — будешь ты сто лет иметь облик фрукта бел, еще сто лет — облик дерева пипал и еще сто лет — облик черного речного камня.

Вот с тех пор бедный Вишну, заколдованный Заландар, и пребывает в образах неодоушевленных предметов. Но непальцы не забывают, что за ними скрывается Вишну, и почитают их. По всему Непалу можно видеть деревья пипал, которым оказывают почести, где бы они ни росли — возле святых мест, вдоль дорог и в лесу. Эти деревья оберегают, вокруг них делают высокую кирпичную круглую или квадратную площадку, и на ней, в тени деревьев с глянцевыми листьями, с серым могучим и ветвистым стволом, отдыхают проходящие кули и крестьяне. Долго отдыхают люди под пипалом. Может быть, они думают в это время о боге, о Будде. Под этим деревом в свое время размышлял Будда Гаутама

и под ним достиг высшей степени воссоединения с богом (слияния с богом), то есть нирваны. Кому же в Азии это неизвестно? Решительно каждый мальчишка это знает.

Весной 1969 года я в числе других была приглашена на свадьбу нашего приятеля Прадхана. Прадхан полюбился с русскими за время строительства электростанции Панаути, которую строили советские специалисты. Прадхан немного понимает по-русски. Ему очень хочется поехать учиться в нашу страну. «А еще было бы лучше, — мечтает он, — если бы с ним могла поехать и его невеста Мана, не потому, что она его будущая жена, а потому, что она окончила колледж и хочет быть врачом». Прадхан невесту себе выбрал сам, он давно был с ней знаком. Они оба хотят быть полезными своей родине.

Вообще нам часто приходилось слышать от разных людей: аптекарей, ветеринаров, техников, шоферов, рабочих и даже торговцев — об их большой мечте поехать учиться в СССР, в Москву. Видимо, добрая слава идет о знаниях и деловитости тех восьмидесяти специалистов-инженеров, которые за десять прошедших лет получили высшее образование в Советском Союзе. А ведь у инженеров, конечно обеспеченных, есть выбор. Они могут поехать учиться и в США, и в Англию, а теперь и во Францию, не говоря уж об Индии. Прадхан техническое образование получил в Индии.

Приглашение на свадьбу нам было прислано от старейшего из рода Прадханов, который приходится жениху дядей. Отец Прадхана-младшего жив, но он не самый старший среди своих братьев. В Непале братья отца считаются для детей тоже отцами.

Итак, 6 мая едем на свадьбу, свадьбу неварскую, индуистскую.

К 9 часам вечера мы подъехали к дому жениха. Он сам в окружении мальчишек еще на улице встречает нас, приветствует и ведет узеньким проходом между двумя кирпичными заборами на звуки тихой музыки. Рядом с домом под тентом несколько рядов взятых напрокат железных складных стульев. В середине стол без скатерти. На стульях молча сидят мужчины. Белые по-

лотняные штаны в обтяжку на бедрах и икрах и пузыряем у пояса, черные, европейского покроя пиджаки, черные топи. Смуглые, без растительности лица серьезные и все повернуты к нам: явились иностранцы, да с ними еще женщина.

Я оказалась здесь единственной женщиной. Нам сказали, что женщин нет потому, что они заняты приготовлением свадебного угощения к завтрашнему дню. Но потом мы узнали, что таков в Непале обычай: в этот день в дом жениха женщин не приглашают.

Прадхан-младший усадил нас в первом ряду и познакомил со «старшим отцом», его дядей, а также с молодым инженером Гамбиром, который сразу заговорил с нами по-русски (он окончил институт в Москве).

Прадхан-старший, суховатый мужчина неопределенного возраста, на свадьбе является распорядителем, главным лицом. Он говорит по-английски, знает санскрит, видел Европу, Америку и, конечно, Индию, работает в налоговом управлении, то есть государственный служащий. С нами он прост и обходителен, часто шутит и иронизирует над непальской действительностью, но с такой усмешкой, которая говорит, что он себе цену знает. В общем, собеседником он оказался интересным, как, впрочем, и Гамбир, так что мне скучать не пришлось. Остальные же гости, вероятно, скучали. Все сидели чинно, молча и лишь изредка позволяли себе взять сигарету или крохотный кусочек какого-нибудь лакомства. Лакомства носили в странной серебряной вазе с массивными висюльками. Ваза похожа на нашу обычную вазу для печенья на высокой ножке, только в перевернутом виде. За ножку держат рукой сверху, а вокруг нее как в колесе между спицами расположены глубокие и тесные отделения, из которых двумя пальцами можно извлечь орешек или что-то вроде чечевицы с перцем, желтую хрустящую вермишель тоже с острыми приправами, изюминку, гвоздику или кусочек твердого полосатого ореха.

Временами непальский оркестр услаждал слух гостей негромкой, мелодичной музыкой. Гости ждали. Сегодня должна состояться главная церемония бракосочетания в доме невесты. Время ее проведения совместно определили два «районных» брахмана, один — со стороны невесты, другой — со стороны жениха. Основанием

им служили гороскопы невесты и жениха и расположение планет на небе. Надо подыскать наиболее благоприятное расположение планет. Расчеты показали, что самое благоприятное время для церемонии сегодня — 12 часов 40 минут ночи. Спешить явно было некуда.

Часам к одиннадцати ночи жених скрылся в доме и вышел оттуда в непальском национальном костюме из светлого грубого полотна; на длинную, почти до колен рубаху был надет европейский пиджак из ультрасовременного блестящего материала. Черные ботинки и черное топи дополняли костюм. С шеи на грудь спускались две пышные гирлянды, перевитые блестками: одна из лиловатых цветов, другая — из пучков жесткой вечнозеленой травы даби, символизирующей долголетие. Жених сел в машину, с ним сели его младшие сестренки и брат. Общество детей будет оберегать жениха от всякого зла и нечистой силы.

Среди гостей началось движение, мало-помалу все сгрудились за оградой дома и двинулись в черноту ночи к дому невесты.

Процессия шла медленно. Впереди два факельщика с яркими термитными лампами, затем — музыканты, человек десять в красных куртках, шитых золотом, за ними трусил босиком в мятой поношенной одежде носильщик с двумя корзинами на бамбуковом коромысле. Тут же несколько босых, скромно одетых женщин с блюдами в руках. На блюдах — набор подношений для богов, в корзинах носильщика — ритуальные принадлежности: бронзовые изображения богов, медная посуда, глиняные тарелки с кислым молоком... Снова идут два факельщика, один впереди, другой позади машины с женихом, затем толпа гостей, белые брюки, черные пиджаки — одни мужчины, человек семьдесят. Чем больше мужчин, тем пышнее считается свадьба.

Дальше едут гости в машинах. С нами в машине едет Прадхан-старший. Он говорит усмехаясь, что в свадебной церемонии уже многое устарело, но если они пренебрегут традицией, то «люди назовут их дураками».

Наконец процессия подошла к Индра чоук, одной из главных торговых улиц. Недалеко уж и дом невесты, старинный, пятиэтажный. Оркестр заиграл громко и торжественно, а шествие приостановилось, затопталось на месте. В доме невесты уже знают, что процессия под-

ходит. Мы спросили: «А где же теперь невеста?» Прадхан-старший ответил: «Да где же ей быть? Дома. Уж наверно, дня четыре, как показывает себя гостям и будущим родственникам».

Весь вечер небо на северо-востоке озарялось молниями, а теперь подул порывистый ветер, и вдруг пошел сильнейший дождь в тот момент, когда машина с женихом уже подъезжала к дому. Музыка смолкла, процессия рассеялась, только жених совершенно невозмутимо сидел в машине, он и должен был сидеть при любой погоде, пока его не пригласят в дом невесты. Через некоторое время пришли братья невесты с огромными черными зонтиками и увели жениха в дом. Минут через десять пришел и наш черед.

В глубине комнаты второго этажа мы увидели жениха. Он сидел как изваяние: неподвижный, молчаливый, прямо и спокойно, с мягкой покорностью в карих открытых глазах. Рядом с ним была младшая сестренка и брахман с лукавым, веселым лицом. Он ничем по виду не отличался от других непальцев. Тот же будничный костюм из домотканого полотна. Никаких деталей, указывающих на торжественность момента. А между прочим, он сегодня главный распорядитель брачной церемонии, он брахман со стороны невесты. Все остальное свободное место в комнате занимали мужчины, некоторые сидели, большинство стояло.

Комната была небольшая. В ней все традиционно непальское: глиняный пол, кирпичные нештукатуренные и небеленые стены, потолок ребристый от неровных, темных, часто уложенных балок. Два маленьких окошка без стекол с откидными деревянными решетками. Из мебели что-то вроде тахты, на которую усадили жениха, диванчик и несколько стульев. Мы были, несомненно, в зажиточном доме, так как обычно у непальцев мебели нет.

Через некоторое время нам предложили посмотреть невесту. Невеста сидела в обществе подруг на полу, на половичке, около лестницы на третьем этаже. На ней было малиновое тканое золотом сари, конец его покрывал голову и низко опускался на лицо. Невеста сидела потупившись — так велит обычай, поэтому ее лица мы не могли рассмотреть. Левая рука невесты еле заметно перебирала край сари. Рука была разрисована мали-

новой краской: на тыльной стороне кисти — цветок, на пальцах — поперечные волосы.

Мы не стали смущать невесту и спустились в полумрак комнаты, где сидел как статуя жених. Время тянулось очень медленно. Ни музыки, ни угощений не было. Гости не разговаривали, покорно ждали, на многих одежда была сырая.

Но вот жениха вызвали наверх. Вскоре и мы, сняв обувь, осторожно стали подниматься на пятый этаж по шатким лестницам, засыпанным землей, держась за скользкие перила без переплета; надо и под ноги смотреть и стараться не удариться головой о балки перекрытий и низкие притолоки дверей.

Большая комната, потолок которой наши мужчины почти задевали головой, была забита людьми. Здесь оказалось и много женщин, в одежде которых преобладал красный цвет — цвет радости. Женщины, сидя и стоя, поместились отдельно от мужчин, у левой стены. Мужчины темной толпой стояли в головных уборах, но без обуви, в носках.

К церемонии все было готово. Посередине на полу нанесены цветными порошками узоры, где центральное место занимает шестиугольная звезда. Тут поместили две медные фигурки богов: Ганеша — бога мудрости и удачи и Вишну — бога-охранителя. Светильники с маслом, фитильки, блюда с лепестками цветов, фрукты, рис, баночки с краской, кислое молоко и другая пища на зеленых листьях для подношения богам. Горят две высокие свечи, в медном чайнике вода, на особом медном блюде лежат две гирлянды, точно такие же, как на женихе. Пахнет копотью, фруктами, увядшими цветами и потом. На коврике сидят, скрестив ноги, жених и невеста: он — слева, она — справа. Между ритуальными принадлежностями и новобрачными бочком на корточках поместился брахман. Он и начал церемонию.

Сначала оба брахмана негромко пропели хриплыми голосами монотонные стихи на санскрите. Затем на невесту надели две гирлянды — из цветов и из травы, заставили подняться и обойти вокруг жениха три раза. Когда невеста села, брахман стал что-то быстро, быстро бормотать и кидать к статуэткам богов и на огонь лепестки цветов, рис, краску в порошке, крошки пищи, что-то проделывать с огнем...



Рис. 32. Жених и невеста на свадебной церемонии

Жениху подали плошку с красной смесью, и он поставил тикку на лоб невесте, предварительно прикоснувшись к своему лбу. Жених благословил невесту, а также брал на себя ответственность за нее.

Подали золотую цепочку, жених надел ее на шею невесты, подали кольцо с большим камнем, жених надел его на палец невесты. Потом жениху подали что-то в пакете, он передал его в руки невесты, передали монеты, передали красную краску в баночке. Жених опустил палец в краску и провел три раза по лбу невесты у корней волос от виска до виска и ответвление по пробору в волосах. При этом лицо невесты закрывали парчовой занавесочкой. Этот момент в церемонии считается очень важным. Крашенный пробор в волосах женщины — знак замужества.

Снова брахман священнодействовал с огнем, потом кропил всех водой, начиная с Ганеша. Досталось и го-

стям, и жениху с невестой, им почему-то в последнюю очередь.

Появились родители невесты. Седенькая, худенькая старушка-мать в красной бархатной кофте и светлом сари дала свое благословение, поставила тики на лоб молодым. Отец на этой церемонии должен подтвердить свое согласие на брак дочери. Он встал на колени перед брахманом, сложив молитвенно руки, а тот окропил его водой, помазав голову краской, положил на макушку цветок...

Гости мало обращали внимания на церемонию, многие громко разговаривали, оборачивались, смеялись. Но, говорят, что могло быть гораздо веселее и шумнее, свадебная церемония допускает шутки.

Непрерывно щелкали фотоаппаратами братья невесты: младший — с широким добродушным лицом и старший — с преувеличенно строгим. У него был панцирный вид, наверно потому, что сегодня за порядок в доме отвечал он. Он деловито и быстро переходил из комнаты в комнату, сверкая белоснежной рубашкой с галстуком-бабочкой, как будто всем хотел сказать: «Не забывайте, что я инженер-ирригатор да еще и секретарь Ассоциации инженеров Непала!»

Появилась бумага — своего рода брачное свидетельство, брахманы приложили к ней печати и передали старшему брату. Он будет хранить этот документ в своем доме, как это принято, на стене под стеклом. Затем молодой чете прочитали ряд традиционных наставлений: быть верными друг другу, уважать друг друга и пр., и пр.

Церемония закончилась и все формальности тоже. Жених и невеста стали мужем и женой.

Как-то быстро все ушли из комнаты. Остались только сидеть рядом, как сидели на полу, не глядя друг на друга, молодые супруги. Церемония перенесла их за черту, которая существовала до сего момента... и, казалось, они осмысливали это. Я подошла к молодоженам и поздравила их. Гамбир перевел им мои пожелания, и мы ушли. Скоро уйдет и невеста в свою комнату, а жених проведет эту ночь в кругу гостей.

На другой день молодой супруг увезет жену в свой дом, вернее, ее понесут в корзине или в паланкине. Дом мужа станет домом молодой хозяйки.

Дом, где выросла девушка, у непальцев не считается ее домом, у своих родителей девочка живет как бы в гостях. Поэтому родители относятся к дочерям много мягче, чем к сыновьям, не наказывают их за провинности, не бьют, а мальчишкам попадает нещадно, чем попало и куда попало.

Молодую хозяйку в дверях дома встречает свекровь, и начинается новая церемония, состоящая из многих ритуальных действий. Свекровь моет ноги невестке священной водой, передает ей символический ключ от дома и вводит в дом, заставляя преодолевать ряд разных препятствий.

Брахман заканчивает ритуал чтением заклинаний и подношениями богам. Невестка раздает всем членам семьи орехи, а потом все отведает из общей миски ритуальную пищу, приготовленную из риса.

К вечеру в доме будет угощение, на которое соберутся все родственники и друзья.

На церемонии введения в дом молодой хозяйки мы не были, нас пригласили на третий день свадьбы.

И вот 8 мая около 9 часов вечера мы снова у дома Прадханов. Прадхан-младший, молодой супруг, снова сам встречает нас на улице и ведет в свой совсем еще новый дом. Мы поднялись по двум ступенькам крыльца и оказались на пороге гостиной. В комнате цементные серые стены и глиняный пол, окна без занавесок. Украшение комнаты составляют подвешенные у самого потолка календарь и цветные картинки — эпизоды из «Рамаяны» да бронзовая фигурка Будды на окне.

Хозяева дома индуисты — и вдруг Будда! Я подмечаю это и спрашиваю у Прадхана-старшего, как объяснить это содружество двух религий?

Завязался оживленный и долгий разговор. Прадхан-старший не очень внятно говорит о взаимосвязи двух древнейших религий — буддизма и индуизма, об их древности, о цели религии. В свободное время Прадхан-старший пишет историю буддизма на непали для непальцев. Наверно, для них там будет все понятно, а если и не все, значит так надо...

О некоторых религиозных обрядах Прадхан-старший говорит с улыбкой, он повторяет, что они устарели, но тем не менее он убежден, что религия необходима. Главным достоинством религии является то, что она

заставляет людей думать о будущем. «А ведь у вас в стране, как и в Америке, — так он слышал, — люди не молятся и, значит, не думают о будущем, а только о сегодняшнем дне, они — рационалисты, то есть отвергают все духовное».

Тут было о чем поговорить, и я не утерпела, дала волю проснувшемуся во мне агитатору. Переводчик Гена избавил меня от мук самостоятельного плавания в английском. Я попыталась хоть что-то объяснить Прадхану. Говорила о разнице между Америкой и Советским Союзом, о состоянии религии у нас и особенно подробно о том, кто же в действительности лучше думает о будущем: буддисты с индуистами или мы — «рационалисты»?

Конечно, я не утверждаю, что мне удалось хоть в какой-то степени изменить мировоззрение моего слушателя. Хорошо и то, что в конце беседы Прадхан-старший заявил, что «он и его друзья высокого мнения о русских».

Все гости, кроме нас, были невары, и одни мужчины. В большинстве это были представительного вида люди, и сидели они солидно, молча взирая на нас и время от времени с серьезным видом делая маленький глоток из стакана с виски. Здесь был и сын Прадхана-старшего, студент, и два брата Прадхана-младшего. А из дверей, как с картины в раме, на нас смотрела серьезно, пристально и, казалось, неприветливо целая гроздь женских лиц.

Мы были в гостях уже около двух часов, поэтому решили, что настало время вручить молодоженам наш общий подарок — радиоприемник, и можно будет ехать домой. Мы уже встали, готовые прощаться, но Прадхан-младший воспротивился этому. «Сейчас к вам выйдет Мана», — сказал он. Мы сели.

Мана вышла к нам в том же малиновом свадебном сари, в котором была позавчера, но теперь его конец не закрывал ее лица и голова была открыта. Она вошла тихо, плавной походкой и поздоровалась с нами по-русски за руку. Меня она, оказывается, знает и сказала об этом, а больше не разговаривала, сидела потупясь и скоро ушла. Зато Прадхан-младший все время был с гостями, он любезно угощал всех виски, жареной печенкой, сыром, орешками. Я не хотела пить виски, но

Прадхан по-русски сказал: «Ради меня». Отказаться было невозможно.

Мы снова встали со своих мест, чтобы попрощаться, но теперь уже Прадхан-старший не захотел отпустить нас и сказал, что сейчас будет угощение.

— Да ведь угощали уже.

— Нет, вот теперь будет угощение.

Пришлось подчиниться.

Перешли в соседнюю тускло освещенную комнату. В углу низкая широкая лежанка, посередине стол под белой простыней. Стол был накрыт на пять персон по-русски: тарелки, вилки, ножи, ложки (непальцы едят руками из мисок или с подносиков, сидя на полу). За стол сели мы, четверо русских, и Прадхан-старший. Сидим чинно, на закуску на столе только смотрим. Уж очень густо все приправлено перцем, покрыто серым слоем. Прадхан-старший предложил приступить к еде. Надо решаться. Я стала жевать... Вдруг появился Прадхан-младший, он нес дымящееся блюдо: тушеную курицу в соусе с гарниром из риса, с орехами и горохом. Очень вкусно. А Прадхан несет уже другое блюдо. После жареного картофеля появились яйца в желтом соусе, печенка. Сладкое — молочно-желтый кисель с кусочками мандаринов и горячие рисовые шарики шоколадного цвета — принесла с приветливой тихой улыбкой молодая хозяйка Мана.

Поднявшись из-за стола, мы поблагодарили за угощение и стали прощаться. Но Прадхан-старший сказал, что сейчас-то и начнется церемония — смотрины. Придут родственники невесты посмотреть, как она живет на новом месте. Конечно, мы остались.

На маленькой площадке перед домом уже стояли рядами знакомые железные стулья. В первой комнате, гостиной, теперь стульев не было, в глубине ее на рогожках разместились женщины и девочки в красочных ярких одеждах, главным образом в красных. Впереди всех у левой стены, опершись на руку, поджав ноги и опустив глаза, сидела Мана все в том же свадебном сари.

Вскоре пришли гости — бело-черная толпа мужчин. «Эк, сколько их набралось!» — с улыбкой сказал Прадхан-старший. Впереди толпы с воинственным и почти сердитым видом шел старший брат Маны. Белая ру-

башка с бабочкой, грудь колесом. Остальные шли скромно и тихо, в том числе отец Маны и другие ее братья. Гости обычным образом приветствовали хозяев, некоторые сели на стулья.

Мана поднялась с пола и быстрым шагом вышла из гостиной, прошла мимо гостей, не останавливаясь, и скрылась в другой двери дома. Довольно скоро она вернулась, но теперь на ней было другое сари — белое с красной каймой. Она снова села на прежнее место. Теперь весь пол перед женщинами покрылся подносами и блюдами с подношениями невесте от ее родных. Здесь были торты, фигурные пряники, мандарины, бананы, редька, брюква... Прошло немного времени, и все приношения убрали. Комната наполнилась мужчинами, кому не хватило места, толпились у дверей. Два подноса не были убраны: один, пустой, остался перед Маной, да напротив нее у стены был поднос, подготовленный для ритуала: на нем фрукты, цветы, красная пудра, бронзовые фигурки... Перед этим подносом сидел на корточках отец Маны. Он молился. Затем выбрал букетик белых цветов, украшенных блестками, поднес их дочери, маленький цветок воткнул ей в волосы, поставил на лбу тилу. Молитвенно сложил перед дочерью руки, как перед божеством.

Церемонию с азартом снимали с разных мест два прежних, уже знакомых нам фотографа.

К Мане цепочкой потянулись мужчины, и каждый клал на поднос перед ней деньги, одну, пять рупий... Почему-то и мы почувствовали необходимость тоже подарить молодой хозяйке деньги, хотя еще до прихода родственников Маны Прадхан-старший предупреждал, что от нас денег в дар невесте не надо, так как мы уже сделали ей подарок. Я спросила отца Маны почти по-русски, можно ли нам подарить невесте деньги. Он сразу понял и радостно закивал: «Можно, можно!» И я подошла к подносу.

Церемония кончилась. Родные невесты убедились, что ей в новом доме неплохо, что с ней обращаются не грубо. Хозяева дома стали раздавать гостям подарки. Начали с женщин. Кому заклеенный пакетик, кому пряник, кому пампушку на палочке, украшенную блестками. И нам всем досталось по пакету. В них набор маленьких кусочков сладостей: орешки, изюминка, напер-

ченная сухая лапша, несколько гвоздичин и пр. Такие же подарки были сложены в сумки, и прихватив их, все — и гости и хозяева — большой толпой отправились в бывший дом невесты. Там молодых оставят в отдельной комнате, а гости всю ночь проведут за трапезой, но без песен, без такого шума, как бывает у нас на свадьбах.

На другой день молодые уйдут к себе домой и начнется для них жизнь будничная. Для Маны она, по-видимому, не будет тяжелой. В ее новом доме, наверно, есть слуги. Она сможет продолжать учиться или заниматься интеллектуальным трудом. А вот для девушек из народа будни в замужестве будут совсем другими, часто они становятся весьма тяжелыми.

Хотя молодая женщина обретает свой дом, но фактически хозяйкой все же остается мать мужа, свекровь. Всю тяжелую работу она взваливает на плечи невестки. И дров принеси из лесу, и наруби их, и травы нарви для скотины, и постирай, приготовь пищу, почисти закопченную на костре посуду, на поле поработай. Свекровь точно мстит молоденькой невестке за то, что в свое время, когда она была молодой и неопытной, ее тоже безжалостно заставляли выполнять самую тяжелую и грязную работу.

Невестка становится чуть самостоятельнее, когда у нее появляется ребенок, но работы при этом не убывает. Всегда в Непале можно видеть женщин, которые стирают, сидя на корточках, или мотыгой рыхлят землю на поле, сажают рис, а на спине у них привязан ребенок, и его непокрытая головенка болтается из стороны в сторону. Сами женщины в своих засаленных сари, к которым никогда не прикасается утюг, с разлохмаченными волосами, быстро утрачивают прежний цвет лица. Но выражение лиц, как ни странно, обычно не мрачное, часто приветливое, даже веселое, по-своему они счастливы...

Свадьба ювораджадхираджа

2 мая 1969 года было объявлено о помолвке ювораджадхираджа Бирендра Бир Бикрам Шах Дева с Айшварьей Лакшми Деви Рана.

Раньше, как говорят историки, ювораджи (крон-

принцы) Непала женились, как правило, на принцессах из других стран, главным образом на дочерях индийских князей. В этот раз предпочтение было отдано непальской невесте.

Айшварья — дочь генерал-лейтенанта Кендра Шамшер Дж. Б. Рана и Рани Шри Раджья Лакшми Рана — родилась в Катманду (в районе Лазимпат) 7 ноября 1949 года. Начальное образование получила в Индии (в монастыре св. Елены и в школе св. Марии). Через три года вернулась домой и продолжала образование дома, а потом в течение года — в высшей школе Кантишвари (Катманду). В 1963 году стала учиться в колледже Падма Канья, откуда перешла в университет Трибхувана. Там получила степень бакалавра искусств. Айшварья изучала литературу, интересовалась музыкой, за успехи в музыке получила диплом.

Ювораджадхираджу Бирендре двадцать пять лет (он родился 28 декабря 1945 года в Катманду). Он вел более подвижную жизнь, чем его невеста: много путешествовал, учился в разных странах.

Начальное образование (куда входит и английский язык) он получил в колледже св. Иосифа в Дарджилинге (Индия). Потом учился в Итонском колледже, в Англии (1959—1964). В 1966 году был студентом университета в Токио: один учебный год (1967/68) находился в Гарвардском университете в США.

По окончании учения в Англии, вернувшись в Катманду в 1964 году, Бирендра изучает свою страну, ее историю, управление, культуру, язык, географию. Под руководством председателя Непальской ассоциации искусств он занимается живописью, интересуется непальским и западным стилем, предпочтение отдает экспрессионистам. В то же время он руководит организацией скаутов.

Зимой 1965/66 года Бирендра инкогнито путешествует пешком по Западному и Восточному Непалу, причем пользуется только такой пищей и такими удобствами, которые доступны обыкновенному путешественнику. Случалось, ночевал и под открытым небом.

Бирендра везде сочетал учение с путешествиями. Долго был в Англии, Америке, Японии. Побывал в западноевропейских странах, в СССР, в Иране, Китае, Индонезии, Кении. Он сопровождал отца и мать во

время их визитов в Англию (1960 г.) и в США (1967 г.), присутствовал на конференции неприсоединившихся стран в Белграде (1961 г.), возглавлял непальскую делегацию в Индонезии на праздновании десятой годовщины Бандунгской конференции, где выступал с речью, встречался с Сукарно. В Китае вел официальные переговоры с Мао Цзэ-дуном и Чжоу Энь-лаем.

В отсутствие Махендры Бирендра выполнял несколько раз обязанности председателя регентского совета в Непале; самостоятельно принимал высоких иностранных гостей страны: принца Ирана и кронпринца Дании с принцессой.

При всем этом Бирендра не забывал (или ему не позволяли забывать), что он непалец. В апреле 1963 года Бирендра приезжал из Англии в Катманду на церемонию санха упандян.

А 17 сентября 1964 года по случаю совершеннолетия Бирендры во дворце на Ханумандхока состоялась церемония, во время которой Махендра присвоил Бирендре титул «грандмастера» и чин полковника Королевской армии.

В 1965 году Бирендра познакомился с Айшварьей; а теперь не за горами и свадьба.

После помолвки невеста с родителями переехала во дворец на Ройял уэй, который к тому времени был специально отремонтирован. Дворец постоянно охранялся. Невеста до свадьбы не должна показываться нигде на людях. Но с женихом она могла видаться во дворце.

Началась подготовка к свадьбе. Благодаря ей заметно изменился облик столицы. Город строился, ремонтировался, благоустраивался. Тут и там вставляли бамбуковые леса. Строили новые гостиницы и расширяли старые, ведь ожидается наплыв гостей. Стали достраиваться, казалось, давно законсервированные большие здания: театр, торговый центр, здание министерств. Торговая улица Индра чоук теряла свой национальный вид. Сплошные двери с подпорками между ними заменяли широкими застекленными витринами. Иначе раскладывали товар, да и сам товар становился другим, рассчитанным на другого покупателя. Какие появились сари! С люрексом, с серебром, золотом, какие безделушки, украшения, сумки... Даже чулки появились

в продаже, хотя непальские женщины не знают, как их надеть, чтобы они не спускались.

На городских улицах поправляли кирпичные ограды, развалившиеся так давно, что они успели зарости кустарником, а то и деревцами и стать приютом змей и крыс.

Особенно повезло дорогам. Только теперь стало видно, что кое-где их надо делать заново, кое-где расширять, спрямлять, выравнивать. Словом, везде что-то ломали, что-то сооружали, всюду были груды кирпича, песка, щебня, ямы, бочки, пыль столбом и коричневые полуприкрытые тела рабочих — мужчин и мальчишек...

Вдруг в столице стали подметать улицы, чего никогда не было. Непальцы не затрудняют себя и все отбросы и сор выбрасывают на улицу, для чего часто пользуются и окном. А теперь на проезжих улицах мусор стали собирать и увозить. Стало меньше встречаться бездомных собак. Только священные коровы по-прежнему чувствовали себя привольно везде.

Электрики трудились над устройством большой электрической иллюминации для двух дворцов и некоторых общественных зданий.

Стало известно, что в Катманду прибыло из Японии сто модных автомашин «тоёта». Они предназначались для обслуживания знатных гостей, которые прибудут на свадьбу. Слоны появились в столице. По утрам можно было видеть, как они идут спорой походкой с огромными тюками травы.

Говорили, что жених приобрел для свадебного подарка невесте несусветно дорогие украшения из очень редких драгоценных камней. Некоторые непальцы полагали, что на свадьбу Бирендры будет израсходовано от восьмидесяти до двухсот миллионов рупий.

Непальские газеты уделяли внимание свадьбе по мере ее приближения все больше и больше. Когда же наступило время свадьбы, то газеты ежедневно печатали пространные сообщения, не забывая и мелких подробностей ритуала. Характер информации был неоднороден. Большинство газет выражало почтительное умиление, и лишь несколько маленьких газеток решилось посмотреть на некоторые вопросы, связанные со свадьбой, «рационалистически», за что и поплатились: перестали существовать.

С приближением свадьбы суэта все увеличивалась, но и результаты ее становились заметнее. Новый дворец в усадьбе махараджадхираджа, который строился уже четвертый год, наконец сбросил леса и показал фасад.

Простота архитектуры отличает его от всех других дворцов в столице, европейских и непальских. Правда, дань непальскому стилю в нем все же отдана. Прежде всего это цвет постройки — цвет красного кирпича, затем — пирамидальная крыша с загнутыми углами на башне, профиль которой напоминает ступенчатые американские небоскребы, и, наконец, входные двери, достойные непальских махараджадхираджей. Массивные, темные, из бронзы с чернью. На барельефах представлены традиционные непальские символы: солнце, луна, свастика, цветы, змеи, драконы...

Внутри дворца наряду с современными новшествами Запада нашла применение и деревянная резьба. Резчики Патана торопились выполнить большой заказ для дворца.

От дворца через новые ворота пролегла широкая полоса асфальта, смела со своего пути часть старинного дворца, кирпичные заборы и образовала такую широкую улицу, что хоть самолеты на нее сажай. Новые ворота из серебристых прутьев не скрывали дворца (он виден в отдалении) и приготовлений к свадьбе на обширной зеленой площадке перед ним. Здесь выросло подобие беседки, утопающее в цветных флажках и зелени бамбука. По сторонам беседки установили по два огромных полосатых тента, под ними уже стояли во много рядов складные железные стулья.

Скоро свадьба. Уже начинают съезжаться именитые гости: князья, раджи, шахи, принцы, президенты, премьер-министры, послы... Из Индии, Пакистана, Ирана, Шри Ланка, Бирмы, Индонезии, Китая, Анголы, Англии, США, Франции, ФРГ... Был и представитель СССР. Самые высокие гости поместятся под одним тентом, остальные займут места под тремя другими.

В пригласительных билетах, присланных от имени махараджадхираджа Махендры и махарани, сообщалась программа свадебных торжеств. 26 февраля 1970 года состоится церемония сайпата; 27-го — церемония бара ятра, 28-го — бадху прабеш. Первого и третьего марта

гостей приглашали развлечься: на площади парадов Тундикхел состоятся татту — игры по случаю свадьбы ювораджи, в которых примут участие больше тысячи солдат. А в новом театре будет концерт непальских артистов.

Столичные газеты сообщили еще об одной церемонии, без которой не могут состояться все последующие, — церемонии свайямбар. Она начнется 23 февраля в 11 часов 17 минут в государственном зале дворца Сингх дарбар. Это церемония предсвадебная, и на ней присутствует только узкий круг близких людей. На церемонии окончательно устанавливается, быть или не быть свадьбе.

Дословно свайямбар означает «выбор невестой жениха». Эта церемония еще в очень древние времена практиковалась в кругу знатных семей. Описание ее встречается во всех священных книгах индуизма: «Махабхарате», «Рамаяне» и других. Есть красочные описания церемоний свайямбар, в результате которых сложились идеальные божественные пары: Наль и Дамаянти, Рама и Сита, Арьян и Драупади, Сиддхартха и Ясодхара. Везде девушка сама выбирает жениха. Эта церемония была для девушки единственной возможностью увидеть будущего супруга до свадьбы.

Церемония очень проста. Девушка надевает на избранника две гирлянды: из цветов и из вечнозеленой травы даби, и этим показывает свой выбор.

В прежние далекие времена на свайямбаре действительно девушка выбирала жениха из целого ряда кандидатов. Когда приходило время девушке знатного рода выходить замуж, ее отец, дядя или брат посылали всем достойным юношам приглашение на свайямбар. Съехавшиеся претенденты на руку девушки участвовали в соревнованиях, иногда самых неожиданных. Они стреляли из лука, скакали на лошадях, отгадывали загадки. В одной легенде говорится, что жених должен был попасть из лука в глаз рыбе, которую он не видел, видел только ее тень; в другой легенде жених должен натянуть тетиву такого большого и тяжелого лука, что его и поднять-то никто не мог, кроме Рамы. Иногда эти соревнования были и кровавыми. Женихом становился победитель в соревнованиях. После соревнования все участники выстраивались в большом зале, к ним выходила

девушка и надевала на шею избранника гирлянду цветов.

В настоящее время жених выбирается предварительно, и на свайямбар приглашают только его одного. Девушка на церемонии только подтверждает свое согласие на брак с ним.

Жених, в свою очередь, надевает гирлянду цветов на шею невесте. Затем жених и невеста ставят друг другу тикку на лоб и обмениваются кольцами. Все это происходит в семейном кругу, в непринужденной атмосфере. После церемонии гостей угощают. Благоприятное время для проведения церемонии, как всегда, определяет астролог.

23 февраля непальцы могли видеть кортеж, отправляющийся на церемонию свайямбар из дворца Нарайянихити во дворец Сингх дарбар.

Стояло солнечное, тихое, теплое утро. На правой стороне дороги по всему пути следования кортежа сидели и стояли зрители, главным образом женщины и дети. Мужчин почему-то прогоняли, по крайней мере с этой стороны. Пестрая толпа терпеливо ждала уже не первый час.

Наконец, поезд показался: легковая машина с полицейскими, после большого интервала — конница с гвардейцами в красных мундирах, мотоциклисты, машины охраны и, наконец, две приземистые черные машины, разделенные интервалом. В первой на заднем сиденье сидел один Бирендра, во второй — Махендра. Оба были в обыкновенной национальной одежде и в черных топи.

В Сингх дарбаре точно в положенное время началась церемония. Бирендра и Айшварья обменялись тиками, надели друг на друга перевитые серебряными и золотыми нитями гирлянды из цветов и из травы даби, обменялись кольцами. Затем невеста подарила жениху золотую монету, выразив этим ему свое почитание. Таким же путем, преподнесением золотой монеты, Бирендра и Айшварья выразили свое почитание близким родным жениха: отцу (Махендре), матери (Ратне) и бабушке (матери Махендры). Потом все присутствующие гости дарили жениху золотые монеты. Здесь были только высшие гражданские и военные чиновники Непала: премьер-министр, главный судья, председатель на-

ционального панчаята и др. На этом церемония закончилась.

26 февраля в Сингх дарбаре состоялась сайпата — церемония поднесения подарков жениха невесте. Для доставки подарков был снаряжен специальный поезд — красочное грандиозное шествие, которое должно было поразить воображение непальцев и иностранцев. Иностранцы, и правда, поражались и стремились запечатлеть процессию на кино- или фотопленку. В наш прозаический и рациональный век такая сказочная процессия! Непальцы же не все смотрели на процессию с разинутым ртом, были и такие, которые находили ее излишне помпезной.

Вместе с подарками для невесты специальные носильщики понесут и документ — отпечатки ладоней жениха на специальной материи. Этот документ появился в результате особого ритуала, проведенного в 10 часов 45 минут утра, как было определено астрологом. Отпечатки рук служат брачным свидетельством, подтверждением брачных обязательств. Такой же документ с отпечатками ладоней сделала на материи и невеста утром в Сингх дарбаре.

В полдень при ярком солнце из восточных ворот дворца Нарайянгхити вышла головная колонна процессии. Впереди трое полицейских в парадной форме: черные костюмы, белые перчатки и гетры. После большого интервала показались подразделения воинских частей: в синей одежде, в красной, в зеленой; ружья в правой руке в горизонтальном положении; мелькают белые перчатки и белые гетры на коротких ногах в тяжелых ботинках. Дальше военные музыканты с барабанами, потом музыканты в гражданском платье — несколько нестройных рядов босоногих мужчин в будничной одежде; у одних в руках медные тарелки и барабаны, у других бамбуковые шести с пучками крашенных ячьих хвостов или флажками; шести вертят в ладонях рук, и это оживляет шествие.

Когда голова процессии подходила к Сингх дарбару, ее хвоста еще не было видно. Из усадьбы махараджидхираджа с интервалами продолжали выходить все новые и новые подразделения воинских частей, группы лиц чисто гражданских, не умеющих соблюдать ни рядов, ни шага: музыканты, плясуны, представители раз-

ных народностей в национальных костюмах, ряженые, носильщики, а за ними еще целый поезд машин.

Вот идут плясуны в масках. Плоские синие и красные маски из папье-маше, космы из крашенных хвостов; яркие женские платья с поперечными полосами при резких поворотах открывают босые мужские ноги... Снова музыканты. Группа огромных пузатых кукол на тонких ногах (ноги натуральные, мужские). Снова военные в зеленом, красном, сверкают на солнце трубы военного оркестра. Упруго процокала конница — гвардейцы в красных мундирах с султанами, с копьями...

Наконец-то подарки! Колонна низкорослых мужчин, почти карликов, по четыре в ряд. Чалмы, цветная пестрая одежда. Они несут на вытянутых руках подносы, накрытые парчовыми салфетками. За ними цепочкой мягко шагают слоны. Разрисованные хоботы и ноги. Попоны и наголовники из красного бархата с вышивкой. Кисти, бубенчики, колокольчики. На спинах у слонов паланкины, увитые гирляндами из цветов и флажков. Оттуда глядят свысока знатные чиновники. Какая честь им нынче выпала — сопровождать подарки на слонах! Снова солдаты: пешные, конные; оркестры, машины, ряженые, плясуны в масках и без масок крутятся на ходу, подпрыгивают, потрясают кулаками; трусят несколько львов в бумажных зеленых шкурах. А вот своеобразные музыкальные инструменты — огромные изогнутые «охотничьи рожки» высотой не меньше двух метров.

За носильщиками, которые несут отпечатки рук Бирендры, идет пять оркестров, в том числе и дворцовый. Музыканты извлекают звуки из оригинальных инструментов, состоящих из небольшой дудки и воздушного меха, каким кузнецы раздувают огонь в горне. Но самое эффектное в оркестре — это одежда музыкантов, их загорелые тела прикрыты только двумя шкурами леопардов, скрепленными на левом плече.

Все движется под музыку, и движется довольно быстро.

Эта пестрая лента проходит мимо мемориальной арки национальных героев, вдоль южной стороны площади Тундикхел, мимо храма, стоящего особняком, как островок, выходит на широкую прямую дорогу, идущую по открытому месту, и скрывается в воротах Сингх дарбара — самого огромного дворца Катманду, который

еще совсем недавно принадлежал премьер-министру из семейства Рана.

Церемонии бара ятра и батху прабеш, состоявшиеся в Сингх дарбаре 27 и 28 февраля, были собственно церемониями свадебного обряда. Но все приглашенные на свадьбу гости не могли на них присутствовать: их не вместил бы никакой зал. Поэтому здесь были родные, близкие и особо знатные гости. Все остальные приглашались к трем часам во дворец Нарайянгхити, а точнее, на площадку перед дворцом, под нарядные тенты, специально для этого установленные.

Нам ехать до дворца не больше пяти минут, мы выехали за полчаса, но очень скоро в прилегающей к дворцу улице уткнулись в хвост вереницы машин. В новые ворота дворца устремлялись три потока машин и полицейские пропускали их, руководствуясь какими-то только им одним понятными правилами. Но вот и мы въехали и, сопровождаемые распорядителями, нашли предназначенный для нас шатер. Сели рядом со знакомыми индийцами. Они чувствовали себя как дома и предлагали нам попробовать то одно, то другое лакомство, которые на подносах разносили мальчишки, одетые в специальную форму. Непальские рецепты сладостей как будто не отличаются от индийских.

Узнав, что я никогда не пробовала бстеля, мой сосед стал уговаривать меня взять этот комочек из листьев, обернутый в золотую или серебряную фольгу. «Надо же знать, что такое наркотик!» «Будь что будет! — решила я, — с одного раза не стану же я наркоманкой, а что касается гигиены, то она обеспечивается оберткой из благородного металла». Я выбрала золотую фольгу и храбро протолкнула в рот этот громоздкий треугольный узелок. И тут же пожалела об этом: ни прожевать его, ни выплюнуть было не легко... и сок уже появился. Что с ним делать? А индеец уже спрашивает, закружилась ли у меня голова.

«Нет», — говорю, а сама осматриваюсь, куда бы выбросить эту сочную неудобную жвачку... Тут мне повезло, все вокруг вдруг поднялись с мест и кинулись к первым рядам. Оркестр заиграл непальский гимн.

Бронзовые со свастикой двери дворца открылись, и со ступеней не спеша, просто и в то же время солидно спустился Махендра, шагов на шесть сзади него — ма-

харани в красном сари и Бирендра в сверкающем парчовом костюме, дальше — небольшая свита. Они сделали круг, пройдя мимо всех шатров, и удалились.

Вскоре все гости вышли из-под тента, чтобы лучше видеть процессию, направляющуюся на церемонию в Сингх дарбар. Она уже показалась слева.

Военные в синем, в красном, в зеленом, музыканты с народными музыкальными инструментами, с крашеными хвостами на бамбуковых шестах... Все было, как вчера: нестройные ряды босых мужчин с детьми на плечах, и даже калеки были здесь, в усадьбе махараджаджираджа. Затем пошли маски, за ними огромные бумажные фигуры на тонких ножках, плясуны, «львы» в шкуре из мочала. Колонны военных, легковые машины, конница в красных мундирах...

После большого интервала прошли военные музыканты также в красных вышитых мундирах, открытая конная повозка везет какой-то блестящий конус... Снова интервал. Четыре всадника в красном, две верховые лошади, вемые под уздцы, слон с сопровождающими, крытая легкая карета, запряженная семеркой гнедых лошадей цугом (она пустая, пригодится завтра), за каретой двенадцать носильщиков с трудом несут серебряный закрытый паланкин с тонкими колонками по бокам. Он тоже пустой.

Снова лошади, шесть босоногих носильщиков в корзинах тащат серебряную ритуальную утварь. Интервал, и довольно большой, как будто специально для того, чтобы поразить зрелищем, которое затем открылось. Из-за угла показались два слона под красными бархатными попонами с серебром. На их спинах — красные паланкины. На первом слоне стоит Бирендра, настоящий сказочный принц. На закатном солнце искрится малиново-серебряный костюм, плотно облекая статную фигуру. А на розовом лице улыбка, откровенная беспечная улыбка.

На втором слоне — два брата Махендры. За слонами опять военные, военные, колонны солдат и офицеров, цепочка из четырех слонов, на первом из них посол ФРГ — староста дипломатического корпуса, в смокинге и в цилиндре, затем машины с именитыми гостями.

Теперь гости могли уезжать или оставаться, беседуя и вкушая угощения.

Завтра почти в тот же час предстояло снова всем съезжаться сюда, но уже затем, чтобы встретить свадебный поезд. Нам хотелось свадебный поезд снять на кинолентку, и на другой день мы заранее выбрали удобную позицию вблизи Сингх дарбара и приготовились. Сколько же было вокруг иностранцев, которые тоже приготовились снимать! Использовали всякие возвышения, парапеты, столбы... Другие просто выходили на самую середину дороги. Стоящие один возле другого через каждый метр полицейские, ограждающие дорогу от зрителей, не препятствовали им. Но... все ухищрения фотографов и кинооператоров были бесплодными. Все ждали, ждали, а солнце между тем завершало свой путь, и, когда в воротах Сингх дарбара показалась процессия, оно уже скрылось. Даже рассмотреть процессию можно было, только стоя рядом с ней. Но читателю, наверное, уж и так наскучило ее описание, так что все это было кстати. Нам остается добавить немного.

Вчера церемония бара ятра в Сингх дарбаре «повенчала» Бирендру и Айшварью, а сегодня муж вез жену в свой дом. Молодожены ехали в карете, запряженной семеркой, а весь остальной состав поезда был почти без изменений. Все двигалось, въезжало в новые ворота дворца и скрывалось за поворотом. Не доезжая до ворот, карета остановилась. Молодая жена вышла из нее, пересела в серебряный паланкин и на плечах носильщиков была внесена на территорию дворца. Такова традиция.

Не очень долгая церемония в павильоне, украшенном зелеными ветками и цветными флажками, и Айшварья утвердилась во дворце махараджадхираджа.

Гости увидели новую юбарагни (кронпринцессу) на концерте 3 марта, она шла четвертой. Семья махараджадхираджа, прибыв в театр, шла в установленном порядке: махараджадхирадж Махендра, через три-четыре метра позади него — махарани Ратна, дальше — ювораджадхирадж Бирендра и за ним на расстоянии — Айшварья.

Концерт был не длинный, но красочный. Никогда еще не было при нас на сцене Непала таких ярких, блестящих костюмов и цветного освещения. Исполнялись танцы и два отрывка из религиозного индуистского эпоса. Герои пьесы — раджи и принцы... и на них из первых

рядов смотрели живые раджи, рани, принцы, принцессы, шахи...

Совсем другого характера было выступление на Тундикхеле под черным небом в темноте, которую, когда это требовалось, немного оттесняли прожекторы.

Где-то за площадью грянул королевский салют. Татту начинаются. Сначала военные в зеленой форме, выстроившись двумя большими квадратами, делали упражнения с кхукри. Эти изогнутые широкие ножи, оружие непальской армии, эффектно сверкали на темном фоне. Затем выступали конники. Лошади прыгали через препятствия, сквозь охваченные огнем обручи, проезжали через горящие ворота... Снова выступали солдаты в зеленом, теперь — с саблями. А потом из темноты неожиданно выросли слоны и показали, что они неплохие артисты, умные и дисциплинированные.

Прожектора погасли. Татту кончились. На этом кончилась и свадьба.

День рождения махарани

Махараджадхирадж Махендра для индуистов является живым воплощением бога Вишну. Это Вишну на земле. А Вишну — бог, весьма уважаемый непальцами. Он кормилец и поилец, он охраняет от злых духов и всяких напастей. Две самые большие статуи богов в Непале изображают Вишну. Они находятся вблизи Катманду, одна в парке Баладжу, другая — при монастыре у подножия северных гор. В обоих местах пятиметровая почти полностью обнаженная серая фигура Вишну покоится в бассейне с водой на змеях. Каменные кобры переплелись и устроили из своих тел ложе для Вишну, а головы собрали веером и склонились к его лицу. Вишну чуть-чуть улыбается. У него четыре руки (а бывает и две, и восемь), в трех руках — чакра *, колчан со стрелами и раковина, а четвертая — «умиротворяющая», с особо сложенными пальцами.

Тело Вишну и лицо всегда ламазаны красками — красной, желтой, белой — и осыпаны лепестками цветов, рисом и другой пищей. Его поливают водой, прикрепляют к нему тлеющие фитили... Каждый непалец считает

* Чакра — оружие в виде диска, который мечут во врага.



Рис. 33. Лежащий Вишну. Бассейн парка Баладжу (Катманду)

своей священной обязанностью поклониться Вишну, но это не относится к махараджадхираджу. Он, наоборот, почему-то не должен смотреть на «свое» изображение, должен избегать встречи с ним.

Если махараджадхирадх — божество, то и жена у него (махарани) не может быть простой женщиной. Махарани — богиня просвещения и покровительница искусств подобно Сарасвати. Вот и сегодня, в день своего рождения, она исполняет кое-какие обязанности, связанные с этим саном.

Махарани ждут здесь, в этом огромном дворце Бал-мандир, еще не так давно принадлежавшем кому-то из семейства Рана. Двор-сад заполнен черными головками детей. На балконах дворца и в залах — гости: знатные непальцы, мужчины и женщины, и иностранцы. Все истомились. Очень жарко, а махарани заставляет себя ждать вот уже около двух часов. Только что полицейский вынес на руках из плотной толпы школьников девочку лет восьми с безжизненно повисшими руками. Наверно, солнечный удар.

Но махарани, пожалуй, и не была виновата в том, что ее так долго ждали. Она была занята. Еще в десятом часу утра она стала принимать у себя во дворце поздравления.

Вместе с Бирендрой, другими родственниками и должностными лицами махарани появилась в дверях одного из покоев дворца. Двери распахнулись, и тотчас же к ним стали подходить люди, ожидавшие во дворе. Их недавно впустили через западные ворота, построив в колонны. В головной колонне шли женщины в белом. Это были представительницы наиболее знатных семей Непала, многие из них в родстве с семейством махараджадхираджа, другие — из семейств Рана, Тхапа, Биста. Есть красивые, стройные. Они шли и шли, не торопясь. Метрах в полутора от махарани останавливались, по очереди клали к ее ногам букетик цветов, складывали молитвенно руки, кланялись и отходили. За первой колонной женщин подошла другая колонна — тоже женщины знатного рода, затем в парах группа за группой подходили студентки в сари одинакового цвета, то белого, то сиреневого, то оранжево-бурого. Затем подходили школьники: скауты в зеленой форме с красными галстуками и просто школьники в форменной одежде и без формы, в обуви и без обуви. Шли женщины, представительницы каких-то организаций, снова школьники, снова взрослые, одетые по-разному, в основном бедно: в ситцевых сари, босиком. Прошла группа монахов в бурых хламидах, небольшая группа бритоголовых монашенок в розовых тогах, жители гор в суконных одеждах. Они с поклоном возложили к ногам махарани не цветы, а полоски белой марли. Небольшая группа босых ребятишек в одинаковой одежде из грубого полотна цвета охры, сирот, воспитанников какого-то монастыря, остановилась сажень в двух от махарани и дружно пропела ей хвалебные стихи на санскрите. Потом опять возобновилось шествие взрослых и каждый дарил «богине» живые цветы. Холм из цветов уже поднялся до метра высоты, а люди все шли и шли... Теперь в их одежде преобладали серые и темные тона. Все они хотели сподобиться увидеть свою махарани. Нельзя же было прекратить поток поздравляющих.

Перед приездом во дворец Балмандир махарани едва успела немного отдохнуть и переменить сари. Теперь на

ней было скромное сари из натурального шелка с зелеными разводами по белому полю и гроздь жемчуга в ушах и на шее. В черных блестящих волосах, собранных в сложное сооружение, — нежная чайная роза.

Вместе с махарани прибыли ее родственницы: полная флегматичная дама — жена брата Махендры, принца Гималаи, высокая, стройная дама, маленькая горбатенькая девушка, две рослые мужественного вида принцессы и другие высокопоставленные дамы. Зеленые мундиры с эполетами и без эполетов окаймляли эту группу самых знатных дам страны.

Дамы поднялись на второй этаж и миновали несколько пустых обветшалых залов. Зал, где размещалась выставка детских рисунков, был в глубине анфилады комнат. Здесь на стенах размещались рисунки, выполненные карандашом и красками на разной бумаге, обыкновенные рисунки неловких детских рук. Цветы, непальские дома, опять цветы, несколько абстрактных картинок и много контурных портретов махарани, на которых самой достоверной деталью были большие темные очки.

Махарани действительно в обществе появлялась только в очках, которые скрывали ее красивые глаза. Иностранцам на ее лице не приходилось видеть улыбку, оно всегда было серьезно. Для этого у махарани, кажется, достаточно причин. Ее жизнь — жизнь птицы в золоченой клетке. Ведь каждое ее желание, каждое проявление воли находится под контролем. Она не может свободно общаться с людьми, не имеет права выходить или выезжать за пределы дворца по своему желанию, не имеет детей и обыкновенного женского счастья — любить и быть любимой. Разумеется, это мое личное мнение, может быть, оно идет вразрез с представлениями непальских женщин о любви, о привязанности...

Нынешняя махарани — вторая жена Махендры, родная сестра его первой жены, которая родила ему шестерых детей — трех принцев и трех принцесс — и умерла. Через два года после ее смерти состоялась свадьба Махендры с Ратной Раджья Лакшми. Выбор пал на Ратну, сестру жены, по обычаю. Кроме того, он был подтвержден расчетами астрологов, а потом закреплен серией свадебных церемоний.

Махарани в глазах двора и света должна быть до-

стойной парой махараджадхираджу, должна поддерживать честь и славу двора. Для упрочения ее позиций Махендра пожаловал махарани титул — он был опубликован в газете 6 апреля 1968 года. Титул весьма внушительный: Свастишри Оджасви — Раджанья Маха Гауравамаяя Трибхуван Праджатантра Шрипада Маха Юдхавала (Удальявала) Киртимаяя Непал Шрипада Шри Шриман Махараджадхираджа Пата Раджни Бада Махарани Ратна Раджья Лакшми Деви Шах Сада Соубхагьяватинам.

Однако вернемся на выставку детских рисунков. Махарани кончила осмотр зала и во главе своей блестящей свиты спустилась вниз. От крыльца в сад до шатрового навеса, сделанного специально для этого дня, махарани шла по красному ковру. Под навесом с ней рядом встала полная родственница и стояла до конца церемонии неподвижная и безучастная.

Один за другим, цепочкой, к махарани стали подходить хрупкие мальчики и девочки, на вид не больше десяти лет. Все они получали из рук самой «богини просвещения» подарок: перевязанный пакет, ракетку, мяч. Подарки получали дети, рисунки которых обратили на себя большее внимание, а также победители в спортивных состязаниях. Дети, не получившие подарка, были счастливы уже тем, что видели так близко своими глазами «богиню просвещения» и покровительницу искусств.

Ко дню рождения махарани иностранные посольства в Катманду получили маленькую брошюрку. На обложке в кружке — портрет махарани в темных очках. В брошюре содержатся биографические данные, относящиеся к юности Ратны; главным образом сообщается о том, где, когда и чему она училась. Прославляется ее «ум, доброта и красота, слившиеся гармонично». Эти же качества воспевают и поэты, брошюра кончается несколькими короткими, строк на восемь-десять, стихами. Богиню надо прославлять, надо ей поклоняться.

Кое-что о просвещении

В конце 1966 года одна из непальских газет не без гордости сообщила, что за последние пять лет грамотность населения в Непале поднялась с 2 до 7%. Число начальных и средних школ возросло за это же время с

3688 до 5513. Что же, сдвиг произошел, и сдвиг большой. Он привел к тому, что в 1971 году начальную школу посещало уже около 40% детей школьного возраста.

Мне хотелось посмотреть непальскую школу, но нигде поблизости не было ничего похожего на школу, ни по виду, ни по шуму, который у нас характерен для школ во время перемены. Правда, была зима, а в это время года, как мне потом объяснили, дети не ходят в школу, им в это время дома лучше.

— А в русских школах разве зимой дети учатся? Ведь у вас теперь там снег и большой холод? — спросил меня директор колледжа Нараян Бхаттарай. Он был удивлен, что именно зимой у нас учатся, а летом отдыхают.

Я тоже была удивлена, так как непальскую зиму воспринимала как наше хорошее лето. Вот уже третий месяц небо было чистое, голубое, солнце обливало все ярким светом и было в меру тепло, днем воздух нагревался до двадцати двух — двадцати пяти градусов Цельсия. Никакого ветерка. Тишь и покой. Мы днем одеваемся по-летнему. А непальцы кутаются в шерстяные свитеры и кофты (у кого они есть, конечно), в войлочные поддевки или хоть теплый шарф на шею наматывают. Бедный люд, который круглый год обходится без обуви, закутывает голову и плечи широкими покрывалами, а то и пледами. Намерзнутся ночью, вот днем и отогреваются.

Как только солнце поднимается над ближайшими горами, непальцы открывают окна, выбрасывают на каменные заборы подстилки, располагаются на земле возле дома на солнышке. Тут стирают, чистят закопченные кастрюли, нянчат детей, шьют, поставив ручную швейную машину на землю и разбросав вокруг куски материи, плетут рогожи, наматывают основу для будущего полотна, ищут насекомых, просто курят или, ничего не делая, сидят и греются. Зимой почти вся жизнь непальцев проходит на улице. Здесь парикмахеры бреют и стригут, народные аптекари торгуют лекарствами, разложив их на земле, лекари на виду у всех натирают мазями больных... Можно увидеть и ребятишек лет шести-семи, которые учатся. Они садятся на солнышке, на приступке дверей своего дома, кладут на колени грифельную доску и с серьезнейшим видом пишут на ней.



Рис. 34. Домашнее образование

Все это потому, что в помещениях теперь холодно. Под утро в январе—феврале температура воздуха приближается к нулю, цветы покрываются тонкой корочкой льда. А в домах непальцев отопления нет. Если уж кого-то очень одолевает холод, то в комнате на полу разводится маленький костер. Вечерами можно видеть, как через щели внутренней ставни окон просачивается белесый дым. После таких ночей детям трудно находиться в промозглой школе, которая тоже не отапливается.

Весной 1966 года мне представился первый случай побывать в школе. Мы были приглашены на торжественную церемонию передачи помещения бывших солдатских казарм в Катманду под школу.

Около трех часов дня во дворе будущей школы, под тентом на железных складных стульях, собрались сотни полторы людей. Непальские высшие чиновники в белочерных костюмах и иностранцы из дипломатического корпуса: послы, советники, секретари.

— Неужели это настолько важная церемония, чтобы собирать здесь, у этого ветхого черного здания, столько

занятых людей, весь цвет правительства? — недоумевала я. Я еще не привыкла к местным масштабам.

— Да, — ответили мне, — это важный акт и даже символический: казарма станет школой! А кроме того, здесь будет присутствовать сам махараджадхирадж Махендра.

Вскоре в сопровождении небольшой свиты и охраны действительно появился Махендра. Начались речи на непали. Затем все вслед за Махендрой двинулись осматривать новую школу.

Переступив порог, мы попали в темное помещение с низким потолком и земляным полом. Пространство слева кое-как загорожено бревнами. Поднимаемся по скрипучей лестнице на второй этаж. Там несколько полутемных, не вполне изолированных комнат. Глиняный пол, неоштукатуренные стены, квадратные незастекленные окошечки, нигде нет мебели. В дальней комнате на стенах размещается выставка детских рисунков на вырванных из тетрадей листках. Цветы, цветы, портреты Махендры и махарани в обязательных темных очках...

Не задерживаясь, процессия тем же путем вышла из помещения, и, проведив Махендру, все разъехались.

Завтра утром в эту школу прибегут сто черноголовых худеньких ребятишек, усядутся, скрестив ноги, в комнатах на полу и будут учиться. Один-единственный учитель будет подходить то к одной, то к другой группе детей и давать им упражнения или объяснения.

Позднее я видела в Катманду другие школы, они выглядели не лучше, чем эта. Интересно, какие же школы в провинции? Провинциальную школу я увидела в тераях, это была просто утоптанная площадка под деревом. Говорят, что не все школы в тераях такие, но площадка под деревом — не исключение. Сюда приходят учиться около двух десятков ребятишек. Занятия зависят от погоды, а мизерная заработная плата учителя — должно быть от всевышнего, ее выплачивают нерегулярно. А между тем учителей в Непале не хватает, и во многих местностях совсем нет школ.

Но не все дети получают образование в школе. Детей брахманов, например, по традиции еще в пятилетнем возрасте отдают для обучения учителю-отшельнику, лучше всего куда-нибудь в лес. Вдали от родительского

крова, без заботы и ласки близких они живут двадцать лет, после чего возвращаются домой в «звании» йога.

Родители встречают ученых сыновей, женят их и отдают им дом, а сами обычно уходят жить в другое помещение, в другое место. Они поступают так, как предписывает религия. Религия индуистов и буддистов с незапамятных времен позаботилась о расписании всей жизни каждого верующего, и особенно человека избранного, к каким относят себя брахманы. Вся их жизнь заранее упорядочена, заранее расписана, и рассуждать о ней нечего, надо только исполнять. Первые двадцать пять лет жизни отведены для ученья, следующие двадцать пять лет он должен быть добрым домохозяином, обзавестись семьей, воспитывать детей, заботиться об их благополучии, копить богатство. После пятидесяти лет он посвящает себя служению богу, ищет истину...

Дети из касты чхетри — военных и государственных служащих в Катманду — учатся и живут в школах-интернатах начиная с шести лет. Дома они бывают только в субботу. В интернате у них строгий распорядок дня. Дети встают в семь часов утра, делают гимнастику, завтракают, затем учатся до часу дня. Потом, после большого перерыва на обед и отдых, снова занимаются часа два. Дальше до сна будет свободное время и легкий ужин.

Пребывание ребенка в интернате обходится родителям в 100—150 рупий в месяц. Много это или мало, можно себе представить, если вспомнить, сколько зарабатывает глава семьи в других группах непальского общества. Строительные рабочие, например, и поденные рабочие других специальностей получают в день по две рупии, шоферы — 90—120 рупий в месяц, служащие — 200—300 рупий, инженеры — 400—700 рупий.

Среднее и высшее образование дети привилегированных слоев раньше получали обычно за границей, чаще всего в Индии. В последние годы в Непале появилось несколько десятков колледжей и университет Трибхувана в Катманду. Теперь можно получать образование, не выезжая из Непала. Обучение в Непале везде платное. Студент университета должен платить 15 рупий в месяц, а в колледже — 10 рупий.

В стране не хватает образованных людей, и это начинают понимать. Находятся и энтузиасты, например

буддийский монах Амритананда. Его стараниями по содействию с великой святыней, Свайямбхунатхом, открыт новый колледж. Амритананда неустанно пропагандирует необходимость образования и каждый год обращается к правительству за средствами, просит помощи и у иностранцев. В результате его усилий колледж живет. Трое преподавателей в нем — русские, преподают математику, физику и химию. Преподают так, что плоды их работы заметны, их ученики чаще, чем из других колледжей, попадают в университет. Это тем более замечательно, что непальские студенты не похожи на наших. У них свободно слушание лекций, и они не привыкли к домашним заданиям и контрольным работам. У них стало модным устраивать забастовки.

Чего они добиваются? Добиваются отмены экзаменов, отказываются изучать какой-то предмет. А бывают волнения студентов и по другому поводу. В 1968 году зимой я видела демонстрацию студентов. Человек сто нестройными рядами быстрым шагом, в возбуждении вскидывая вверх руки и что-то выкрикивая, прошли по Ройял уэй мимо западных ворот резиденции махараджадхираджа Махендры. Студенты требовали смещения с поста министра просвещения за грубое выступление перед ними в колледже.

Поскольку правительство никак не реагировало на требования студентов, на другой день толпа студентов, уже вдвое большая, пришла к Сингх дарбару и скандировала свое требование: «Сместить министра-полицая с поста!» Эта вольность стоила им десятков переломанных ног, рук и ребер. Говорят, чуть не все демонстранты угодили в госпиталь. На этом и кончился студенческий бунт. Потом мы слышали еще о волнениях студентов в Биргаджэ и других городах тераев, но и они кончались ничем.

В Катманду есть при Тричандра колледже школа иностранных языков, где в порядке помощи Непалу преподаватели-иностранцы обучают непальских студентов языкам: французскому, русскому, немецкому, китайскому, испанскому и др. В школе 137 юношей и 18 девушек. Я присутствовала в этой школе на пятилетнем юбилее, который совпал с непальским Новым годом.

Собрались днем в большой аудитории с покатым полом, где были настеж раскрыты все окна не столько

для проветривания, сколько для обогрева аудитории. На толстом слое пыли на скамейках четко отпечатались места, где сидят студенты.

Торжество началось так же, как и у нас, — речами. Все ораторы говорили гладко, без бумажек и не утомляли слушателей. А между тем подводились итоги работы школы за время ее существования, высказывались приветствия и хорошие пожелания.

Студенты мне показались чрезмерно спокойными, молчаливыми, как будто они не были знакомы между собой.

После торжественной части все вышли на веранду, где уже ждал чай со сладостями. Цветные пампушки, полупрозрачные крендельки, крохотные пирожные и другие лакомства: соленые орешки, наперченная сухая лапша и чечевица. Побеседовав немного за чаем, который все пили стоя, где кто хотел, все тихо разошлись.

Дома я все еще думала о встрече со студентами. Почему они такие инертные? Как будто у каждого за плечами тяжесть забот. А может быть, это так и есть? Может быть, некоторые из них обременены семьей? Может быть, их разделяет кастовая принадлежность? И это может быть, хотя шудр среди них безусловно нет. Языки они изучают в надежде на заработок в будущем, а у кого из этих юношей есть уверенность, что после окончания курсов у него будет работа, тем более связанная с языком? Такой уверенности нет. Часть студентов, изучая иностранный язык, лелеет мечту поехать потом учиться за границу. Но здесь уверенности еще меньше, этот вопрос решается правительством, а главное — счастливый удел зависит от личных связей.

Но все же молодость есть молодость! Почему же она не прорывается, когда для этого есть предлог? Почему не тянутся друг к другу эти молодые люди, а держатся особняком? Кажется, и здесь главная причина — традиции.

Коровы -

С первых дней пребывания в долине Катманду обращаешь внимание на коров, хотя внешне они незвучны: малы, ужасно тощи, со сломанными рогами, всклокоченной шерстью, заляпанной нечистотами. Только боль-

ише грустные глаза под длинными ресницами придают благородное выражение коровьим мордам. Быки выглядят иначе. Это крупные животные свирепого вида с высоким горбом, напоминающим большой колпак, сдвинутый назад. Они упрямы и держатся нахально. Лучше к ним не подходи.

Встречаются быки, клейменные трезубцем, — они принесены в дар Шиве. Хозяева выжигают на крупе молодого бычка этот атрибут Шивы и прогоняют его со двора, отныне он должен сам находить себе пищу. Ему прощаются ночные потравы на полях крестьян. Крестьяне верят, что урон, нанесенный священным быком, любимцем Шивы, возместится им вдвое. Но днем быков и коров с полей нещадно гонят.

На коров обращаешь внимание поневоле, они имеют обыкновение загораживать дорогу. Лежат, пережевывая жвачку, или стоят, облизываясь, и не думают сдвигаться с места. Им нравится отдыхать на дороге, они совершенно уверены, что на них никто не наедет. Коровы бродят решительно везде: по центральным улицам, по базарам, по чужим дворам, в священных местах. Их можно видеть в галереях для паломников и на шумных площадях в праздничной толпе...

Мы думали, что эти животные в силу своей священности бездомны. Но нет, оказывается, все они имеют хозяев, но за ними хуже ухаживают, чем за буйволицами, видимо, потому что проку от них не так много. Поскольку корова священна, ее мясо есть нельзя, шкурой воспользоваться можно только после ее естественной смерти. Молока корова дает не больше, чем коза. Главная польза от коров — помет. Не только в деревнях, но и в столице встречаются целые стены, залепленные лепешками, на каждой отпечаток ладони с растопыренными пальцами. Так заготовливают его в прок. Он служит и удобрением и топливом. Свежим пометом вместе с глиной подмазывают полы в комнатах. Мочей коров иногда даже обрызгивают больных, она считается целебной.

Еще от коровы как от особы священной верующие получают благословение, берут прах от ее хвоста. Сначала прикасаются пальцами, сложенными щепотью, к основанию хвоста коровы, а потом — к своему лбу, проговаривая про себя молитву. Почему берут прах именно



Рис. 35. Мужчины отдыхают

от хвоста священных коров? Потому что в нем и заключена вся святость коровы — так рассказывает легенда.

Однажды Брахма и Вишну были вместе. Скоро к ним присоединился и Шива, но не в обычном виде, а в виде огненного столба, у которого не было ни начала ни конца. Брахма и Вишну удивились этому, а так как они никуда не спешили, то и решили поискать начало и конец столба. Вишну превратился в рыбу и ушел под воду, а Брахма стал подниматься вверх. Лезет, лезет — нет конца столбу. Надоело это ему, захотел он возвратиться обратно и сказать, что нет конца у столба, да вспомнил: «А вдруг Вишну нашел начало? Значит надо будет признать первенство Вишну, а не его, Брахмы — создателя всей вселенной! Нет, так не годится». Подумал так Брахма и осмотрелся кругом, не видит ли его кто. Неподалеку паслась корова.

— Корова, ты видишь этот столб? Скажи, когда тебя спросят, что видишь его конец.

— Ладно, — сказала корова.

Успокоенный Брахма спустился на землю. Вишну уже ждал его.

— Ну как, ты нашел начало столба? — спросил его Брахма.

— Нет, — сознался Вишну.

— А я нашел конец.

— Не может быть! — сказал Вишну.

— Корова — свидетель. Она подтвердит, что на конце столба сидит птица лебедь.

Тогда Вишну спросил корову, так ли обстоит дело.

— Да, — смиренно ответила корова, глядя прямо в глаза Вишну. Но хвост ее при этом усиленно болтался из стороны в сторону, и Вишну понял: корова говорила неправду, правду говорил ее хвост.

— Ах ты, презренное животное! Отныне ты будешь считаться поганой, только хвост твой будет святым, — сказал Вишну. И он прогнал священную корову.

Брахме тоже досталось по заслугам. Шива, не стерпев его гнусного поведения, взял и отрубил одну из его четырех голов. С тех пор Брахма имеет только три головы. А люди, хоть и знают, что он создатель всего сущего, но не зависят от него и не боятся, а потому и не так чтут, как Вишну и Шиву. Даже не поставили своего создателю ни одного храма во всем Непале.

Корова — олицетворение богини Лакшми, богини здоровья и благополучия. О ней вспоминают не один раз в году. Во время праздника Тихар корове отводится один день. А в августе есть праздник Гай джатра (коровий праздник), который длится восемь дней. Его празднуют в Непале и буддисты, и индуисты, хотя поводы для праздника у них разные. Буддисты в этот день торжествуют победу учения Будды над другими религиозными учениями, а индуисты якобы отмечают конец «посевной кампании». Но те и другие в этот день устраивают поминки близким родственникам, которые умерли в прошедшем году.

Праздник начинается рано утром. В центре города устраивается специальная церемония, продолжением которой является шествие по определенным улицам города под музыку. Шествие составляют маленькие группы людей, нестройно идущих с большими интервалами. Во главе каждой группы людей идет корова или мальчик, изображающий корову. Коровы покрыты куском желтой



Рис. 36. Церемониальное шествие «коров»

материи, украшены гирляндами из живых цветов и пятнами краски. Морда, рога, ноги, бока — все разрисовано. Еще больше разрисованы мальчики — двуногие «коровы». Подведенные глаза, лихие завитушки усов, красные пятна на лице, копна цветов на голове и блестящие, блестящие... Но главное — золоченые рога. Над некоторыми двуногими «коровами» несут огромные цветные зонты.

Сердобольные верующие выходят на улицу встречать шествие. Выносят деньги, рис и другую снедь и угощают коров, главным образом двуногих. Вот женщина поит молоком из огромного алюминиевого чайника мальчика в шапочке с коровьими рогами... На Дарбаре, под балконом дворца, остановился джип, заваленный зелеными свертками. Это завернутая в листья снедь, предназначенная для раздачи двуногим «коровам». Вместе с коровами эти подарки попадут к «переселившимся душам», они увидят и оценят пожертвования верующих.

Помяная умерших, то бишь переселившиеся души, им желают счастливой жизни в новом воплощении и дарят

им корову. Люди, которые не в состоянии подарить корову, делают это символически: сами изображают корову или нанимают кого-нибудь для этого, как правило мальчиков.

В праздник умерших вспоминают только добром, их восхваляют. Состоятельные люди нанимают поэтов, которые сочиняют умершим хвалебные стихи. Стихи читают или поют при народе на площадях. Нанятые оркестры услаждают слух музыкой. И конечно, родственники идут к храмам и монастырям и молятся за умерших, и задабривают богов лепестками цветов, зернами риса, кусочками фруктов. Буддисты молятся «об обуздании духов разрушения». Особое предпочтение отдается в этот праздник Будде и Кришне.

Вечером улицы снова заполняются народом. На площадях самодеятельные артисты выступают в масках: поют, танцуют, разыгрывают сценки. Интересно, что в этот праздник темы разыгрываемых пьесок могут отклоняться от религиозных сказаний и легенд. В этот праздник допускается любая тема: политическая, социальная. Нормальным, почти обязательным, считается, что на подмостках критикуют существующее правительство и порядки. Это допускалось даже при тираническом режиме семейства Рана.

Может быть, читатель спросит, при чем здесь корова? Да и мы задавали себе этот же вопрос, но... ответа не нашли.

А пока расскажем невымышленную историю, в которой участвует — и в прямом смысле является камнем преткновения — бык.

Это произошло во время муссонного периода в 1969 году. По главной (и почти единственной) улице деревни Тхими снизу в сторону шоссе ехал на мотоцикле красивый юноша. Иссиня черные волосы аккуратно подстрижены и масляно блестят. Узкие брюки европейского покроя, японская нейлоновая ярко-желтая рубашка, очки. Все в нем выдавало человека из семьи высокопоставленного чиновника.

Из всех окон и дверей на него омотрели любопытные глаза, но это делалось деликатно. Заслышав трескотню мотоцикла, голопузые ребятишки прекращали возню и прижимались к домам, уступая мотоциклисту дорогу. Шумно взлетали куры, неохотно поднимались псы. Они

понимали, что на такой улице с неровной булыжной мостовой лучше не заставляя объезжать себя. Словом, все вокруг вели себя благоразумно и почтительно... кроме черного быка. Вон он развалился у храма, который стоит так, что заставил улицу изогнуться.

На трескотню мотоцикла бык, этот дальний родственник Нанди, никак не реагировал. Юноша воспользовался клаксоном и сделал это со всем вкусом и щедро. Но результат был тот же. Бык был уже близко, и раздумывать было некогда. Впрочем, о чем тут раздумывать? Наехать на быка невозможно. Это исключено. Бык священ. За его смерть — смерть. Никакое образование и положение семьи не спасет от этого закона. И вспоминать об этом надобности не было, это знают с пеленок все.

Резкий поворот руля. Глухой удар. Еще удар. Скачки машины и виртуозное сальто-мортале человека... Затем — тишина. Треск оборвался разом. Раздавленной лягушкой желтеет рубашка, медленно крутится колесо...

Любопытные остановились на некотором расстоянии. Щелкали языками, качали головой. Ни к юноше, ни к машине никто не прикасался. Только к вечеру явились родственники юноши и увезли его тело.

А бык между тем все еще лежал, развалясь, на дороге, никем не потревоженный. Когда наконец на него обратили внимание, то заметили, что его тело давно перестало быть вместилищем души.

Интервью с йогом

Я долго ждала этой встречи, встречи с йогом, человеком в нашем понятии почти сказочным, выдуманным, нереальным. Но оказывается, есть такие люди на земле — в Индии и в Непале. Однако и здесь их немного. Разные садху, полуголые, вымазанные пеплом с головы до ног или прикрытые шкурой, с войлоком волос на голове — это, конечно, не то, совсем не то... Хотя в нашей печати в последние годы появлялись сообщения о йогах, это не меняет дела, так как все они касались йогов, которые занимались системой хатха йога. Мне представлялся случай познакомиться с йогом другой системы.

Машина ехала по неосвещенной улице между кирпичных домов, стоящих друг к другу вплотную. Был только восьмой час вечера, а люди, казалось, уже спали. Чернели провалы окон и дверей, только кое-где мерцал слабый рыжеватый свет. Вот и лавчонка-ресторан, ниша длиной три метра по фасаду, освещенная коптилкой. Где-то здесь меня должен встретить Партиб.

Машина остановилась, к ее двери подошли Партиб и его жена Малати. Малати взяла меня за руку и потянула за собой. Это было нелишним: под ногами почему-то были ямы и булыжники, о которые я все время спотыкалась. Мы нагнулись и вошли через дверь сразу с улицы в узкий и низкий проход, повернули направо и поднялись по узенькой приставной лестнице на второй этаж. Здесь, на площадке, скинули обувь и шагнули за высокий порог открытой настеж маленькой двери. В комнатке на матрасе, постланном на полу, сидел, скрестив ноги, он, йог. Комнатка была полна народу. У всех стены посередине на полу, и рядом с йогом сидели мужчины и женщины, но йогом мог быть только он, этот длинноволосый мужчина с ясным, одухотворенным и очень спокойным лицом. Худощавое, без растительности, это лицо с глубоко посаженными глазами часто оживлялось кроткой улыбкой, и тогда становились видны ровные белые зубы.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и жестом предложил сесть рядом с собой. При этом сидевший тут непалец проворно поднялся. Один за другим стали уходить и остальные, и мы остались вчетвером.

Партиб заговорил с йогом. Затем он спросил, что же меня интересует. «Гуру (учитель) и лечит, и предсказывает, дает советы. Кстати, Вы можете спрашивать прямо самого гуру, он Вас поймет, он понимает на многих языках. Нет, он считает, что знает только непали, но... понимает всех».

— Меня интересует другое. Кто такие йоги? Суть их учения? Цель, польза этого учения... И я хотела бы больше узнать о самом хозяине, ведь у нас в стране нет йогов. Сколько ему лет, как он живет, где учился системе йогов, что побудило его стать йогом?

Хозяин, казалось, посерьезнел.

— Гуру сказал, что он нигде не учился, — перевел Партиб. — И он хочет сначала посмотреть Вашу руку.

Пришлось протянуть руку. «Но какое же это имеет отношение к системе йогов?» — подумала я.

Словно подслушав мои мысли, йог ответил: «Да, предсказания по линиям рук не имеют никакого отношения к учению йогов. Никакого!»

Йог, видимо, хотел познакомиться со мной. Он взял мою руку в свои теплые, мягкие, с длинными пальцами ладони и стал, едва касаясь, прощупывать каждый бугорок, каждую впадину на ней. Он сказал, сколько мне лет, какая болезнь давно меня мучит, описал мой характер. Сказал, сколько у меня детей, какие они, какое будут занимать положение, какое положение у моего мужа, наши взаимоотношения, занятия... и многое другое.

Я должна была сознаться себе, что йог сказал о прошлом и настоящем правду. А что касается будущего, то судить об этом еще рано. Определяя мой возраст, он сильно ошибся, но тут же поправился, когда я указала на это, и сказал, что первоначально назвал год, когда я буду сильно болеть.

— Спрашивайте, что Вас интересует? — сказал йог.

— Спасибо. Меня интересует учение йогов.

Йог помолчал немного, а потом тихим, спокойным голосом долго говорил, глядя на Партиба. Я в это время внимательно рассматривала и самого йога и его лице.

Он сидел очень прямо на своем матрасе, с ногами, покрытыми клетчатым пледом, но и под пледом было заметно, что ноги сложены так, как полагается, — в позе лотоса.

В комнатке не было никакой мебели, как обычно у непальцев. Убранство составляли: соломенная плетеная подстилка на полу, на ней, у стены, матрас, перед ним войлочный коврик, над матрасом прикрепленная к стене черная москитная сетка, в углу рядом с матрасом изрядная куча мусора. И вообще говорить о чистоте или уюте комнатки не приходилось. По всему было видно, что ими пренебрегают: осыпавшаяся побелка на стенах, до нельзя забитые пылью оконные ниши с поломанными ставнями.

Для начала наш йог рассказал легенду о знаменитом риши (йоге) Дурбаши, который умел переселяться в любое живое существо и даже в неживое, то есть он

умел направлять свою прану * в изучаемый предмет так, что постигал его в совершенстве. Это помогало наукам, например истории. Он мог восстановить события давно минувшего времени. «Современные риши, — продолжал йог, — не показываются людям, они, как святые, как боги, спускаются к ним только тогда, когда люди в них очень нуждаются: когда необходимо восстановить на земле мир или веру (религию). Вера — это дом, в котором живут йоги».

Выслушав эту мистическую философию, я попросила Партиба для экономии времени «спуститься на землю» — к более реальным проявлениям жизни йогов.

— Не скажет ли уважаемый хозяин, как называется его система, которой он придерживается? Я слышала, их несколько?

— Да, несколько. Он предпочитает занятия Самадхи (8-я ступень раджа-йоги). Главное в ней — умение сосредоточиваться, так сосредоточить свою мысль, что полностью уходишь из реального, здешнего мира и становишься способным постигать то, что в обычном состоянии постичь невозможно. Это состояние — состояние телепатии. Внешне его можно определить по следующим симптомам: все тело будет совсем холодным, теплым остается только грудь и голова. Тело при этом становится совершенно нечувствительным, например его можно резать. Йоги переносят хирургические операции без наркоза. Дыхания у человека в это время нет, оно находится в стадии задержки.

— Вредно ли это?

— Нет, не вредно, даже очень полезно.

— А какая польза от этого еще?

— Кроме пользы для собственного здоровья это полезно для людей. Йоги помогают людям, как я уже говорил, быть здоровыми и спокойными. Если люди знают, что их ждет, они не волнуются или волнуются меньше. Лечат же йоги все болезни, даже рак и проказу. Нет, дело не в лекарствах, скорее совсем не в них... Йоги помогают больному стать здоровым, научив его управлять своим телом, всеми своими органами. Все зависит от головы, от распределения, от направления праны... Йоги могут помогать науке. Для йогов нет расстояния.

* П р а н а — энергия.

Вот, например, Вы, будучи йогом, могли бы теперь, мысленно конечно, побывать у себя дома в России и убедиться, что там все в порядке. Йоги могут оживить человека, если он умер преждевременно, внушая ему мысленно, без звука, определенные действия.

— Я слышала, что Вы разговариваете с индийским йогом, находясь в разных странах?

— Йоги могут разговаривать друг с другом на больших расстояниях, только это им ни к чему, их мысли будут одинаковыми.

— Я читала в здешней газете об открытии школы йога. Вы имеете к ней отношение?

— Нет, не имею. В этой школе обучают только гимнастике, то есть физическому, а мое призвание — сосредоточение. Учить же этому в той школе в центре города нельзя, там недостаточно тихо. Во время обучения сосредоточению необходим строгий режим и покой. Главное заключается в регулярных упражнениях, которым посвящаются ночные часы (с 12 до 3), утренние (с 4 до 7) и дневные (с 12 до 2). В эти часы идут занятия по сосредоточению мысли. Ученик этой школы может работать, если работа не мешает указанному режиму.

— Вы упражняетесь каждый день?

— У меня нет в этом необходимости, давно уж я окончил учение и теперь никогда его не забуду. Я могу сконцентрировать свою мысль в любой момент.

— А гимнастику Вы признаете? Я вижу, Вы сидите в позе лотоса.

— Да, гимнастикой я занимаюсь каждый день, и на голове стою обязательно. Ем два раза в сутки. Что? Легкую пищу: молоко, фрукты. Не ем мяса, не пью вина, не курю, не был женат и никогда не имел женщин. Пью много воды во время гимнастических упражнений. Сколько мне лет? Пятьдесят семь. Мое имя — Бидхя Бхушан Йоги.

— А Вы бы хотели заниматься гимнастикой по системе йога? — вдруг спросил меня Бидхя Бхушан. И добавил:

— После пятидесяти лет не всем и не все можно. Например, нельзя без длительной предварительной подготовки становиться на голову. Можно принести вред организму, даже повредить мозг. Но сосредоточением заниматься можно.

Принесли чай с молоком и печеньем. Это сделал статный высокий юноша интеллигентного вида и хорошо одетый. Сделал все, не проронив ни одного слова. Мне тоже подали стакан, и йог положил на мой блокнот два печенья. Почему-то все засмеялись, и тогда йог одно печенье убрал.

После чая беседа продолжалась, но было уже поздно, пора было уходить.

— Мне бы очень хотелось знать, каких результатов Вы достигли. Как долго Вы можете находиться в состоянии сосредоточения?

— Я могу находиться в состоянии сосредоточения мысли до 36 часов, а дыхание замедляю до 18 часов: 6 часов вдох, 6 — задержка и 6 часов выдох.

Он тут же принял позу лотоса, то есть и руки привел в надлежащее положение, полузакрыв глаза и продемонстрировал цикл дыхания, так сказать, качественно. Он был приблизительно раза в четыре длиннее нашего обычного. Границы вдоха, задержки и выдоха йог показывал жестом.

Мы договорились, что через день увидимся и тогда Бидхя Бхушан продемонстрирует свое искусство, о времени же он договорится с Партибом, и тот мне позволит.

Но звонка я так и не дождалась.

До свидания, Непал!

Между тем подходило время отъезда домой, на Родину. Сборы, приготовления к дороге, последние таможенные и медицинские формальности, прощальные визиты и прием гостей поглощали все мое время. А мысли все чаще и чаще улетали туда, на север. Непал временами казался уже чужим, а временами, наоборот, — близким и дорогим, и жаль было с ним расставаться. С его тишиной, покоем, с его простодушным и приветливым народом. Но разлука приближалась, и через несколько дней мы распрощались с Непалом.

Снова аэродром. Как теперь он отличается от того аэродрома, на котором мы приземлились первый раз в Непале! Здесь новое летное поле из железобетонных плит, новое современное здание вокзала из стекла и бе-

гона, рядом достраивается здание таможни, дальше стоят ангары. И самолеты уже не те, летают вдвое быстрее. Стремительно меняется Непал!

А горы прежние. Утренний туман рассеялся, и за зелеными ближними горами на севере засверкали нежно-оранжевые вершины, словно хорошо прогретые перед прокаткой стальные слитки. Люди вокруг прикрыли темными очками глаза и рады спрятаться в тень... Жарко. Апрель.

Рев самолета. Крепкие пожатия многих рук. Самолет еще раз пробежал мимо людей, машущих руками, и оторвался от земли.

Прощай, Непал! Нет, до свидания, Непал!

СОДЕРЖАНИЕ

Дорога	3
История и современность	6
Первые впечатления	6
Большая долина	17
Немного истории	32
По следам истории	56
Древний дворец раджей	56
Поездка в Нувакот	65
Ближние ворота Большой долины (Киртипур)	71
Непальские достопримечательности	75
Национальный музей	75
Свайямбхунатх	78
Боднатх	88
Пашупатинатх	96
Праздники и боги	117
Дурга пуджа	117
Живая богиня (Кумари)	132
Индра джатра	137
Тихар	143
Новый год	150
Паломничество к богине Ваджрайогини	172
В тераях	178
Закладка первого камня	178
Патлая	188
Биргандж и окрестности	195
Первенец индустриализации	202
Торжества на сигаретной фабрике	214
Непальский калейдоскоп	227
Свадьба	227
Свадьба ювораджадхираджа	244
День рождения махарани	256
Кое-что о просвещении	260
Коровы	266
Интервью с йогом	272
До свидания, Непал!	277

Людмила Викторовна Якубенюк

**ПОД КРЫЛОМ ВИШНУ
(Очерки о Непале)**

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор *О. М. Гармсен*
Младший редактор *Н. В. Бушужева*
Художник *А. К. Озеревская*
Художественный редактор *Э. Л. Эрман*
Технический редактор *М. В. Погоскина*
Корректоры *К. Н. Драгунова* и *Н. Б. Осягина*

Сдано в набор 11/IX 1974 г. Подписано к печати 7/V 1975 г. А-11903. Формат 84×108¹/₃₂. Бум. № 1. Печ. л. 8,75. Усл. п. л. 14,7. Уч.-изд. л. 14,91. Тираж 15 000 экз. Изд. № 3556. Зак. 783.
Цена 49 коп.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука»
Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

Цена 49 коп.